

СТОЛИЦА

№18 (128) 1993г.

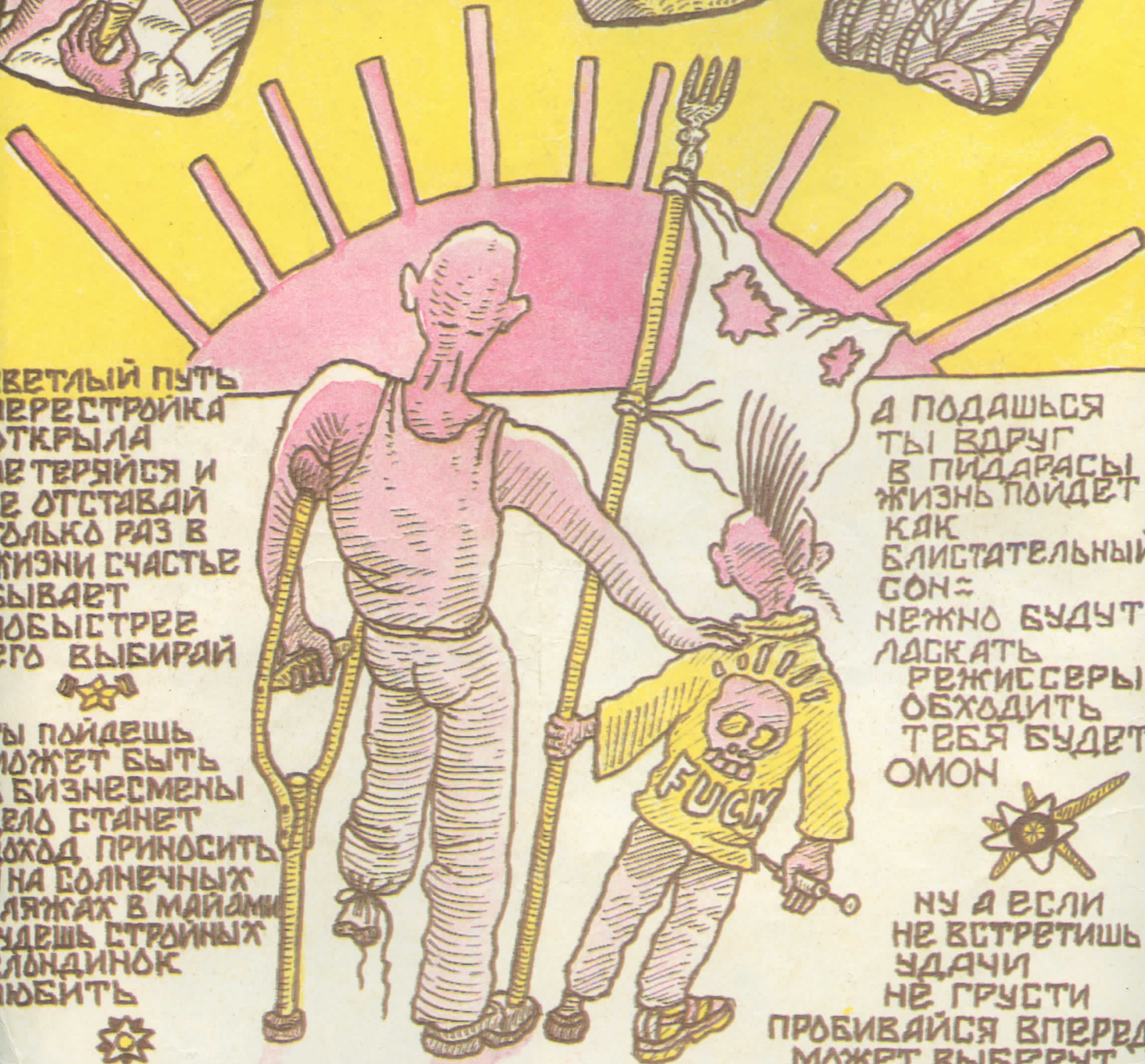
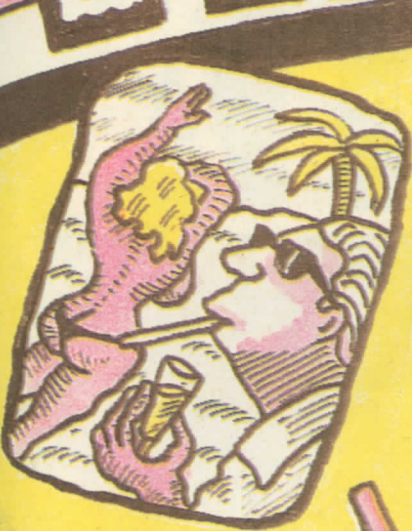

КОММЕРЧЕСКИЙ
БАНК **ЛЮБЛИНО**

ИМЕЙ КЛЮЧИ К УСПЕХУ!

иллюстрированный еженедельник

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ
ПЕРЕСТРОЙКА
ОТКРЫЛА
НЕ ТЕРЯЙСЯ И
НЕ ОТСТАВАЙ
ТОЛЬКО РАЗ В
ЖИЗНИ СЧАСТЬЕ
БЫВАЕТ
ПОБЫСТРЕЕ
ЕГО ВЫБИРАЙ

ТЫ ПОЙДЕШЬ
МОЖЕТ БЫТЬ
В БИЗНЕСМЕНЫ
ДЕЛО СТАНЕТ
ДОХОД ПРИНОСИТЬ
И НА СОЛНЕЧНЫХ
ПЛЯЖАХ В МАЙАМИ
БУДЕШЬ СТРАИНЫХ
БЛОНДИНОК
ЛЮБИТЬ

НУ А МОЖЕТ ТЫ ДВИНЕШЬ
В БАНДИТЫ
БУДЕТ ЖИЗНЬ ТВОЯ ТОЧНО В КИНО
ПЕРЕСТРЕЛКИ ПОГОНИ ДОБЫЧА
МЕСТЬ ЗА КРОВЬ КОНЬЯКИ И ВИНО

А ПОДАШЬСЯ
ТЫ ВДУРГ
В ПИДАРАСЫ
ЖИЗНЬ ПОЙДЕТ
КАК
БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
СОН
НЕЖНО БУДУТ
ЛАСКАТЬ
РЕЖИССЕРЫ
ОБХОДИТЬ
ТЕБЯ БУДЕТ
ОМОН

НУ А ЕСЛИ
НЕ ВСТРЕТИШЬ
УДАЧИ
НЕ ГРУСТИ
ПРОБИВАЙСЯ ВПЕРЕД
МОЖЕТ ВЫБЕРУТ
ХОТЬ В ДЕПУТАТЫ
И НЕМНОГО
ТЕБЕ ПОВЕЗЕТ...

РИСОВАЛ В.С.БИСБЕК • BERLIN 1991Z

НЕ ВЕЗЕТ ЦЕНТРИСТАМ В РОССИИ

Николай ТРОИЦКИЙ

«Гражданскому союзу» не повезло — с соперниками, с лидером, с эпохой. Центристы — как они сами себя называют — терпят поражение на полях сражений за власть в России.

А еще месяца два назад все складывалось удачно. И состав вроде был неплохой, и соперники под стать, и опытный лидер вел команду вперед, и игру свою почти что смогли навязать: медленно, но верно наступали. Но вдруг, в конце марта, резко сменился темп и игра обострилась до крайности.

При обострениях в политике всегда выигрывают фланги. «Крайним нападающим» — слева или справа, кто раньше успеет — легче прорваться к заветной цели. А центр откатывается в глухую защиту, о нападении думать некогда. Только успевай отбиваться по краям, держи оборону со всех сторон. А до ворот — до Кремлевских ворот, они одни на этом поле — все дальше и дальше. И хорошо бы еще уцелеть для будущих схваток.

Так и случилось. Почему?

«Гражданский союз» — легендарная организация. Нет, она не менее реальна, чем все остальные. Но слишком много сложено о ней легенд.

Одни публицисты-сказители утверждают, что «Гражданский союз» — это перекрасившиеся партократы, скрытые коммунисты, «номенклатурное подполье», в котором затаился реакционный директорский корпус и ужасный «военно-промышленный комплекс». Что спорить, есть среди членов ГС и директора, и военные промышленники. Но в целом легенда не сходится с реальностью. Как быть, например, с партией Николая Травкина — ДПР (Демократической партией России), — когда-то первой антикоммунистической партией на территории РСФСР. Она уже возникла, когда нынешний президент и почти все прогрессивные реформаторы наших дней еще состояли в рядах КПСС. А в какой «директорский корпус» или «номенклатурный» ряд зачислить парламентскую фракцию «Смена»? Большинство «сменщиков» никогда не состояли в компартии (по молодости не успели) и почти сплошь быв-

шие программисты, инженеры и младшие научные сотрудники.

Есть еще Народная партия «Свободная Россия» (НПСР) — бывшие «Коммунисты за демократию», крыло коммунистов-ельцинистов, отколовшееся вслед за Руцким от компартии РСФСР в 1991 году. Тут родовой партийный признак никак не скроешь, но при чем военно-промышленный комплекс? Есть еще Союз промышленников и предпринимателей и Всероссийский союз «Обновление». Вот здесь — директор на директоре сидит и директором погоняет. Их руководителей — Аркадия Вольского и Александра Владиславлева — именуют «индустриальными генералами». Правда, ни тот ни другой заводами никогда не командовали и давно уже работают профессиональными политиками. А настоящие директора и промышленники как раз стоят вполоборота к «Гражданскому союзу», пока тот не у власти, и блюдут исключительно собственные практические экономические интересы.

Лица, враждебно настроенные к «Гражданскому союзу», любят изображать его либо неким грозным монолитом, надвигающимся на Россию, либо «мыльные пузырем», который лопнул.

Строго говоря, все наши партии и движения — «мыльные пузыри». «Гражданский союз» не хуже и не лучше прочих.

А монолита, конечно, не было никогда и быть не могло. Слишком много разных составных частей в ГС, слишком много амбициозных политиков, тянущих в разные стороны и в основном на себя, — Травкин, Вольский, Головин и ребята из «Смены», «Владиславлев и его «аристократы» из «Обновления», которые публично брезговали соседством с «партийно-демократическим простонародьем» из ДПР. Не могли такие разные люди и разные политические силы объединиться надолго.

Поначалу, правда, казалось, что наконец-то на Руси родился мощный политический блок: вот-вот он создаст парламентское большинство, склонит на свою сторону президента и сформирует правительство. Но не прошло и нескольких месяцев, как на теле «Гражданского союза» проступили родимые пятна «ДемРоссии».

Нет, речь идет не о политическом и идеологическом прошлом некоторых его участников. Есть некое генетическое родство между всеми крупными российскими политическими образованиями, первым из которых была «Демократическая Россия». Это движение даже в самый разгар своей мощи и популярности не отличалось монолитным единством. Но пеструю демократическую вольницу поневоле объединял общий враг — компартия. Сегодня, кстати, точно так же общий враг временно сплотил диковинный «право-левый союз» коммунистов с Фронтом национального спасения.

А у «Гражданского союза» даже общего врага настоящего не оказалось. В политике для того, чтобы твердо встать на ноги, надо кому-то противостоять (в мирные, сытые времена в цивилизованных странах с развитой демократией бывает и по-другому, но в России, где все эпохи переходные, это совершенно необходимо). А в самом деле: кто главный враг у «Гражданского союза»? Президент? Демократы? Коммунисты? Да никто. Красивые теоретические рассуждения о том, что «центризм противостоит экстремизму в любых его проявлениях», уместны на научных конференциях. На таком лозунге политической карьеры не сделаешь и к власти не придешь.

Вот и разрушилась другая легенда — о «Гражданском союзе», как последней надежде российской демократии, хорошо организованной политической силе, которой стоит только передать бразды правления — и все сразу наладится: реформа пойдет куда надо, коррупцию и преступность победят, уровень жизни повысится. Вообще трудно подтвердить или опровергнуть то, что еще не произошло. Но дело не в этом. Бразды правления не дают, их берут, иной раз захватывают. Да рвались ли центристы к власти, хотели ли ее брать?

«Гражданский союз» оказался в уникальном положении. Его сторонники на редкость удобно устроились. Случай беспрецедентный: и не власть, и при власти. За ошибки кабинета министров, провалы, разруху, падение производства и прочие прелести нашей жизни они ведь вроде бы и не отвечают: «Это не наше

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

К.Завойский:

Нью-йоркский корпункт «Нового времени», единственным работником которого являлся Иона Андронов, был «совместным предприятием». Его соучредителями выступили редакция «Нового времени» и... Комитет государственной безопасности.

6

Ю.Афанасьев:

Говорят о моем хамелеонстве, приспособленчестве, беспринципности. Один человек подошел ко мне на днях... и все это мне выложил, добавив, что, если бы он знал, как изменятся мои взгляды, ни за что бы не подал за меня голос — скорее руки бы себе отрубил.

12

М.Глобачев:

В газетной брани, густо повишшей, вопреки народной поговорке, на воротах городов, идеально оформляется немая злость на незадавшуюся жизнь.

15

2 ЭКОНОМИКА

Из рассказа Юрия К., записанного Е.Эрикссен:

...Через три месяца мы вместо лотков поставили палатки, крепко встали на ноги. И вот тогда только позвонили хозяевам — сообщили, что в состоянии платить «страховку».

22

Б.Лагутенко:

Что это за самобытность российская?.. Если демонополизация, так некое уродство под «рыночным» именем. Если регулирование тарифов, так сговор наподобие пресловутых «договорных» цен. Если налоги, так удушение!

24

Ю.Устименко:

Мы все грешим легким кокетством, когда речь заходит об иностранной помощи. Принимаем охотно, но при этом делаем вид, будто нас это не касается...

26

3 ЖИЗНЬ

К.Климова:

Вечером ему позвонили, и он уехал из дома на «рафике», которым владел на паях с приятелем. Уехал, как сказал, на деловое свидание.

30

А.Митрофанов:

Музеи (от греческого — храмы муз) стали храмами... Чего же? Коммерции и мошенничества? Меркурия и Гермеса?

38

В.Юдашкин:

Я хочу, чтобы женщина чувствовала себя женщиной, всегда подчеркиваю грудь, бедра...

40

4 КУЛЬТУРА

Н.Коржавин:

Сейчас слишком большую активность стали развивать творческие импотенты, ни жизни не чувствующие, ни других людей. Именно они и кричат, что литература кончилась.

50

В.Мейланд:

Манеж! Престиж! Париж! А на деле — единственно возможный в нашей ситуации парад дилетантов, желающих побыстрому приобщиться к мудреной сфере арт-бизнеса.

53

П.Алешковский:

Вот я что и говорю — чувство юмора, главное — оно меня одно и спасало. Я потому легко живу, что смешно мне, а если скука нападёт, не отчаиваюсь, главное — резко обстановку сменить, и снова — вот он я, туточки.

60

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 ауп

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский,
Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни:
Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:
Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 29.04.1993 г.
Тираж 100 000
Цена договорная

Над номером работали:
П.Смирнов, О.Проханов, И.Мельникова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 1162

правительство, мы, вообще-то, в оппозиции». А к государственным распределительным рычагам причастны: свой человек, лидер, сидит в Кремле, в кабинете № 2 — сам вице-президент. Он, правда, уверяет, что никогда никаких финансовых документов не подписывал и в незаконных сделках не участвовал, он как раз боролся с коррупцией. Но я не о коррупции. При нашем-то засилье государственности и вице-президент, какой он ни «бесправный» и «опальный», хоть что-то, да распределяет.

Конечно, хорошо бы еще несколько министерских портфелей. В этом нет ничего зазорного: плох политический деятель, который не хочет портфеля. Нелепо звучит гнев высшего начальства по поводу «кадровых аппетитов» центристов. Но смехотворны и их кокетливые отговорки: «Мы к постам не стремимся!» Так что же вы делаете в политике? Уступите место другим, со здоровыми «кадровыми аппетитами». Да ведь не всерьез говорю, а для публики.

Свой аппетит центристы понемногу нагуливали, но на голод не жаловались. Главное: лидер при деле, рядом с президентом.

Говорят, он рвется в президенты. Вероятно, рвется — иначе с чего бы он пошел в вице-президенты — ради блага России, что ли? Оставим в стороне разговоры об офицерской чести и предательстве. К чему эмоции? Ельцин с самого начала брал Руцкого в связку не как единомышленника, а как союзника. И прекрасно знал, что у полковника есть свои взгляды и свои. Ему нужны были дополнительные голоса на выборах (иначе пригласил бы Бурбулиса, тот был совсем не против), и он их получил. По теории, два союзника, занявших высшие посты в государстве, должны были бы вместе сформировать коалиционное правительство. Но Россия опровергает многие теории. Из кого его было формировать? «Гражданского союза» летом 1991 года еще в природе не существовало. Он возник под Руцким и вокруг Руцкого гораздо позже и уже тогда начал претендовать на коалицию. Но время-то ушло. Руцкой не одобрял деятельности правительства, к которому, надо честно сказать, не имел никакого отношения. Он протестовал, обличал, обвинял всех подряд: Гайдара, Бурбулиса, Чубайса, «криминальное окружение президента». Но ни разу он не сказал ни одного плохого слова лично про Ельцина, не требовал его отставки или отрешения от должности.

Да и зачем? Я писал в «Столице» (№ 10), что Руцкой исподволь вел свою предвыборную кампанию и мог бы в ней победить. Не раньше весны 1994 года. Если бы не случилось в 1993 году мартовских и апрельских политических передраг.

Президент смешал все карты своим полуоппозиционным-полупридворным

центристам, выбил почву у них из-под ног. Они рассчитывали на вялотекущий вариант, эволюционное развитие событий. А тут началось: обращение к народу, «особый режим», импичмент, референдум... В воздухе запахло революционной ситуацией. Раздавались призывы: «Кто не с нами, тот против нас». «Или — или». Вопрос о власти был поставлен ребром.

Вот тогда и «Гражданский союз» в целом, и его отдельные части, и Александр Руцкой растерялись. Приведу два примера.

На IX съезде народных депутатов, в разгар подготовки к импичменту, по Большому Кремлевскому дворцу метался в панике Василий Липицкий — председатель исполкома «Гражданского союза», «серый кардинал» и «тайный советник» Александра Руцкого, фактический лидер «партии вице-президента» НПСР. Липицкий просил, умолял депутатов от центристских фракций — между прочим, полноправных членов «Гражданского союза» — спустить все дело на тормозах, остановить маховик отрешения, не доводить до крайности! В зале, с трибуны, то же самое пытался сделать Травкин. Ничего у них не вышло, фракции не послушались партийных вождей.

Когда все окончилось благополучно, я сам видел, как Липицкий облегченно вытирал пот со лба.

Не самый крупный мыслитель, Руцкой, как правило, «озвучивает» мысли и заготовки Липицкого. Тот не слишком заметен, держится в тени, но линия у них общая. Вот и сделайте вывод: желал ли вице-президент внезапного повышения в чине? Депутатская импровизация явно застала его врасплох.

И уж совсем расстроились центристы перед референдумом. Неслыханное дело: «крупнейший политический блок» так и не смог определиться, как отвечать на два первых вопроса: о доверии Ельцину и его экономической политике. Оставили все на усмотрение рядовых членов и их совести. А члены-то разные, и совесть им подсказывала диаметрально противоположные варианты ответов. Да что «Гражданский союз»! Практически каждая из входящих в него партий раскололась надвое: за и против президента. Неутомимый Липицкий на пресс-конференциях пытался демонстрировать оптимизм и говорил о единстве (ну он же доктор философии, помнит диалектику и Гегеля: единство — это борьба противоположностей). Вожди ГС кроме того сквозь зубы призывали к досрочным выборам, намекая, что не стоит особо торопиться с досрочностью. Еще бы: с таким диалектическим «единством» только и вести предвыборную кампанию!

Отчего же «Гражданский союз» и его лидер так и не смогли понять: за Ельцина они или против? Может быть, им дорог президент? Похоже, дело не в любви, а в расчете.

Открытое выступление Руцкого, его партии и всего блока против Ельцина и соответствующая агитация перед референдумом означали автоматическую отставку вице-президента. Возможно, не все со мною согласятся, но я уверен: иначе Руцкой не смог бы поступить. Кстати, он был готов на такой шаг. У меня есть достоверные сведения, что он даже текст заявления об отставке подготовил. Но тогда уж, призывая выразить на референдуме недоверие действующему президенту, надо было предложить альтернативу, то есть себя.

Партия — НПСР — сказала: «Нет». Испугалась, наверно. А если бы Руцкой проиграл? После окончательного раскола в верхах досрочные выборы уж точно произошли бы вскорости, чуть ли не летом. А в ближайшее время у Руцкого шансов мало, гораздо больше — все у того же Ельцина. Зачем это надо «Гражданскому союзу», привикшему к кремлевским коридорам (я думаю, не стоит объяснять, что при подобном раскладе центристов бы оттуда быстро попросили)? Да и кому нужен Руцкой — гражданин, а не вице-президент? А сколько пришлось бы искать нового лидера? Да и кого: Липицкий — не трибун, ему сподручнее работать Бурбулисом; Вольский до сих пор ни разу не прояснил своих политических позиций; Травкин слишком неуживчив, у него и в собственной партии было уже четыре раскола...

В результате, у «Гражданского союза» вышел пшик. В антиельцинскую кампанию формально не включились. Но и не сказать, чтобы поддержали президента. Ни то ни се, ни два ни полтора. С президентом все равно отношения испорчены, с непримиримой оппозицией — не налажены. Да и кому там нужны такие центристы, с их непоследовательностью, разбродом, шатаниями и без стержня? Пусть выступают на академических симпозиумах против «экстремизма в любых его проявлениях».

А позиция Руцкого все равно уязвима. Хотя бы с точки зрения морали. Это не самая главная вещь в политике, но для избирателей имеет значение. Честно говоря, они вряд ли помнят, что избрали его тоже всенародно, а воспринимают как заместителя главного начальника. Ясно, что у Руцкого с президентом расхождение чуть ли не по всем пунктам. А раз не уходит, значит, держится за свое место. Логика простая. Широким массам электората (сиречь простому народу) не объяснишь все тактические выкладки и расчеты партийных стратегов. Могут не понять и уже никогда не избрать.

Не знаю, кто в конце концов окажется победителем. Фланги сомкнулись в ожидании решающей схватки за власть. А центр провалился, «Гражданский союз» потерпел политическое поражение.

Жаль. Других центристов, получение этих, у нас нет.

Георгий ЗАДОНСКИЙ, например, хотя и радикальный демократ, относится к обращениям республик весьма взвешенно:

— Сегодня России согласиться поддержать такие просьбы — недопустимо. Дело Абхазии или Южной Осетии высказывать свои пожелания. Мы же должны, во-первых, попытаться предотвратить возможные и приостановить уже происходящие конфликты и, во-вторых, привлечь к решению подобных вопросов международные организации. И в рамках решений международного сообщества добиться прежде всего стабилизации положения в «горячих точках». А вопрос о вхождении каких-то образований в состав России может быть рассмотрен только в будущем, при наличии полной стабилизации обстановки в соответствующих регионах. И решать его следует исключительно правовыми, конституционными методами, скажем, через республиканские референдумы. Но, повторяю, все это возможно лишь в будущем, когда будет восстановлена нормальная мирная жизнь.

Мнение представителя оппозиционного парламентского блока «Российское единство» Николая ПАВЛОВА, как всегда, весьма противоречиво и категорично.

— Для России эта проб-

КТО — ИЗ РОССИИ, КТО — В РОССИЮ...

Пока то одни политики, то другие с высоких трибун и от всех микрофонов предупреждают о грядущем раскладе России, о стремлении нынешних субъектов Федерации перестать быть таковыми и отделиться, идет, похоже, и некий встречный процесс: республики, находящиеся сегодня в составе суверенных стран СНГ, по ту сторону российской границы, заявляют о своем желании присоединиться к России... Эти просьбы о присоединении раздаются уже не первый день. В который уж раз слышатся подобные обращения со стороны высших властей республик Южная Осетия и Абхазия. Республик — составных частей Грузии...

Вот что думают об этом российский законодатель, народные депутаты различной политической ориентации.

лема, может, и не очень актуальна. А вот для них — это вопрос выживания! Ведь не секрет, что и режим Гамсахурдиа, и режим Шеварднадзе проводил и в отношении, например, Южной Осетии политику геноцида. Как иначе называть расстрел мирного населения современными ракетами? То же самое и с Абхазией: когда с вертолетов обстреливали пляжи в Сухуми...

Для России же этот вопрос — головная боль. Так случилось, что Российская Федерация признала независимость Грузии в тех границах, которые включают и Южную Осетию, и Абхазию. У нас с Грузией существуют дипломатические отношения. И в этой ситуации в одностороннем порядке удовлетворить просьбы о вступлении Южной Осетии и Абхазии в состав России означает отказаться от тех отношений с Грузией, которые мы официально провозгласили. Это очень опасный процесс. Россия поставлена в довольно сложное положение. Ведь если обратиться к истории, то можно увидеть, что Абхазия совершенно самостоятельно вступала в свое время в состав Российской империи — это же не сбросишь со счетов! И еще одно: если мы пришли к выводу, что все, что

происходило начиная с 1917 года, происходило абсолютно нелегитимно, все границы формировались неправовым путем, в условиях коммунистической диктатуры, что все режимы в республиках устанавливались вопреки мнению народа (который, конечно, никто ни о чем не спрашивал, никаких свободных выборов не было и т.д.), то тогда — если мы, конечно, последовательные демократы — мы должны сказать: мы отказываемся от того государственного устройства, которое было нам навязано большевиками, и на основе демократических принципов самоопределения той или иной этнической общности прийти к некоему новому устройству на суверенной демократической основе. А именно: после прекращения всех военных действий, после вывода войск под наблюдением международных организаций на данной территории должно быть проведено голосование — и люди сами должны принять решение о том, куда они хотят пойти, где они хотят жить и с кем. Сами! И в этом случае, если таковым будет волеизъявление граждан, следует поддержать просьбу и Южной Осетии, и Абхазии о присоединении к России.

Бывший заместитель председателя Госкомнаца Владимир ЛЫСЕНКО, в недавнем прошлом по должности занимавшийся этими проблемами, смотрит на ситуацию трезво и спокойно:

— Я думаю, что эта проблема не может быть решена только Абхазией и Россией, Южной Осетией и Россией. Эта проблема, бесспорно, может быть решена только совместно с Республикой Грузия. Но, учитывая ту ситуацию, которая сегодня имеет место на Кавказе, сейчас крайне сложно решать вопросы, связанные с пересмотром границ. На мой взгляд, сегодня Россия должна требовать от Грузии (предыдущее правительство там проводило явную шовинистическую политику, направленную на выдавливание нацменьшинств, да и нынешнее пока не проявило себя с лучшей стороны) широкой политической автономии для республик Абхазия и Южная Осетия. То есть федерализации Грузии. А когда ситуация стабилизируется, думаю, к этим вопросам можно будет вернуться. Но сейчас, в ситуации войны на Кавказе, делить границы — это катастрофа для всего региона.

...Да, похоже, так. Именно катастрофа. В этой связи очень настораживает решимость того же Николая Павлова: «Мы будем делать все, чтобы идею неправомерности границ, установленных в рамках СССР, довести до каждого гражданина»!

Что ж, конечно, это право каждого — свою идею довести до гражданина. Весь вопрос лишь в том, чтобы, не дай Бог, этой идеей не довести самого гражданина до опрометчивых шагов...

Вот о чем, как мне кажется, надо всем нам не забывать в это взрывоопасное время.

Григорий КРОШИН

«СНИКЕРСОМ» ПО ЕЛЬЦИНУ

Как и в любом нормально (точнее, ненормально) политизированном российском городе, страсти в Барнауле перед референдумом накалились до безобразия. Обе стороны яростно бросали в бой последние резервы, проявляя в деле агитации и пропаганды недожиданную изобретательность. Совсем в духе западных предвыборных кампаний барнаульские демократы подняли в воздух дельтаплан, с которого над пригородом, окрестными селами и просто над полями разбрасывали листовки. После этой «агитбомбардировки» прокламации находили в самых неожиданных местах садовы-огородники, пастухи.

Коммунисты же Барнаула предпочли выработать свой агитметод. Впрочем, не зря же говорят, что новое — хорошо забытое старое! Посему патриотическо-коммунистические силы не мудрствуя лукаво просто-напросто подрядили расклеивать свои листовки детишек. Не за так, естественно, за шоколадку! Находчивые детишки, получив «предоплату» в виде шоколадки, предпочли не возиться с антиельцинскими воззваниями, спустив их... в мусоропровод. Вот так в очередной раз наши коммунисты не учли психологии людей — новое поколение выбирает «Сникерс». И только...

Сергей ТЕПЛЯКОВ

СТРАСТИ ПО РЕФЕРЕНДУМУ

В воскресенье 25 апреля телефоны в редакции еженедельника «Столица» не успевали остывать от звонков. Горожане сообщали о нарушениях во время проведения референдума, требовали телефон центральной избирательной комиссии, просили совета.

Их возмущала неразбериха со штампами и подписями. На ряде избирательных участков штампы на бюллетенях были заменены цифрами,

фигурировали также печати прогоревших кооперативов, были случаи, когда на бюллетенях штамповали слова «вендиспансер», «Буратино», «Вахту сдал».

На участке № 467, как нам было сообщено, ряд бюллетеней был прокатан на скероксе. В Строгине, в школе № 1136 в одной из урн для голосования было выломано, а потом вставлено дно. В школе № 475 по Люблинской улице бланки оказались без подписей и печатей вообще. На 6-м избирательном участке по улице Пырьева пожилым людям секретари «помогали» ручкой зачеркивать ответы. В школу-интернат № 68 по улице архитектора Власова многочисленные указатели были прибиты гвоздями к деревьям, что вызвало у экологически активных избирателей неприятные ассоциации.

На некоторых избирательных участках члены коммунистических и национал-патриотических организаций вели открытую антипрезидентскую пропаганду, раздавали листовки. Зарегистрированы случаи, когда члены избирательных комиссий не позволили представителям демократических организаций наравне с другими принимать участие в контроле за проведением референдума, как это было на участке № 28 в Первомайском районе.

В свою очередь общественный комитет защиты Конституции и конституционного строя, образованный при участии оппозиционного блока фракций «Российское единство», «Союза офицеров», других политических объединений, в своем заявлении утверждает, что при голосовании имело место громадное количество фальсификаций и подтасовок, целью которых было обеспечить победу президенту и его реформам.

Тем не менее, по мнению наблюдателей, «супернарушений» обнаружено не было, хотя глава парламента Руслан Хасбулатов их предрекал. Предрекал, точно навязывал...

Александр КОЛПАКОВ

Фото ИТАР—ТАСС

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (МОПЧ) ДАЛО «ДОБРО»

Наблюдатели МОПЧ присутствовали на референдуме. Группами по 2—3 человека они побывали на 17 участках, в некоторых из них — при подсчете голосов.

Серьезных нарушений ими не было зарегистрировано, но во многих случаях наблюдатели констатировали недостаточное следование общепринятым на Западе нормам тайного голосования. Часто родственникам бюллетени выдавались общим количеством, в кабине они находились одновременно; никто не возражал, когда избиратели заполняли бюллетени вне кабин, из-за чего иногда образовывались целые очереди.

В основном члены избирательных комиссий пока-

зали себя готовыми к сотрудничеству, они отвечали на вопросы наблюдателей и сообщали предварительные результаты. Однако на некоторых участках прием наблюдателей был весьма холодным. Скажем, на избирательном участке № 11 в районе Хамовников наблюдателям было объявлено: «Вы обязаны сидеть в определенном месте и не задавать вопросов».

Случалось, жители отдельных домов не знали, где находятся их избирательные участки. В некоторых случаях выездная урна не была опечатана надлежащим образом.

В информации, подписанной Конрадом Левом, членом правления МОПЧ, говорится: наблюдателями МОПЧ в Самаре, в Орле, в Нижнем Новгороде и других местах не было зарегистрировано ни одного значительного нарушения.

А.К.

В референдуме приняли участие: бывшие, нынешние и... будущие(?)

Константин
ЗАВОЙСКИЙ

фото Б.Кремера

ИОНИЗАЦИЯ

Имя депутата Ионы Ионовича Андропова не сходит со страниц прессы. Андронов активно вмешивается во многие сферы общественного интереса. Его даже именуют «политиком, всегда попадающим в эпицентр события» (хотя бы «МН» №7, 1993). И русских-то в Тирасполе господин Андронов защищает, и 366-й российский полк в Нагорном Карабахе спасает, и цветы омонцову С.Парфенову в Риге вручает, и среди членов ВС фальшивку о якобы готовящейся диктатуре Б.Ельцина распространяет, и с трибуны съезда министра иностранных дел Андрея Козырева в измене Родине обвиняет, а Полторанина — в продаже Японии Курильских островов, а парламент — в коррупции, ну а президента, конечно, — в продажности.

Из уст Ионы Ионыча как из рога изобилия сыплется самохарактеристики, такие, например: «я не хочу быть в стае, я независимый», «у меня есть свой личный кодекс чести», «я никого не продавал, по чьим-то трупам никуда не шел», «я — невыездной... я здесь ничем не пользуюсь... все, что вы видите на мне, куплено до...».

Талант Андропова вводить людей в заблуждение (назовем это «ионизацией») прежним руководством был оценен по достоинству: с 1972 года Иона Ионыч был назначен трудиться в нью-йоркском корпункте «Нового времени», а затем, с 1976 года по 1988 год, — в корпункте «Литгазеты». Итого: 16 лет работы в стране главного потенциального противника СССР! Было время купить «до...».

Корпункт «Нового времени», единственным работником которого являлся Андронов, был, если так можно выразиться, «совместным предприятием», соучредителями которого выступили ре-

дакция «Нового времени» и... Комитет государственной безопасности. В «особой папке» ЦК КПСС сохранилось письмо главного редактора «Нового времени» П.Наумова с такой инициативой (полностью документы опубликованы в «Экспресс-хронике», № 3, 1993): «В связи с необходимостью усилить разоблачение американского империализма, а также поднять на более высокий уровень освещение событий и социально-политических процессов в Латинской Америке редакция журнала вносит предложение о создании корреспондентских пунктов журнала в Нью-Йорке (США) и Лиме (Перу). Предложение вносится с учетом государственных интересов...»

Далее этот документ, датированный 30 июля 1971 года, рекомендует нынешнего депутата Иону Андропова на должность постоянного корреспондента в нью-йоркский корпункт. Каковы были «государственные интересы», становится ясно из совершенно секретного документа с датой 24 января 1972 года: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (т.Андропов) и редакция журнала «Новое время» (т.Наумов) просят учредить в США (г.Нью-Йорк) и в Республике Перу (г.Лима) корреспондентские пункты журнала «Новое время». Создание указанных корреспондентских пунктов обуславливается расширением связей Советского Союза с этими странами и необходимостью усиления работы в них по линии КГБ».

На другой же день, 25 января 1972 года, Секретариат ЦК КПСС постановил принять предложение о корпунктах и отдал распоряжение Министерству финансов СССР «выделить необходимые средства для создания и содержания

корреспондентских пунктов». Вскоре заработал и сам корпункт. Оправдывали ли Иона Ионыч оказанное ему доверие? Были ли довольны его хозяева? Видимо, да. Во всяком случае и во время «перестройки» в Нью-Йорке он продолжал заниматься деятельностью, явно направлявшейся из КГБ. Вот только два эпизода из того, что мы назвали «ионизацией».

23 марта 1988 в «Литературной газете» появилась статья Ионы Андропова под заголовком «Пешки в чужой игре («Гласность» из оркестра подрывных голосов)», содержавшая прямые нападки на диссидента, бывшего политзэка Сергея Григорьянца, выпускавшего в то время одну из первых в СССР независимых газет «Гласность». Автор утверждал, что С.Григорьянец провоцирует международную рознь в Нагорном Карабахе. Одновременно удар Ионы Андропова был нанесен по партнеру С.Григорьянца на Западе — «Центру за демократию в СССР».* В статье утверждалось, что Центр якобы существует на деньги ЦРУ и выполняет его задания: занимается разведывательной деятельностью в СССР, провоцирует националистов в Грузии, Прибалтике и Армении. Таким обра-

*Center for Democracy in the USSR — общественная организация, созданная в Нью-Йорке в 1984 году членом Московской Хельсинкской группы Юрием Ярым-Агаевым и Владимиром Буковским. Центр оказывал материальную помощь политзаключенным, проводил кампании в защиту диссидентов. На заре «перестройки» в СССР поддерживал независимую прессу оргтехникой, создал компьютерный банк информации по правозащитной тематике, издавал в Америке иллюстрированный журнал «Гласность».

зом, Иона Андронов провел в своей публикации мысль, что независимая пресса в СССР финансируется ЦРУ и раздувает национальные конфликты на окраинах Советского Союза.

24 марта 1988 года, спустя всего день после этой андроновской прелюдии, «Советская Россия» в рубрике «По рецептам антисоветизма» поместила статью левых американских журналистов К.Кугэна и К.Ванден Хэвел, на информацию которых ссылался Иона Андронов. В тот же день с нападками на С.Григорьянца выступил еженедельник «За рубежом». Тогда же в Армении органами КГБ был арестован соратник С.Григорьянца правозащитник и сторонник национальной независимости Паруйр Айрикян.

В апреле и мае продолжали появляться публикации с нападками на «Центр за демократию», на В.Буковского, на Ю.Ярым-Агаева и на С.Григорьянца. 9 мая в редакции «Гласности» сотрудниками милиции был учинен разгром, разграблен архив бюллетеня... Ослинные уши «органов» были вполне различимы за описываемыми событиями. КГБ готовил кампанию в прессе заранее. И, похоже, роль Ионы Андронova в данной кампании не сводилась к первой партии в общем хоре.

Дело в том, что кампания против диссидентов в «ЛГ», «За рубежом», «Сов. России» началась разом — уже на пятый день после публикации статьи американских журналистов в «Нэйшн». КГБ, разумеется, был в курсе содержания статьи Кугэна и Ванден Хэвел. Сам Кевин Кугэн признавал, что неоднократно подробно обсуждал свою статью с Ионой Андроновым (с какой целью?), а затем, что совсем уж странно, даже познакомил Андронova с гранками статьи. Это наводит на мысль, что у статьи двух американских журналистов был еще и третий коллективный автор — Иона Андронов вместе с теми дирижерами, что стояли за ним.

Очень возможно, что Иона Андронов не только ознакомился с гранками статьи американцев, но и располагал ее копией еще до публикации. Во всяком случае, этот материал, написанный для американского журнала «Нэйшн», оказался впервые опубликованным в датской газете «Информашон» 13 марта 1988 года, то есть на неделю раньше, чем в Америке.

Возможно, что датский вариант слегка «доработали» специалисты КГБ: мирное название оригинала «Американские фонды для советских диссидентов» в датском переводе стало звучать по-советски агрессивно — «Советские критики системы должны шпионить для США»...

Следующая склака, в итоге которой Иона Ионычу пришлось распространиться с Америкой, произошла в том же 1988 году. На сей раз объектом дискредитации стала известная американская журналистка Людмила Торн, сотрудница правозащитной организации Freedom House

(«Дом свободы»), которой удалось, рискуя жизнью, выволочь из афганского плена 17 советских военнопленных.

Отношение СССР к своим военнопленным было тем же, что и во времена Иосифа Сталина: нет пленных, а есть предатели и изменники Родины. КГБ и Минобороны лениво отлавливали предателей и изменников с целью их последующего наказания. Так, дезертир Николай Рыжков, вывезенный Л.Торн из моджахеддинского лагеря в Америку, в декабре 1984 года получил заверения посла СССР в США Добрынина в том, что он не будет подвергнут преследованиям по возвращении в СССР. По прибытии в «Шереметьево» он был арестован властями и вскоре приговорен к 12 годам лишения свободы.

К 1988 году на Западе проживали несколько советских военнопленных, освобожденных «Домом свободы». Они служили живым укором гorbачевскому режиму. Необходимо было усилить пропаганду среди этих ребят, агитируя их вернуться в СССР.

Именно этой задачей должна была прежде всего заняться параллельная «Дому свободы» структура — «Международный комитет по спасению советских военнопленных в Афганистане», созданный Ионой Андроновым и художником Михаилом Шемякиным летом 1988 года в Нью-Йорке. Во всяком случае, вместо спасения военнопленных в Афганистане «Международный комитет» занялся агитацией среди уже спасенных «Домом свободы» военнопленных, а также дискредитацией Людмилы Торн.

В апреле 1988 года во время радиопередачи в программе Барри Фарбера Иона Андронов клеветнически искажил цитаты из книги Людмилы Торн. Не забывал Иона Ионыч и о советской аудитории. В своей статье в «ЛГ» от 20 апреля того же года он утверждал, например, что советские военнопленные, которых «Дом свободы» привез в Канаду, «были почти невменяемы «под воздействием наркотиков» и что «спецкоманда медиков обработала пленников и привела в сознание». В той же статье Иона Андронов заявил, что Людмила Торн оправдывает «истязания пленников» и т. д. и т. п.

Апофеозом всей этой лжи стало заявление Ионы Андронova на пресс-конференции «Международного центра» в Нью-Йорке 17 октября 1988 года, что Людмила Торн и «Дом свободы» заставляют советских ребят отказываться от советского гражданства и что побывавший в немецком плену отец Людмилы Торн сам «предал свою страну и присоединился к нацистам».

Последнее клеветническое заявление переполнило чашу терпения Людмилы Торн. 9 декабря 1988 года ее адвокат, подготовив документы для передачи в суд, выслал на нью-йоркский адрес Андронova извещение о готовящемся процессе. Иона Андронов в этот

момент был вызван в Москву. По сведениям Людмилы Торн, кураторы Ионы Ионыча рекомендовали ему более не появляться в Америке.

Созданный Ионой Андроновым «Международный комитет» вскоре почил в бозе. Коллектив «Литературки» уволил своего собора. Однако Андронов сумел всплыть и сделался на время сопредседателем Народного комитета по спасению. «Первый раз я поехала в Афганистан с Андроновым, — говорит Евгения Поплавская, председатель Народного комитета за спасение советских военнопленных в Афганистане «Надежда», — почему-то в делегацию оказался включен еще и Проханов. Эти двое ездили на отдельной машине, то и дело сворачивали в сторону — посылали шифрограммы, что ли, в КГБ... Неправда, что Андронов вытащил кого-то из плена. Афганцы ему не доверяли, его присутствие только затрудняло переговоры... У нас с Андроновым были серьезные разногласия. Он был категорически против амнистии военнопленным, говорил, что если кто-то из них не хочет вернуться в СССР, то пусть себе гниет в ямах у моджахедов»...

В августе 1989 года солдатские матери 56 голосами из 60 исключили Иону Андронova из Комитета. 23 декабря того же года Иона Ионыч опять организует параллельную структуру — Всесоюзное общество спасения солдат-«афганцев» (знакомый сценарий). Единственной акцией этого общества стал его учредительный съезд.

Но, видимо, бывшие кураторы не забыли Иону Ионыча. Во Владимирской области нашлась номенклатурная газетка, которая записала нашего героя своим внештатным корреспондентом и выдвинула кандидатом в депутаты по 29 округу.

Местная партийно-хозяйственная верхушка, обычно отрицательно относившаяся к тунеядцам, как по команде взяла сторону нигде не работающего Ионы Ионыча и обрушила всю мощь своей пропагандистской машины против его конкурента, одного из активистов московского общества «Мемориал», Дмитрия Юрасова. Нарушения Закона о выборах были вопиющими. Они задокументированы в местной газете «Александровская хроника» (№ 2 и № 3 за 1990). Может быть, придет время рассказать и о них подробнее. А сейчас пора делать выводы. Но не нам.

Прежде всего тем, кто, стремясь повысить «ионизацию» парламента, назначает Андронova на ключевые депутатские должности, а в будущем, быть может, прочит ему кресло министра иностранных дел. Какие вообще международные дела может налаживать дезинформатор?

НУЖНЫ ЛИ РОССИИ АМЕРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ?

Об этом шел разговор на заседании клуба «Свободное слово», который регулярно собирается в московском Доме кино для обсуждения глобальных проблем российского общества. Приводим в сокращении выступления участников дискуссии.

Г. ГАЧЕВ:

В основе трех великих цивилизаций — восточной, европейской и американской — лежат различные «первородные» преступления. Для Востока — сыноубийство, или «Рустамов грех» (по имени героя поэмы «Шахнаме», который убивает своего сына), символически истолковывающееся как перевес традиций над инновациями. Для Европы — обратный «Эдипов грех», отцеубийство, которое интерпретируется как преодоление консерватизма. Для Америки — «Орестов грех», или матереубийство. Американец убил мать дважды — когда разорвал связь с родиной-матерью в Старом Свете и когда начал свою жизнь в Новом Свете с убийства тамошней матери-природы и ее детей-индейцев.

В России, державе евразийской, ситуация двойственна: с одной стороны, Иван Грозный, Петр Первый и Тарас Бульба убивают своих сыновей, а с другой — сыновья, как герои «Отцов и детей», попирают традиции отцов.

В США государство осаживает активность личности, а в России, напротив, инициирует ее. Петр с топором и Ленин с бревном — это символы российского государства. Как только государство валится, народ люмпенизируется. И если на Западе человек человеку волк, то в России человек человеку — в о р. Есть галльский пепух, английский дог и русский медведь. Американца же ни с каким животным не сравнишь — это человек-машина. У Америки и России совершенно различные времена обраще-

ния, как у разных планет Солнечной системы. Кое-что, конечно, можно совместить, но возникает коренной вопрос: «На кой попу гармонь?»

Д. ФУРМАН:

Я хотел бы поставить проблему, а не решать ее.

Американские институты и ценности сначала были уникальны даже в христианском мире, а для остального вообще невообразимы. Представьте себе мир в конце XVIII века, когда они появились! Американскую культуру породил определенный фрагмент европейской культуры, который в самой Европе никогда не занимал ведущего положения: это протестантские, в основном английские кальвинистские или связанные с ними секты.

Сейчас ценности, приближающиеся к американским, господствуют в мире. Не везде, разумеется, американские институты работают хорошо, но показательно, что даже диктаторы пытаются прикрыться демократическими фигурами листочками, признавая тем самым непрерывность этих ценностей.

Как же получилось, что система, порожденная радикальным протестантизмом, переносится, например, в Южную Корею, которая не становится при этом протестантской?

Тут возможен веер ответов. Можно считать, что демократия в этих странах — нечто поверхностное, а есть глубины, которые неизменны. Можно видеть в американизации временную моду подражания очень богатой стране. Можно усматривать в этом

результат целенаправленной деятельности США. Можно считать, что США случайно вырвались вперед на пути, по которому идет все человечество.

Ю. БОРОДАЙ:

Подоплека ясна: становиться ли нам срочно американцами или погодить немножко? А если уж становиться, то нужны какие-то предпосылки.

Вроде бы они есть. Это рабство. Рабство как архетип русской души — общее место демократической прессы и даже научных трудов. В Америке тоже было рабство. У нас закрепощению подвергалось 30—50% крестьян, а в США рабов было больше, чем во всем античном мире. И рабство у них было отменено позже, чем крепостничество у нас.

Но ведь крепостничество и рабство — принципиально разные вещи. Русский крепостной сначала был государственным человеком, как и дворянин. То, что потом он стал собственностью помещика, — прозападное извращение. Русское крепостничество никогда не носило расового характера. Расизм — отличительная черта американской культуры.

За расизмом стоит вещь более капитальная — протестантская этика. Вот где заложена несовместимость духа русского и американского. Она проявляется во всем. Как вели себя русские «колонизаторы» в Средней Азии или на Кавказе? Русские бабы горшки за туземцами выносили, а кальвинисты в Америке начинали с того, что назначали премии за отстрел туземцев.

Священной считалась жизнь только белого человека с его неотъемлемыми правами. Остальные — просто нелюди. Как же совместить борьбу за права человека и рабство? Очевидный расизм и прокламируемый гуманизм? Корни этих парадоксов тоже надо искать в протестантской этике. Принцип расизма, например, основан на ветхозаветном принципе предопределения и богоизбранности.

До сих пор американцы мирно жили, но, если представить у них период экономического упадка, запалает не только Лос-Анджелес, и не на неделю: неизжитая расовая ненависть покажет свое. Мы-то пережили остатки крепостничества, перемололи их в гражданскую войну, а у них еще все впереди.

Я не сужу, какая культура лучше, какая хуже. Хотя с точки зрения экономической эффективности ясно какая. Но что в этом толку, если несовместимость тканей делает совершенно утопичной пересадку американского образа жизни на нашу почву?

С.КУРГИНЯН:

Действительно, проблема в том, нужна ли попу гармонь. Но решать ее нужно, исходя из той реальности, которая сложилась сегодня. Клинтон — это неоизоляционизм внутри при вильсоновских словах наружу. Поэтому вопрос еще и в том, нужен ли гармонь поп? Я утверждаю, что совершенно не нужен. И второе. У нас произошел перескок с марксистской утопии на утопию либеральную. Тут две формулы: общечеловеческие ценности и права человека. Но где основа для общечеловеческих ценностей? Общечеловеческой культуры и религии нет, поэтому в качестве основы была указана общечеловеческая наука. Дескать, мы в нее войдем и будем строить ценности. Но понятно, какие это будут ценности — ультралиберализм худшего типа — и какую мелодию сыграет поп на этой гармонии. Миру тошно станет!

Теперь, о каких правах человека у нас идет речь? Гражданские уничтожены в огне межнациональных конфликтов, социальные растоптаны реформой. Поэтому говорят больше не о правах человека, а о суверенитете личности. Я не буду доказывать в столь культурном обществе, что абсолютно суверенная личность — это Дьявол. Значит, ультралиберализм плюс ультраиндивидуализм — вот та адская смесь, которая здесь возникнет в результате пересадки «американской» позитивистско-прагматической идеи. А поскольку наше сырье скоро кончится, она и станет тем экспортом, который отсюда последует.

Нужно раз навсегда сломать теорию модернизации России. Россия должна существовать именно как глобальная цивилизационная альтернатива Западу.

Исторически американцы — очень молодые ребята. Им кажется, что общество проходит только один цикл — секуляризации. И они считают, что так будет и дальше. Но русское-то общество знает, что за секуляризацией следует сакрализация.

Поэтому именно Россия при всей своей нищете и бардаке является сейчас держателем мировых идей. И именно об этом стоит задуматься.

В.СИРОТКИН:

Американский путь нам еще долго не будет грозить. Латиноамериканский — да, мы по нему уже идем. Нам не нужна американская гармонь. Нам нужен современный поп Гапон, который поведет нас к светлому будущему капитализма, которого в цивилизованных странах давно нет.

Я бы привел еще одно сравнение. Современный капитализм на Западе

играет в шахматы. У нас руководители играют в шашки, работяги — в козла. А президент играет в городки и знает лишь одно — бить по шахматной доске битой. И вот попробуйте пожить на такой доске!

Но самое главное — труд. Нам очень хочется быть богатыми, которые не плачут, но работать по-русски. Словом, прежняя вера в чудо, только уже не в коммунистическое, а в капиталистическое. Но мы никогда не будем, как США, потому что никогда не будем работать по-американски.

Т.АЛЕКСЕЕВА:

Можно полностью скопировать политическое устройство и при этом ни на йоту не приблизиться к демократии, как показывает пример стран типа Нигерии. Заимствование же культурных образцов — моды, музыки — чисто внешнее, мало меняющее менталитет. Мы в свое время пережили периоды влияния Франции и Германии, когда именно они были ведущими мировыми державами, и сами влияли на окрестные земли.

Прожив некоторое время в одном из южных штатов Америки, которые по легенде имеют с нами больше общего, чем северные, я тоже пришла к выводу, что их ценности почти несовместимы с нашими тканями. Не случайно именно выходцы из России труднее других адаптируются к тамошней жизни, постоянно выплескиваясь из американского «плавильного котла», который следует понимать скорее в ценностном, чем в этническом смысле.

Существенные различия, например, в понимании «успеха». Для американца здесь две стороны. Одна — это достижение богатства, статуса, престижа. Тут есть определенная перекличка с советской триадой «машина, дача, квартира». Однако в наших условиях богатство далеко не всегда совпадает со статусом и престижем. Но еще более важна вторая сторона — реализация независимости, автономии, суверенитета. В американской культуре уникально соединены ценности свободы и равенства, которые у нас и по сей день воспринимаются как враждебные друг другу.

Или возьмем патриотизм. Если в Америке он — повседневная практика и характерная черта, то для нас это «последнее прибежище негодяя». И национальное для американцев не пустой звук. Чтобы получить деньги за лекции, мне пришлось заполнить графу «происхождение» — ангосаксы, черные, испано-латинцы, выходцы с Востока и «прочие белые». А при устройстве на работу права у всех разные — с преимуществом у

белых ангосаксов.

И расовое напряжение в США исключительно велико. Ежедневно в университете штата Северная Каролина я наблюдала одно и то же — между белыми и черными студентами нет никакой коммуникации.

И, наконец, еще одна фундаментальная ценность американизма — успех через труд — совершенно не сочетается с нашим этическим кодексом, долгое время открывавшим путь к успеху через общественную деятельность, принадлежность к коррумпированным группам, а теперь через спекулятивно-криминальную деятельность. У них — производство ради прибыли, у нас в лучшем случае — ради потребления.

Так что тотальная американизация нам не грозит. Мы схватываем прежде всего аномальные аспекты их образа жизни...

В.ЛЕБЕДЕВ:

Америка, по-моему, страдает уже не от расизма, а от комплекса вины перед неграми. И терпит ущерб оттого, что держит негров на социальных дотациях и растит из них тунеядцев и потенциальных преступников.

Но действительные ценности американизма нам воспринять очень трудно. У Ильфа и Петрова персонажи обсуждают проблемы советской кинокомедии, и какой-то мальчик-вундеркинд все время вставляет: «Только смотрите, чтобы не вышло, как у Чаплина». Наконец, умудренный опытом режиссер говорит: «Ты, мальчик, не волнуйся. Как у Чаплина, у нас все равно не получится».

Тут много говорилось насчет наших различий. Я бы указал еще два. Первое — принцип территориального деления. В Америке оно административно-территориальное, а в России — национально-территориальное. Американскую социальную структуру сюда перенести невозможно. И нельзя сейчас изменить нашу — из-за националистического безумия. Даже демократические страны, например Канада или Англия, все время мучаются головной болью из-за национальных проблем. Что же говорить о бывшем СССР, где накладываются друг на друга межумочное «право наций на самоопределение» и принцип нерушимости границ — которые были произвольно проведены вождями страны! Второе — принцип построения конституции. Американская раз в 10—15 тоньше нашей. Почему? Потому что у них это ансамбль принципов государственного устройства, а у нас — общественный договор, где описывается масса частных. Но поскольку предусмотреть всего нельзя, воз-

никает масса противоречий. И невозможны социальные новации, которые позволяют Америке все время лидировать.

Так кто же мы? Китайский путь нам не подходит, значит, мы не Азия. Американский — вроде бы тоже нет. У нас свой путь. Это потому, что мы, как заметил еще Милюков, не Азия и не Европа. Мы — Азиопа. А Игорь Губерман выразился по этому поводу так: «Россию не поднять с колен // Покуда плеть нужна холопу // Нам свежий ветер перемен // Всегда вдвуха через ж...»

В.ЦАРЕВ:

Означает ли устремленность к Америке приближение к ней? В 60-е годы лучшие люди нашей страны жили под обаянием образов, созданных Хемингуэем, который стал образцом для подражания. Но в Америке Хемингуэй был и остался один, а у нас появилось масса «русских Хемингуэев». И устремление к американскому оказалось решительным отдалением от Америки.

Я думаю, что культура надежно защищена от принципиального изменения, и ее переход к кажущемуся иному состоянию есть только закрепление ее собственного неустраимого ядра. А это ядро — европейское. Мы вышли из Центральной Европы, уверовали благодаря южной Европе, огосударствились благодаря северной Европе. И если мы воспримем американизм, мы лишь обнажим европейские истоки американского образа жизни. Будем учиться у японцев — проступит Европа, у которой учились сами японцы. Русский всегда останется европейцем. Все дороги ведут в Рим.

А.ШЕМЯКИН:

Дело не в том, что лучшие наши люди бросились подражать Хемингуэю, а в том, что он стал символом эманси-

пации личности, освобождавшейся от принудительного коллективизма и искавшего естественные формы товарищества. А это освобождение имело внутренние причины. В том же и значение прозы Ремарка.

В.ОЖОГИН:

Соединенные Штаты Америки — это, по существу, соединенные государства Америки. Причем государства не независимые, как в СНГ (это абсурдно), а самостоятельные. При этом столица не принадлежит ни к одному из них. И столица той державы, что придет на смену СНГ, не должна быть в Москве. Она должна быть выстроена заново — например, там, где соприкасаются Украина, Беларусь и Россия.

Э.СОЛОВЬЕВ:

Если Россия отвернется от Запада и изберет сколь угодно рафинированную культурную изоляцию, она к началу XXI века перестанет существовать не только в качестве великой державы, но и в качестве экономически самостоятельного государства средних размеров.

Вместе с тем я полагаю, что для России пригоден только тот тип американизации, который в течение трех веков претерпевала Западная Европа.

Базисом американской общественной жизни была независимая христианская община, вышедшая из Европы. И это не та традиционная деспотически-альтруистическая община, которая была в России, а община, принудительно персонализирующая своих членов. Тут уместнее образ не материальности, а детоизгнания — ранней обреченности на взросление вне дома. Первые поселенцы — пуритане, квакеры, методисты — это раскаленный протуберанец, выброшенный из тела Европы, разогретого Реформацией, а отнюдь не охлос, не ведающий

ни устоев ни принципов, как часто изображают. Поселенец — не Робинзон и не гоббсовский человек, которому другой человек — волк. Это христианин, который более всего дорожит признанием своего ближайшего окружения, то есть общественный человек. Основой американского здравого смысла является консенсус свободной ассоциации частных лиц. Демократия снизу — это и есть гражданское общество.

В первой в истории американизации Европы не было никакого подражания. Западная Европа просто распознала в Америке то, что издавна вынашивалось христианской культурой и в зародыше существовало в Возрождении, Реформации и раннем Просвещении. России, как и Европе, вовсе не чужд идеал общины как свободной самоуправляющейся ассоциации индивидов. Без нее существование современных американских политических институтов — все равно что натягивание американских джинсов: сколько ни натягивай, американцем не станешь. Грезить всенародными референдумами о судьбе Курильских островов, не умея демократически решить вопрос об асфальтовой дороге, которая разрушается под окнами, — это не по-американски, это по-русски.

Нам надо начинать с низового самоуправления. Если угодно, с земства. Американский «штат» когда-то и был такой автономной земской областью. И если не мистифицировать понятия и признать, что нация — это общность, предполагающая добровольное причисление личности к коллективному целому, то территориальные общности имеют право на самоопределение.

Трудно представить, насколько федерация типа Соединенных Штатов России способствовала бы социально-экономическому развитию страны, но она, несомненно, оказалась бы серьезным препятствием на пути социальных регрессий из центра, и восстановление тоталитаризма в масштабах всей России было бы существенно затруднено.

А.ПАНАРИН:

Когда-то Реймон Арон и Арнольд Тойнби согласились с тем, что западные демократии могут воевать друг с другом. Мир пришел в Западную Европу извне — с американским протекторатом в 1945 году. США в этом отношении возродили «римскую» идею, обеспечивая реванш над германской идеей безграничного феодального суверенитета и положив конец вытекающей из него геополитической

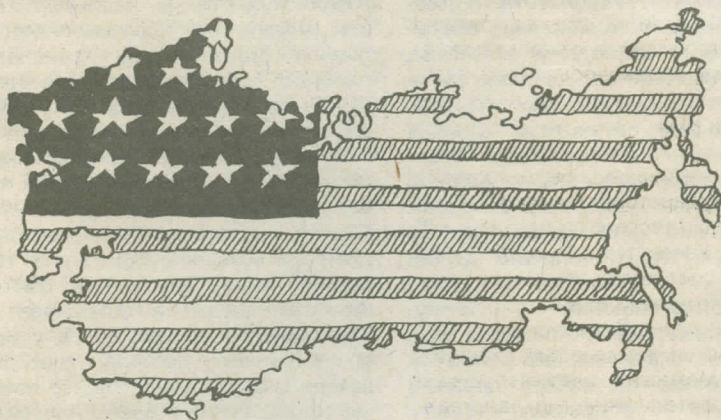

Рис. А.Зайца

анархии. Идеология атлантизма пришла из США, взявших на себя роль Рима и навязавших Европе идею единого геополитического пространства.

Аналогичная проблема единого геополитического пространства всегда стояла и на Востоке, и в российской Евразии. В этом, я думаю, и состояла миссия российской государственности, воспроизводившей идею второй, Восточно-Римской империи. Сейчас, когда руки российского Атланта ослабели, этот принцип рухнул и на территории Евразии идет перманентная гражданская война. В этом смысле идея «второго мира» имеет глубокий смысл, и, вполне возможно, будет воспроизведена и воплощена.

Мы можем позаимствовать европейские демократические идеи, но цивилизационная идея у нас должна быть своя.

Г.КЕРТМАН:

Давайте выделим несколько уровней американизации.

Во-первых, неизбежное заимствование штучных предметов экспорта — моду, песни, фильмы, сленг. По старосоветской логике все это — троянские лошади американизма, но никакого существенного влияния они не оказывают.

Второй уровень — заимствование институтов. Такое заимствование происходит, но в ином социокультурном контексте эти институты функционируют по-своему, иногда противоположным образом. Тем не менее заимствование институтов есть прогрессивный и неизбежный путь.

Третий уровень — заимствование базовых ценностей. Но ни американский «общественный индивидуализм», ни американский мессианизм, о которых здесь говорилось, заимствованы Россией быть не могут просто по определению. Потому что здесь личность не сформировалась, а индивид строит отношения с индивидом через государство. Что же касается мессианизма, то он у нас свой, и чужой нам никак не вменить.

А.КАРА-МУРЗА:

Мне кажется, что речь может идти только о псевдоамериканизации России. Из контекста американской культуры были выхвачены отдельные ее элементы, перекомбинированы и представлены в виде мифа о якобы подлинной Америке. Американизация — характеристика в первую очередь массовой, а не элитарной культуры.

Главный фактор, который позволил мифу об Америке попасть в унисон

нашему «совковому» сознанию, — общетоталитарная тенденция к упрощению социальной жизни. Америка предстала как страна простоты, причем простоты, совмещаемой с успехом. Кроме того, она была воспринята как страна без истории, как пример «отречения от старого мира», и это укрепило иллюзию, что достигнуть процветания можно не затрудняясь освоением культурного наследия.

Наконец, на Руси всегда любили силу. Вот и весь набор, который сделал в совковом сознании имидж Америки поистине неотразимым: «простота», богатство, «культурно-историческая незамутненность» и военно-экономическая сверхдержавность. И официальная антиамериканская пропаганда, как это ни парадоксально, активно работала на «пропаганду американского образа жизни», с которой боролась.

Проникновение в наше сознание образа подлинной Америки, Америки трудовой, неизбежно приведет к размыванию прежних стереотипов. Поэтому я в большой степени связываю российскую демократизацию и модернизацию с понижением градуса американизма в нашей культуре.

К.РАЗЛОГОВ:

Путugi российской интеллигенции следовать западному пути безуспешны. Модернизация не может произойти силами культурных элит, которые в России неизбежно посрамлялись в своих модернизационных устремлениях. Как бы мы ни оглядывались на Америку, мы всегда будем жить по своим законам, и пока они не будут фундаментально нарушены, ничего нового не произойдет. Надеюсь, никто не предполагает, что за два с половиной года можно сломать тысячелетние традиции?

Единственная надежда — что степень цинизма нового поколения окажется такова, что оно наплюет на эти традиции и начнет что-нибудь эдакое. Забавно подумать, но настоящей реформаторской силой могут оказаться мальчишки, которые вытирают стекла автомобилей, а не те, кто заявляет о себе как о реформаторах.

И.КЛЯМКИН:

Америка — может быть, единственное государство, которое изначально не пыталось строить себя на этнической почве. Но и Россия в этом отношении не пыталась себя так строить. И это очень важно.

Наиболее реалистическим мне представляется вариант СНГ, единственно возможный цивилизованный способ строительства государствен-

ности не на этнической базе. Начинать надо с крыши, причем с той, которая находится в преемственной связи со старой государственностью.

Есть надежда, что основная масса населения за 75 лет переросла этническую идею. Это суждение не теоретическое — я не верю, что наше общество можно постичь только на теоретическом уровне, — а основанное на эмпирических исследованиях. При всем стремлении к «самостийности» общественное сознание остается на позиции «все нации равны», и мало кто ставит идею нации выше прав человека. 75 лет права наций рубились под корень, права человека тоже, но идеологически вдалбливалось, что все равны, и от коммунизма остался некий либеральный осадок. Можете считать его американским или просто западным, но он существует и создает предпосылки для нормального развития.

Г.ГАЧЕВ:

Когда я шел на наше заседание, у меня было паническое отношение к этой проблеме. Но обсуждение принесло утешение. Утешение философией.

Мне кажется, что Америка, оставшись единственной сверхдержавой, будет обрушиваться под тем бременем, которое на нее навалилось. При этом в экономическом отношении она будет все время отставать от Японии, которая работает лучше. И она может пожалеть о крахе гигантского противовеса, который тоже нес это «бремя великого человека».

Но и свято место геополитического пространства севера Евро-Азии не может быть пусто. Похоже, что наш адюльтер с Америкой временный, что он сменится более законным и традиционным браком с Германией...

В.ТОЛСТЫХ:

Что же выяснилось после нашего только что происшедшего «переоткрытия Америки»? Что судьба подарила миру страну, которую можно принять за образец цивилизационного развития — несмотря на все ее несовершенства, пороки и прегрешения. Договорились и о том, что ее влияние скорее институциональное, нежели духовное: первое принимается и так или иначе усваивается, а второе вызывает мощное сопротивление.

Но самое главное, к чему мы пришли, — что Россию никакая Америка (равно как Европа и Япония) не спасет. Ибо спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Записал Виктор МАТИЗЕН

МОЛЧАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЯГНЯТ

С Юрием Афанасьевым беседует
Виктор Матизен

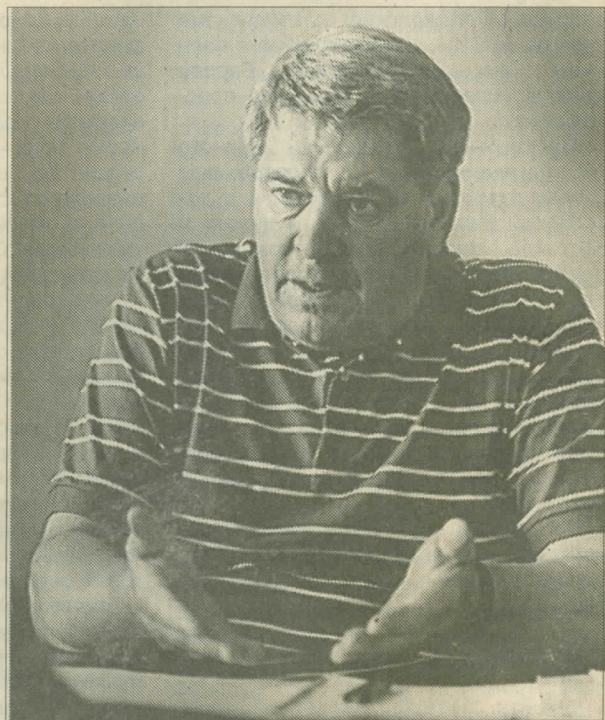

Фото Ю. Феклистов

— Скажите, Юрий Николаевич, кем вы себя считаете — идеалистом или прагматиком?

— Скорее, идеалистом.

— У прагматиков взгляды меняются в зависимости от направления идеологического ветра. А у идеалистов?

— Могу вам порекомендовать свою книгу, где эта эволюция представлена в текстах — в статьях, выступлениях, записках разных лет. Иногда эти перемены настолько разительны, что некоторые говорят о моем хамелеонстве, приспособленчестве, беспринципности. Один такой человек подошел ко мне на днях в Электростали после моего выступления перед избирателями и все это мне выложил, добавив, что, если бы он знал, как изменятся мои взгляды, ни за что бы не подал за меня голос — скорее руки бы себе отрубил.

— В самом деле, обидно. Голосовал за коммуниста с человеческим лицом, а под ним оказался страшный лик демократа!

— При таком темпе общественных перемен нельзя выбирать депутатов надолго: либо они претерпят метаморфозу, либо избиратели, а может, и вместе, но в разные стороны.

— Чем же вы объясняете такую подвижность своих воззрений? Поздним развитием?

— В известном смысле да. Видите ли, когда я учился, меня редко посещали сомнения. Я много читал, но только то, что тогда было в ходу. Книг по истории России, написанных за рубежом, не знал. Я стал открывать их для себя только с конца 60-х, когда побывал во Франции на стажировке. Но

перелома во мне тогда еще не произошло. Хотя, конечно, смерть Сталина и доклад Хрущева на XX съезде КПСС оказали свое влияние.

— С самиздатом вы тогда не были знакомы?

— Нет. После университета я работал в Красноярском крае, туда ничего такого не доходило. А потом я сильно увлекся докторской диссертацией, был погружен в работы французских историков по средневековой, новой и новейшей истории. Это тоже было далеко от горячей политики. С 1968 года, когда я закончил аспирантуру, и до 1980 года я просто не думал о том, что происходит в стране. И только когда я с начала 80-х стал интересоваться тем, что такое наш советский строй, мои взгляды стали стремительно меняться. Во всяком случае, к 1985 году у меня не оставалось на его счет иллюзий, хотя к тем воззрениям, что сложились у меня сейчас, я еще не пришел.

— Вам казалось, что у социализма, как поется в песне, «еще не вечер»?

— Да, но я и сейчас думаю, что социализм как идею хоронить рано, да и вообще похоронить невозможно. Слишком много в ней человеческих ценностей, которые с нашим социализмом ничего общего не имеют. Вот движение моих мыслей за четверть века. Как оценить такую метаморфозу? Я вам назвал две причины столь запоздалой эволюции: незнание и отвлеченность.

— Вы не думаете, что вместо трех причин, выставленных вашими критиками, и двух, выставленных вами, можно привести одну: конформизм?

— При чем тут конформизм? Я, конечно, не диссидентствовал, но, когда начал излагать свои новые взгляды, вылетел из Института истории Академии наук, где заведовал сектором. У меня складывались очень плохие отношения с руководством журнала «Коммунист», где я был редактором отдела истории. Мне там за все время удалось опубликовать только одну статью, все прочие «не проходили». Разве это конформистское поведение?

— Мне еще не приходилось встречать человека, задействованного в идеологических структурах, который бы не чувствовал себя диссидентом по отношению к начальству. Но если посмотреть, что он в то время говорил и писал... Словом, если мерить по абсолютной шкале, то, конечно, вы были конформистом относительно истинного свободомыслия.

— Я понимаю. Конечно, если бы я был настоящим реформатором, я бы в «Коммунист» вообще не пошел. Но, мне кажется, вы судите с позиций сегодняшнего дня...

— Едва ли. У меня с пионерского возраста никаких заблуждений насчет советского строя не было, и я даже в комсомол уже не вступал, не то что в партию. Чтобы разобраться с этой системой, вполне хватило школы, которая представляла собой уменьшенную ее копию... А уж после осени 1968 года я просто ненавидел советскую власть — так же, как и все порядочные люди, которых я знал. И мне кажется странным, что с умным человеком, за которого я вас принимаю, в этой стране могло быть иначе.

— Тем не менее это так. И так было со многими людьми моего поколения.

— Я верю. Но не понимаю. Поэтому вопрос о другом: как вы оцениваете то, что с нами произошло с первой половины 80-х? Распад СССР, демонтаж социализма... Это был вынужденный процесс или случайный?

— Не думаю, чтобы нечто существенное можно было бы сделать по-другому. Мы живем в эпоху перемен такой глубины, что их можно сравнить только с геотектоническими сдвигами. Мне кажется, что за всю историю человечества не было таких катаклизмов. Создали чудовищную систему: с гипертрофированной ролью государства, со сверхмилитаризованной экономикой, косной политической структурой, с имперскими претензиями. Это касается не только советского периода российской истории. Октябрьская революция 1917 года только зацементировала все то, что выстраивалось столетиями. И вот эта конструкция — мощная, но жесткая и нежизненная — начала рушиться. Кто мог остановить этот процесс?!

— А кто ей мешал так же тупо и злобно шевелиться на своих просторах, глухо рыча на все раздражители? Природных ресурсов еще хватало, завоевание не грозило, народ безмолвствовал, правящий класс благоденствовал... Так кой черт понес Политбюро ЦК КПСС на эту галерею?!

— Система достигла вершины своих возможностей. Да, ресурсы были, но глубоко или далеко. Чтобы их извлечь, требовались новые технологии. Но их не было, потому что нефтедоллары проматывались, а не вкладывались в качественное развитие производства, что тоже было закономерно. Усугублялось отставание в космической области, особенно чувствительное потому, что в свое время мы были в космосе первыми. Оружие для «звездных войн», созданное в США, показало, что и в области вооружений мы не выдерживаем паритета. Централизованное планирование перестало справляться с разбухшей экономикой. Стала гнить армия. Добавьте к этому унаследованную от старой России архаическую психологию с ее иждивенчеством, коллективизмом, эгалитаризмом и этатизмом. Приплюсуйте традиционно российскую экспансионистскую политику, отягощенную коммунистическим мессианством и геополитическими амбициями. Исконное кремлевское ремесло — собирать земли вокруг Москвы, надрывая страну.

— Поднимая ее на дыбы и вздымая на дыбу...

— Словом, нагромоздилось так много и за столь долгий период, что крушение стало обвальным и едва ли могло быть иным, хотя я одно время тешил

себя иллюзиями, что можно сделать его управляемым, и даже вносил предложения по этому поводу. Например, превратить союзное государство в союз государств. Но как раз здесь сыграл свою роль субъективный фактор — Горбачев не хотел и не мог этого понять. И поэтому всех обманывал — заставлял эти ново-огаревские игры, намереваясь обвести главы республик вокруг пальца. Не получилось. А ведь могло получиться, если бы он вовремя сказал: я отрываюсь от роли руководителя СССР, но давайте создадим органы координации, смягчим процесс преобразования... Тогда они бы на это согласились. Конечно, Прибалтика бы ушла в любом случае, Украина и Средняя Азия — с большой вероятностью, но Казахстан и Белоруссия, скорее всего, остались бы в составе федерации или конфедерации государств. Я думаю, к этому мы еще вернемся.

Можно было смягчить и удар по уровню жизни, но для этого нужен был гений. Такого не нашлось.

— Когда вы поняли, что «социалистического выбора» свободная Россия не сделает и дни единовластия КПСС сочтены?

— Открыто высказал — после I съезда народных депутатов, понял чуть раньше, может быть, после того как прочел Сахарова.

— *Post hoc est propter hoc*?

— И после того, и в значительной мере вследствие того. Еще когда я работал в «Коммунисте», то напросился на изложение своих взглядов на состояние гуманитарных наук в СССР. И был довольно откровенен. Они были настолько ошарашены, что выслушали и молча разошлись.

— А как вы сами реагировали в то время на более ревизионистские, нежели у вас, или просто антисоветские взгляды?

— Насколько я помню, вполне спокойно.

— Создается впечатление, что вы отошли от активной политики, как только были прекращены ваши полномочия как народного депутата СССР, хотя вы остаетесь депутатом России. Это верно?

— У меня и у моих единомышленников сейчас довольно сложное положение. Мы критикуем политику Ельцина, потому что не критиковать ее нельзя, но...

— Но критиковать ее — по крайней мере на съездах — тоже нельзя, поскольку это льет воду на мельницу национал-коммунистической оппозиции?

— Примерно так.

— В чем, с вашей точки зрения, гре-

хи политики президента?

— Я могу показать вам письмо, которое мы, члены «Независимой гражданской инициативы», направили президенту в августе прошлого года, в годовщину путча, там все подробно сказано и многое предсказано. Если коротко, беда в том, что экономическая реформа осуществляется в интересах меньшинства и за счет большинства. В стремлении сохранить госсектор, а ту часть, которая подлежит приватизации, — отдать в руки администрации, то есть той же номенклатуры. Так поступает вице-премьер Чубайс, вредя тем самым президенту больше других министров, вместе взятых. Самая же большая ошибка в том, что Ельцин не ликвидировал советскую власть и сейчас пожинает ее плоды. Он должен был сделать это в сентябре 1991 года, причем не разгромом, а референдумом. Тогда бы его поддержало подавляющее большинство народа. Он должен был созвать Учредительное Собрание и принять новую Конституцию. Все это ошибки не тактического, а стратегического характера, такие, что под вопросом сама направленность его политики. Теперь моральная сторона дела. Сколько он говорил о ликвидации привилегий! Если бы не это, никто бы его и не заметил. И вот теперь он сам туда же вместе со своим окружением: квартиры, дачи, самолеты, все что угодно. Я бы это определил по Окуджаве: «А в нашем доме пахнет воровством...»

— У Окуджавы дальше так: «А мы рукой на прошлое — вранье! А мы с надеждой в будущее — свет!» А у вас?

— А у нас в квартире газ... Я убежден, что и сейчас президенту не поздно сделать кардинальный поворот в политике. Ему хватило смелости сказать: «Вот он я, перед вами — голосуйте за или против!» Хорошо. А с какой стати за тебя голосовать? С той, что Хасбулатов еще хуже? Но ведь Ельцину надо набрать пятьдесят процентов, причем не от тех, кто пришел голосовать, а от всех, имеющих право голоса. На одной личной харизме столько ему уже не собрать, надо что-то посуущественнее. Если он не хочет потерять все, он должен раскритиковать свой политический курс, чего он до сих пор не сделал. Заявить, что реформы не идут не только потому, что у них есть противники на съезде и в Верховном Совете, но и потому, что они сами нуждаются в реформах. То есть искать виновного в самом себе, а не так, как это всегда делалось в России, — найти врага и свалить все на него.

— Вы говорили это лично президенту?

— Я много чего ему говорил, но это — нет. Не предоставлялось возможности. Но я найду способ ему это высказать.

* После того — значит вследствие того (лат.)

— А как Ельцин реагирует на критические замечания в беседе с глазу на глаз?

— Сначала сжимается. Первая реакция — возразить, отместить, отшвырнуть. Потом становится мягче и в конце концов благодарит. Я помню несколько таких случаев.

— Как вы полагаете, когда президент говорит, что агрессивное непослушное ему большинство съезда — бывшая коммунистическая номенклатура, желающая свернуть реформы, он сам в это верит?

— Трудно сказать, что он думает. Я могу сказать, что думаю я, — что это верно, хотя существенно упрощает реальную картину. Сейчас во властных структурах несколько типов элементов. Один — те люди, которые оказались вне реального управления страной и вне коммерческой деятельности. Их спасение в том, чтобы оставаться в этих органах власти, например, законодательной. Второй, наиболее массовый тип — номенклатура бюрократического рынка. Она вписалась в процесс приватизации, используя его для обогащения.

— Менее удачливые или более честные коммунисты называют его «прихватизацией»...

— Да, хотя я называю это иначе: коммерциализацией привилегий. Когда должность становится собственностью, а кресло приносит не только привилегии, но и наличные. Еще одна группа — те, кто представляет традиционалистскую Россию с теми устремлениями, о которых я уже сказал. Это Астафьев, Константинов, Аксютин, Бабурин и им подобные. Те коммунисты, которых среди них много — ведь на I съезде народных депутатов России членами КПСС назвали себя 900 человек, почти 90 процентов. Ортодоксов, доктринеров тут немного, но и коммунисты поражены традиционалистскими настроениями. Как раз на этой почве образовался блок коммунистов с антикоммунистами против демократов. Поэтому сказать, что все это партноменклатура, — почти ничего не сказать, настолько они разные. Есть фанатики идеи, а есть такие, кто и в совместных предприятиях, и землю себе застолбили. Но запевалами, в самом деле, часто выступают те номенклатурщики, у которых нет будущего. Здесь Ельцин прав.

— А почему бы тем, кто «вписался в процесс», не поддержать президента, тем более что его политика, как вы сказали, играет им на руку?

— Если они — хор, то Ельцин все-таки фальшивит, поет не в унисон с ними. Субъективно он готов углубить преобразования в том направлении, о котором я говорил, тогда как они хотят остановиться или сделать несколько шагов назад.

— И в этом смысле они не лгут, когда говорят, что за реформы, а не за возвращение, допустим, в 1984 год?

— Да, но сделав один шаг назад, они вынуждены будут сделать второй, третий и десятый.

— Не кажется ли вам, что после крушения коммунистической идеологии образовалась такая ценностная пустота, которая — по принципу «свято место пусто не бывает» — неизбежно заполняется новой сверхценной идеей. Сейчас на роль этой идеи претендует державно-националистическая, но, может быть, ей нужно составить конкуренцию?

— Наверно, нужно. Иначе ситуация станет просто опасной. Ведь то, чего требуют и даже пишут в программных документах шовинисты — восстановление СССР и даже Российской империи в границах 1914 года, — это война. Национальная идея должна быть другой. Для меня быть патриотом — значит персонально отвечать за дело, которое ты делаешь. Но для такого наполнения национальной идеи сейчас нет оснований, поскольку большинство россиян все еще не личности. Личности не может быть без экономической свободы, которой пока нет.

— Как, по-вашему, Хасбулатов является самостоятельной политической фигурой с далеко идущими планами или же он только выражает политическую волю большинства съезда?

— Он, бесспорно, честолюбивый и карьеристски устремленный человек, ему нравится противоборствовать с Ельциным, нравится, что съезд его поддерживает, а он хорошо улавливает настроение подавляющей массы депутатов. И у него там, что называется, все схвачено.

— Как у Лукьянова был «схвачен» Верховный Совет СССР?

— Даже полнее. Хасбулатов — олицетворение совокупной власти, той гремучей смеси коммунистов и антикоммунистов, о которой я говорил. Трудно представить, как она будет взрываться. Я думаю, коммунисты первыми избавятся от национал-патриотов, а уж потом примутся за нас.

— Их возвращение к власти реально? И что будет, если они вернуться?

— Реально. Они организуются в единую компартию и не без основания рассчитывают завладеть твердыми двумя третями голосов съезда, которые позволят им делать с Конституцией все что угодно. Но что дальше? Дальше они быстро слетят. Максимум через год-два. Ведь все их программные положения свидетельствуют, что за душой у них ничего нет.

— Большевики тоже слетели бы к началу 1918 года, если бы позволили себя избирать...

— Сейчас другое время. Силой им тоже не удержаться. Нет такой силы. Если до этого дойдет, расколется армия, которая и сейчас не монолитна.

— Но это же гражданская война!

— Они это тоже понимают. Конечно, там есть люди бешеные, вроде Анпилова, однако преобладают другие — не то что более умные, но более осторожные. Думаю, они сознают, что им нельзя приходить к власти — это будет их полным концом. Поэтому я более или менее спокоен.

— Многие наши демократы и «правовики» остаются таковыми лишь до тех пор, пока демократия и право им выгодны. Но как только они замечают, что народовластие и законность играют на руку их противникам, то становятся автократами и волонтаристами. Вы не из их числа?

— Если быть откровенным, то я не очень верю, что сегодня-завтра демократия широким потоком разольется по российским просторам. И на ее неровном пути какие-то проявления авторитаризма будут неизбежными, а иногда и желательными. Российское общество несовременно, и авторитарное начало в нем естественно. Важно, чтобы оно было просвещенным и вело Россию к демократии.

— В этом контексте вы, вероятно, оправдываете наделавшее столько шума заявление президента и не считаете его антиконституционным?

— Я считаю его естественным и нормальным. А неопубликование объявленных указов вообще поставило их в довольно двусмысленное положение: они приняли постановление о неконституционности того, чего нет как действия. Это, конечно, трюк, и беда в том, что на таких трюках далеко не уедешь.

— У вас есть личная неприязнь к вашим политическим противникам?

— Только к некоторым, и она основана не на политических разногласиях, а на моральном чувстве. Я не переношу вранья. Но я несколько раз уличил Астафьева и Аксютинца в том, что они либо лгут, либо намеренно перевирают чужие слова. Мы одно время были близки — встречались, беседовали, спорили, так что я попытался им сказать: «Что же вы делаете?!», однако это было бесполезно, и я просто прекратил общение с ними. Но вранье, как мне стало казаться, — неотъемлемое свойство политики. Это тоже к ответу на ваш вопрос, почему я охладел к политической деятельности...

Михаил ГЛОБАЧЕВ

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ АГИТПРОПА В НОВОЙ РОССИИ

В подземном переходе на Пушкинской площади, где раньше находился самый богатый газетный развал, теперь торгуют русским изданием «Пентахауса» на пару с «Красной Шапочкой», а такие газеты, как «Все для вас» и совсем загадочный «Голос курда», оттеснены в дальний, слабо освещенный рукав. На бойком пятачке сбивается по вечерам угрюмая тусовка гостей столицы в кожаной униформе. Никакого товара у них не видно: надо думать, заключают фьючерсные — попросту говоря, «воздушные» сделки.

Новая многопартийная печать перестроечной эпохи родилась в конце 1988 года. Тогда на улицах больших городов вместе с парижской «Русской мыслью», рижской «Атмодой», «Гласностью» С. Григорьянца и «Экспресс-хроникой» стали распространяться первые газеты партий, больше похожие на листовки, отпечатанные на обычной пишущей машинке и размноженные роталпринтным способом. Пионерами их выпуска были «Гражданское достоинство» (впоследствии — кадеты), Демократический союз, Конфедерация анархо-синдикалистов и Социал-демократическая ассоциация.

В следующие три года пресса новорожденных партий и движений пережила бурный расцвет. Каждая политическая организация стремилась обзавестись собственной — хоть какой — печатной трибуной, благо энтузиазма было не занимать, бумага и типографские услуги стоили еще сравнительно дешево, а в 1990 году вошел в действие либеральный по тем временам союзный Закон о печати. Однако коммунистическое начальство большинства российских типографий «деполитизировалось» лишь накануне августовского путча. До тех пор особенно

явным противникам КПСС сплошь и рядом приходилось обращаться к прибалтийским печатникам.

Большая часть этой периодики, несмотря на сравнительно добротное полиграфическое оформление, по содержанию мало отличалась от «старших коллег», демонстрируя разве что возросший уровень грамотности политизированных россиян. Наиболее радикальные издания часто оказывались и самыми графоманскими; это в полной мере относилось, например, к «Свободному слову» — знаменитого Демсоюза — за пределами газетной площадки, отданной блестящим парадоксам В.Новодворской. Что поделаться: как выразился совсем по другому поводу некий литературный критик-«заединщик», это «кричала сама народная боль»... Вместе с тем отпочковавшийся от ДС коллектив «Моральки» («Искры») сумел создать, пожалуй, лучшую в стране газету политической сатиры.

На первых порах сообщения о правозащитных акциях и все новых злоупотреблениях режима служили весомым информационным дополнением к «Огоньку» и «Московским новостям». В полном соответствии с ленинским заветом печатные органы антиленинцев являлись не только коллективными агитаторами и пропагандистами, но и коллективными организаторами. Многие неофиты в политике обрели «свою» партию именно через газету, нередко купленную совершенно случайно. Однако с появлением более раскованных, чем издания «шестидесятников», и притом профессиональных «Столицы», «Курантов», «Независимой газеты» партийная пресса стала приходить в упадок.

«Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен бур-

жуазно-торгашеских литературных отношений», — писал еще В.И. Ленин («Партийная организация и партийная литература», 1905 г.). Увы, крах КПСС—СССР с последующей коммерциализацией всей жизни добил партлитературу новой волны. Одно за другим закрылись оба «Свободных слова» расколовшегося к тому времени ДС, «Искра», «Гражданское достоинство» кадетов Золотарева, «Демократическая Россия», близкая к одноименному движению, и «Демократическая газета» ДПР...

Дольше других держится розовокрасная по духу «Солидарность», перешедшая с редакцией от анархосиндикалистов под крыло Московской федерации профсоюзов. Бледно-розовая «Альтернатива», примечательная цветным — в половине тиража — исполнением, также «сбежала» вместе с бывшим лидером эсдеков О.Румянцевым в созданный им отдельно от партии Социал-демократический центр. Позицию последней теперь отражает «Сфера», выходящая в бесконечно далеком, по нынешним транспортным тарифам, Саратове. Приостановлен выпуск либерального политического ежемесячника Республиканской партии «Господин Народ»: его издатель И.Яковенко еще прошлой осенью «ушел на фронт» сбора подписей для референдума по земельному вопросу. На это израсходован весь запас его средств, полученных от собственной социологической службы, и едва ли газета, умная и интересная, но коммерчески убыточная, как все подобные предприятия, возобновится в ближайшее время.

Две московские газеты — «Срочно в номер» и писательские «Литературные новости» — носят гриф Партии экономической

свободы. Однако отражает он, скорее, общие симпатии или благие пожелания редакций, чем реальные связи с партией К.Борового, С.Федорова и В.Золотарева. Многие авторы «Срочно в номер», в отличие от ПЭС, поначалу были настроены явно антиельцински. А в выходных данных «ЛН», учрежденной литераторами-«апрелевцами», эта партия с недавних пор фигурирует в загадочной роли попечителя. (Пока писалась статья, там возник еще один — Христианско-демократический союз А.Огородникова, а вместо ПЭС почему-то появилось Министерство печати и информации.)

По неполным данным, ни одно из этих изданий ни разу не получало официальных субсидий. Законопроект об общественных объединениях второй год кряхтит дорабатывается в парламентских комитетах, а пока политические взгляды, похоже, приравнены к религии в доельцинское время — в смысле глухой отдельности от жизни государства.

Опустевшее пространство победно заполнили малозаметные раньше издания «патриотического» толка. До последнего времени у распространителей можно было встретить «Память», «Левую газету» (Соцпартия трудящихся) и «Путь» (РХДД), много издававшую анпиловскую «Молнию» и пробный нулевой номер стерлиговского «Русского Собора», «Голос Жириновского», «Сокола Жириновского» и «Либерал»... все того же Владимира Вольфовича. Бойко раскупаются экзотические газеты сталинистов из Северной Осетии и Дагестана. И не счесть откровенно погромных листовок вроде «Русского порядка» (Русское национальное единство), украшенного «символом грядущей России» — свастикой. По данным сопредседателя Христианской ассоциации З.Крахмальниковой, в конце прошлого года «непримиримая оппозиция» в четырех-пяти крупнейших городах выпускала свыше 100 изданий общим тиражом до миллиона экземпляров.

О качестве здесь и подавно говорить не приходится — содержание и подача материалов удручающе монотонны, — но финансируются эти газеты, судя по всему, исправно. Пока лишь «Пульс Тушина» объявил о банкротстве и, по сообщению «Московских новостей», тут же был куплен. Кем и как — коммерческая тайна. Не исключено, что здесь, как и в случае с бывшей главной газетой СССР и коммунистов во всем мире, замешан иностранный капитал не самого порядочного разбора, активно прокладывая дорогу в соответствующие сферы российской политики.

Вторая и третья власти, не в пример узбекским, реагируют спустя рукава: за последний год в Москве и в Свердловской области задержали полдюжины граждан, распространявших провокационные воззвания, примерно в половине случаев были начаты вялотекущие следственные действия. Отличилась на этом фоне лишь

городская прокуратура Санкт-Петербурга: она за шесть месяцев возбудила аж 14 уголовных дел по 74-й статье... и все их проиграла в суде. Правда, под конец горбачевской перестройки власти явно столь же нехотя допекали и Новодворскую; так что дело тут, скорее, не в злобной политической тенденции, а в новопробретенной традиции «пофигизма» компетентных органов. Инструмент подавления инакомыслящих превратился в типичную вещь в себе; нас «блюдут» почти по-прежнему — надо же чем-то заниматься до пенсии славный контингент чеккистских сердец, голов и рук. Только оргвыводы из подслушанного и подсмотренного уже не следуют. Впрочем, вернемся к прессе.

Гражданские иски частных лиц к редакциям и редакций друг к другу, наоборот, распространились подобно эпидемии, но именно поэтому общественного любопытства не вызывают даже миллионные притязания. Московский мэр Ю.Лужков недавно «нагрел» газету «Правда»; все наперебой судятся с «Днем», и он — со всеми сразу. Ну и что, дело-то житейское...

Судя по всему, партийная печать в нынешней России, как и в Советском Союзе последних лет, — удел профессиональных обличителей. Лишившись этого идейного оправдания, она быстро теряет жизненный тонус. Такова, впрочем, общая модель политического бытия не только партий, но и большинства россиян: кто не митингует у микрофонов и не ударился в бизнес, тот впал в спячку, кое-как сводя концы с концами.

Нынче в затылке московском метро пассажиры едва ли не через одного читают «День». У него-то общий тираж не упал, а вырос в наступившем году на четверть.

Часть москвичей, судя по социологическим опросам, без особого почтения относится к персонам «духовной оппозиции», но сочувствует им, условно говоря, программам. Другая часть, разочаровавшись во всех и всяческих реформаторах, по-прежнему верит в идею реформ. В газетной брани, густо повисшей, вопреки народной поговорке, на воротах городов, идеально оформляется немая злоба на незадавшуюся жизнь.

«Левые-правые патриоты» не только насытили своей продукцией газетный рынок после «право-левых демократов», но и обжили покинутую ими политическую нишу. Что занимало без остатка помыслы «демшизы» с 1988 по 1991 год? «Карфаген должен быть разрушен!» Точно так же «патриоизм» застит весь белый свет одна, но пламенная страсть: избавиться от Ельцина с его командой. О том, что наступит после, думать скучно и несоблазнительно. Кто же из политиков чему научился на чужих ошибках? Такое удается считанным единицам даже в застольных или в амурных делах...

Тем не менее, вот они — ниспровергатели очередного антинародного режима,

еженедельно выдающие сами себе медали за отвагу... всякий раз предсмертно. То-то и расписались вовсю, ибо, как говорится, тем и интересны. Более — ничем: если «демшиза» хотя бы отменно владела оружием сарказма, порой даже на себя поглядывая с долей здоровой самоиронии, то «патриошизики» уютжат читательские мозги лошадиными дозами мрачной напыщенности.

Накануне референдума пресловутая поляризация общества довольно слабо отразилась на газетном рынке. Здесь, скорее, произошла концентрация сил: мелкопартийная литература в столице как будто отступила из постоянных «точек» распространения, а таких сохранившихся «гигантов» оппозиционной прессы, как «Русский вестник» (Национал-патриотическое движение) и «Народная правда» (Рабочее движение — обе, что характерно, без грифов), — и раньше можно было встретить даже в киосках «Роспечати». Зато уж без «Дня» — ни шагу. Референдуму он посвящал целые полосы-листовки и призывал голосовать «нет-нет-да-нет», то есть любить и беречь народных депутатов, пославав подальше все остальное. (Странно, что руководство Фронта национального спасения, почти неотличимое от редколлегии «Дня», высказалось все же за досрочное переизбрание обеих ветвей власти.) В то же время самые лихие вожди оппозиции, вроде А.Баркашова, одинаково кроют и президента, и «недостаточно национальный» парламент. Оттого, возможно, у них и прессы поубавилось: в дни крупных политических схваток такая позиция самая невыигрешная.

Одновременно активно воплощается в жизнь модель квазипартийной литературы: формально независимая газета с постоянным кругом политически ангажированных авторов обслуживают широкие группы единомышленников. Это не только неподражаемая «партия духовной оппозиции», но и «Экспресс-хроника» — «партия либеральных правозащитников», и просто «Хроника», ностальгически-боевитая газетка, тяготеющая к «партии исполнительной вертикали». Есть свой орган и у «партии Руслан Имраныча»: тяжеловесная «Российская газета», обласканная миллионными дотациями Верховного Совета.

«Неизбежны были уродливые союзы, ненормальные «сожительства», фальшивые прикрытия... И мы живем в такое время, когда всюду и на всем сказывается это противоестественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, «дипломатической», увертливой «легальностью» (читай: «объективностью». — М.Г.)» (В.И. Ленин, см. там же).

Вот мы по-ленински и живем!

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»
на 2-е полугодие
1993 года!**

Стоимость подписки, объявленная редакцией: на один месяц — 196 рублей, на три месяца — 588 рублей, на шесть месяцев — 1176 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки на «Столицу» с учетом местной надбавки составляет: на месяц — 370 рублей, на три месяца — 740 рублей, на шесть месяцев — 1480 рублей.

При попытках взять с подписчиков больше указанной суммы просим обращаться в редакцию.

Телефон: 928-27-69.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания) Количество комплектов:
 на 19 ___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
 ПВ место лп-тер на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания)
 Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов:
 пере- адресовки _____ руб. _____ коп.
 на 19 ___ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

По традиции
для подписчиков
«Столицы»
редакция проводит
лотерею.
Главный приз —
поездка в Париж
за счет редакции.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
В № 27 «Столицы» за 1993 год
будет опубликован список победителей.

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 15 марта по 15 мая включительно.

**Уважаемые
московские
читатели
«Столицы»!**

**Если Вы имеете
возможность
приехать за нашим
журналом в редакцию,
мы подпишем Вас
на второе полугодие
1993 года
по льготной цене:
780 рублей
(на полгода)
или 390 рублей
(на квартал).**

**Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:
Петровка, 22
(вход с Рахмановского
переулка),
комната № 410.**

**Справки по телефону:
928-27-69**

АССОЦИАЦИЯ «ВЗАИМНОЕ ДОВЕРИЕ». ГЛАВНОЕ — ЭТО ПРОИЗВОДСТВО!

Только два года существует ассоциация малых предприятий «Взаимное доверие» (центр в городе Агидель, Башкортостан), но уже добилась немалых результатов. Оборот — порядка 800 миллионов в квартал, создаются все новые и новые рабочие места. На сегодняшний день их около тысячи. В ассоциацию входят примерно пятнадцать малых предприятий, которые занимаются и пчеловодством, и строительством, и деревообработкой, и коммерческой, торговой деятельностью, и производством стройматериалов, легковых автомобильных стекол, перерабатывающего оборудования, воицины, корпорушки, чипсов... И т.д.

— А как все это начиналось?

— Начиналось все с того, — рассказывает президент ассоциации Владимир Владимирович ЧИСТИКИН, — что в городе Агидель строили атомную электростанцию. А потом строительство признали нецелесообразным. Люди оказались фактически никому не нужными, работы для них не было. Для меня тоже. Я довольно долго работал начальником электромонтажного управления на строящейся станции, а потом в моих услугах перестали нуждаться. Если говорить мягко. Пятьдесят человек пошли за мной. Фактически в неизвестность. Мы вместе с друзьями — А.В. Швидченко, В.В. Садовым — создали малое предприятие «Взаимное доверие», собрав свои скромные сбережения. Уставной капитал фирмы исчислялся десятками тысячами рублей. Однако дела у нас пошли. У нас было первое в Башкирии малое предприятие, занимающееся монтажно-энергетической деятельностью. Мы работали на износ. Можно сказать, вкалывали. Внутри предприятия рождались новые, самостоятельные. Потихоньку завоевывали доверие. Постепенно мы стали официальными представителями кабельных заводов России, таких, как «Кам-кабель», «Кирс-кабель», и других. Начали сбывать товар, обеспечили маркетинг, рекламу... Мы и сейчас — уже в рамках ассоциации — занимаемся этой деятельностью. И в общем, без преувеличения можно сказать, что потихонечку мы стали монополистами в регионе по кабелю. Уже у нас есть свои дистрибьюторы. В Сибири, Поволжье, на Дальнем Востоке... Мы имеем договорные отношения более чем с двумя тысячами предприятий.

— Владимир Владимирович, в ассоциацию входят предприятия самых различных ориентаций. Например, те, которые занимаются пчеловодством и... деревообработкой. Какая связь? И насколько подобный союз выгоден ассоциированным членам?

— Связь прямая. И выгода прямая. Мне кажется, сейчас порознь прожить невозможно. Мы все делаем целенаправленно. Все производства у нас взаимосвязаны. Кирпичный завод выпускает кирпичи и обеспечивает строительство. Деревообрабатывающий цех делает ульи (вот вам и связь пчеловодов и деревообра-

ботчиков), тольяттинцы производят лобовые стекла, а мы их продаем в нашем собственном магазине в Нефтекамске (где у нас тоже есть офис). А деньги при этом находятся в единых руках ассоциации. Это, конечно, выгодно. Прежде всего в финансовом плане. Не буду голословным. Например, наш «Торговый дом» захотел купить себе «КамАЗы». Мы выделили деньги. Проблем нет. Но если бы «Торговый дом» решил вынуть эти деньги из своего оборота, то на них это могло бы сказаться болезненно. То есть мы даем возможность всем нашим ассоциированным членам заниматься своим делом с максимальной отдачей, взяв их проблемы на себя.

— Видимо, вместе легче получать и солидные кредиты в банке?

— Разумеется. Ведь сейчас кредиты в банке дают под стоимость основных средств вашей фирмы. Нашу ассоциацию на сегодняшний день оценивают в немаленькую сумму. Следовательно, и кредиты мы можем получать немаленькие. И — направлять деньги в нужное русло. На развитие производства. Вообще, самое главное наше направление — это развитие производства. Мы и коммерцией занимаемся только для того, по большому счету, чтобы поддержать тех, кто товар ПРОИЗВОДИТ!

— С кредитами бывают проблемы?

— Их, конечно, дают. Но государство взимает с нас колоссальный налог, порядка 120—150 процентов годовых. А ведь мы развиваем производство...

— Сотрудничаете ли вы с западными партнерами?

— У нас были совместные проекты с американцами. Полгода назад мы ездили в Штаты, установили там контакты с несколькими фирмами Бостона и Детройта. С некоторыми мы продолжаем сотрудничать. Но в целом это направление сейчас уходит на второй план. Знаете, все-таки западники до сих пор рассматривают нас как сырьевой придаток. Это для меня унижительно. Расскажу такую историю. Однажды мы с нашими партнерами из Иванова показали в США образцы великолепных отечественных тканей, предприимчивые «штатники» тут же предложили к сбыту в Южную Америку. Когда я узнал за сколько, мне стало не по себе. За такие деньги можно было бы скупить хлопок всего Узбекистана. В общем, я не хо-

тел бы участвовать в процессе разбазаривания страны.

— Примерно год назад газета «Деловой мир» опубликовала информацию о том, что ассоциация «Взаимное доверие» готова рассмотреть предложения о сорудничестве любых заинтересованных лиц, фирмы, а также поддержать самые любопытные, содержательные проекты. Кто-нибудь откликнулся?

— Почта пришла огромная. Но, увы, процентов девяносто предложений было, мягко говоря, не совсем интересными. Однако процентов десять предложений заслуживали внимания. Мы поддержали отдельные проекты. В частности, некоторые научные разработки в Москве, Екатеринбурге... К сожалению, поддерживать всех мы просто не в состоянии... Это нужно все-таки делать на государственном уровне. В стране огромное количество ярких, талантливых людей, оказавшихся ненужными в собственной стране. Что же касается пресловутой помощи Запада, то я этой помощи никогда не видел. Для нас она, во всяком случае, не доходит. Хотя в америках приходится читать, что те же американцы поддерживают в СНГ какие-то научные разработки, мелкий и средний бизнес.

— Владимир Владимирович, недавно вы создали также акционерное общество «Взаимное доверие». Зачем?

— Затем, чтобы сделать наших сотрудников настоящими собственниками. Мы выпустили акции по десять тысяч рублей, значительную часть которых раздали бесплатно. Поддержали наше акционерное общество банковские структуры, местная администрация. Важно, чтобы люди ощутили себя наконец настоящими хозяевами, не на словах — на деле, тогда они смогут свернуть горы.

— Можно ли жителям других регионов стать членами акционерного общества «Взаимное доверие»?

— Двери открыты для всех. Приглашаем. Уставной фонд А/О «Взаимное доверие» триста миллионов рублей. Номинальная стоимость одной акции десять тысяч рублей. Основные виды деятельности А/О — это финансирование программы деятельности малых предприятий, входящих в А/О, производство строительных материалов, строительство жилья, коммерческая деятельность, создание акционерного банка, благотворительного фонда для малоимущих слоев населения, развитие спорта, открытие детских площадок и так далее.

— Владимир Владимирович, что бы вы еще хотели сказать нашей многотысячной читательской аудитории?

— Мы по-прежнему готовы инвестировать интересные, перспективные проекты, готовы поставлять товары народного потребления (мебель, продукты питания, электробытовые приборы, обувь...), а также кабель, нефтепродукты (бензин, дизельное топливо, мазут), изделия из леса (дома, брус и т.д.) Звоните!

Контактный телефон и факс ассоциации «Взаимное доверие» в Нефтекамске: (095) 220-89-02, в Уфе (3472) 52-86-33.

По тем же телефонам можно связаться и по вопросам, связанным с акционерным обществом «Взаимное доверие».

БЕЗ МИРОВЫХ ЦЕН РОССИЯ ПОЙДЕТ ПО МИРУ

Несуразности в экономике модно объяснять политическими причинами, а экономические тезисы, наоборот, используются как козыри в политической игре.

Например, политической карьере Руслана Хасбулатова способствовали его публичные выступления с критикой Комитета цен — за то, что цены в России из-за этого комитета ну никак не приближаются к мировым. Экономика в те времена была плановой, курс рубля по отношению к доллару — мифическим, а прогрессивная идея будущего спикера казалась маловероятной. Теперь, правда, про ценоборчество Руслана Имановича все позабыли, в том числе и он сам. А время для воплощения идеи настало.

Мировые или дармовые?

Каждому россиянину сегодня хорошо известно, что цены на нашем внутреннем рынке на отдельные товары — автомобили, телевизоры, холодильники... — уже вполне мировые. И до такой степени, что местному потребителю эти товары не по карману, а западному — не по душе.

По душе Западу — наши природные ресурсы. Они у нас на внутреннем рынке — почти дармовые. Разница между ценами российскими и цивилизованными показывает следующая таблица:

Внутренние цены на основные энергоносители (в процентном отношении к мировым)

Нефть	20
Нефтепродукты	30
Газ	5
Уголь	10

Зачем «внутри» — мировые цены?

Ответ на этот вопрос звучит как политический тезис — чтобы избежать коррупционности чиновников, а значит — разбазаривания госресурсов. По подсчетам специалистов, пусть не на 17 миллиардов, как уверяет вице-президент, но уж на три миллиарда долларов как минимум страна недополучила валюты за природные ресурсы. Да и как не быть коррупции, если разница в ценах настолько велика, что сама зовет посредников заключить сделку любым способом.

Мы привыкли, что у нас все самое дешевое: нефть, газ, уголь, человеческий труд. И не только потому, что наши

ресурсы не выдерживают мировых стандартов. Лес, например, не тянет по качеству на общепринятые нормы — «два сучка на погонный метр». Газ, увы, погрязнее голландского будет, уголь, сгорая, тепла меньше иностранного отдает... Зато у нас всего этого добра много: нефть бьет фонтаном, уголь сам лезет на поверхность, газ идет из земли, лес круто растет дремучий.

Запад, пережив два энергетических кризиса, к концу 80-х перестроил свою экономику под дорогие ресурсы. Все внутренние цены, конечно, взлетели на 20—30 процентов. Но цены на ресурсы постепенно стали снижаться. Если в конце 70-х годов тонна нефти стоила 240 долларов, то сегодня ее цена 130 долларов. Мы же, вместо того чтобы снизить объемы добычи сырья, начали их резко увеличивать, брать то, что лежит на поверхности. Вот и остались с нулевыми запасами золота и валюты...

Казалось бы, тем же американцам или японцам, основным потребителям нефти, выгоднее договориться и сбросить мировую цену на нее, но нет — ведь тогда придет конец мировому научно-техническому прогрессу. Если ресурсы дешевы, какой смысл задействовать мозги, осваивать новые технологии, чтобы эти ресурсы экономить?!

Как сделать из наших цен — мировых?

Разумеется, нельзя в один момент взять и повернуть цены к миру и прогрессу. Структурная перестройка западной экономики шла без мало-

го двадцать лет, хотя она и не была столь запущенной, как наша. Трудности на этом пути предстоят огромные — и социальные, и политические. Если подорожает сырье, в России закроется половина промышленных предприятий. Затраты на производство, скажем, автомобилей возрастут, а качество вряд ли изменится. Отечественные машины просто никто не будет покупать. Рынок ведь судит не по затратам, ему важны результаты.

Научно-исследовательский институт цен сегодня прогнозирует два варианта выхода России на уровень мировых цен. Первый: очередное наращивание денежно-кредитной эмиссии, дальнейший рост инфляции — то есть ничего нового и обнадеживающего. Второго варианта: ограничение кредитов и поддержка исключительно приоритетных отраслей. За чем, к примеру, России производить персональные электронно-вычислительные машины? Она отстала в этой области от цивилизованных стран не на одно десятилетие. Дешевле покупать электронику, а деньги вкладывать в науку.

И нет ничего оскорбительного для наших патристических настроений, что мы продаем сырье, а за счет этого и держимся на мировом рынке. По сведениям на январь 1993 года, 60 процентов доходов государства от экспорта дали топливно-энергетические ресурсы.

Лучше быть бедными, но щедрыми?

Гораздо оскорбительнее торговать себе в убыток. А именно так торгует Россия с бывшими союзными республиками, продавая им сырье по демпинговым ценам. Есть данные за 1992 год, которые показывают — по какой цене Россия продает, по какой — покупает сырье.

Цена поставки (руб/т) в Россию из России

Нефть	709	761
Автобензин	4560	3765
Дизельное топливо	5469	2273
Мазут	3538	1924
Газ природный	683	178

Продавая сырье, в сущности, себе в убыток, Россия тем самым провоцирует перепродажу нефти и нефтепродуктов обратно из госу-

дарств СНГ. В итоге — уровень национального дохода в России ниже, чем в большинстве «братских» независимых государств. Хуже нас живут только Азербайджан, Армения, Грузия и Таджикистан — и то потому, что воюют...

Не только политические игры мешают перейти на мировой уровень взаиморасчетов с «бывшими». Экономические мотивы тоже звучат. Роскомцен, к примеру, опасается, что Узбекистан начнет продавать нам свой хлопок по мировым ценам. Он уже и так продает по ним, но ведь может сделать еще дороже?! Что ж, тогда придется купить хлопок в Египте. Конечно, наше Иваново за долгие годы существования привыкло работать с нашим же Узбекистаном, но нынче Узбекистан для нас — все равно что Египет.

Вся промышленность Урала ориентирована на экибастузский уголь, а теперь Казахстан собирается вполне законно продавать его нам по мировой цене. Никакой катастрофы тут нет, если это произойдет, просто надо искать внутри страны альтернативные источники.

Цены поднимутся, а люди... потонут?

С казахстанским углем соизмерим по качеству (вернее — по его отсутствию) только наш подмосковный. С 50-х годов в стране идут разговоры о необходимости закрытия убыточного подмосковного угольного бассейна. Но все упирается в... человеческий фактор. Людей-то придется трудоустроить. И пособия по безработице — выплачивать. Уехать же из обанкротившегося края и поискать работу на новом месте можно лишь теоретически — прописки у нас пока никто не отменял. Многие города в России были построены именно под производство — «под шахту».

Переход к мировым ценам сложен, но неизбежен. Если сейчас загубить газовую и энергопроизводящую отрасли — на реформах можно ставить крест. Иного механизма для оживления этих отраслей, кроме мировых цен, не дано.

Аэлита ЕФИМОВА

Материал подготовлен на основе сведений, предоставленных Научно-исследовательским институтом цен.

СВОЯ РУБАШКА БЛИЖЕ, А КАРМАН — ШИРЕ

Когда одному из самых ленивых сотрудников газеты, где работаю, сказали, что пошел процесс приватизации и он, как и все мы, становится совладельцем нашего издания, работа для него (парадокс!) из печальной необходимости превратилась в основное занятие. Сейчас он имеет собственное рекламное дело, ворочает миллионами, ездит на новом авто и в офис приходит раньше всех. Свое оно и есть свое — не то что общее.

Сибирское купеческое собрание замахнулось на сеть собственных магазинов. Первый собираются открыть в Новосибирске. Управляющий отделом промышленных товаров почтенного собрания Олег Кузнецов посетовал агентству «Постфактум», что государственные и муниципальные магазины — это пародия на торговлю. Именно поэтому тароватые сибиряки решили бросить самим себе спасательный круг — купили в Новосибирске несколько помещений и собираются устроить там рай для покупателей. И ведь получается.

Да что магазин! На родине форосского узника деловые люди отгрохали собственный выставочно-ярмарочный комплекс. Коммерческо-производственная фирма «Ставрополье» решила, что именно здесь предприниматели смогут соблазнить потенциальных покупателей своей продукцией, а также тем, что есть в закромах фирм из Турции и Объединенных Арабских Эмиратов.

Хлопнуть шапкой об пол — любимое

купеческое дело. Дашь свой самолет, и все тут! «Кузбассоцбанк» из Кемерова скинулся с московским Народным банком и открыл финансирование завода имени Мясищева в Подмоскovie. Газета «Бизнес и банки» сообщает, что денежки пойдут на создание российского грузопассажирского самолета «Гжель» — лучшего из этого класса машин.

Что ж, время — деньги. В переносном и прямом смысле. Самарский филиал «Инкомбанка» готов отстегнуть 10 тысяч зеленых за лучший дизайн часов, которые могли бы стать украшением города и одновременно отразить его историю, традиции, научно-технические достижения. Конкурс «Городские часы» проводит гильдия профессиональных дизайнеров «Гритар». Посмотрят горожане на новую достопримечательность и поймут, что эта наглядная агитация за светлое будущее лучше плаката «Решения съезда — в жизнь».

Французский химический концерн «Дюпон» решил не палить в злоумышленников, а использовать новый для нас способ защиты от коммерческих татей — антирекламу. Известная фирма была в шоке, узнав, что Москву и

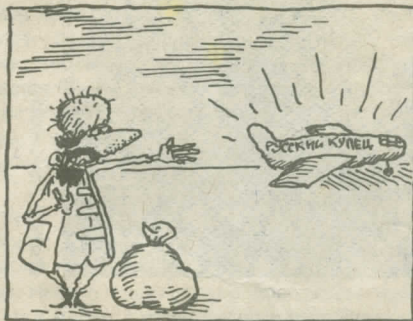
Подмоскovie наводнили женские колготки с лайкрой, произведенные неизвестно кем, «Дюпон» — единственный в мире держатель патента и производитель эластичного полотна с лайкрой. Поэтому через своего официального дистрибьютера концерн обратился в редакцию журнала «Спрос» с просьбой опубликовать антирекламу неизвестному российскому производителю, посягнувшему на чужое добро.

Свой карман защищают по-разному. Пришлось, к примеру, отменить концерт бесподобной Аллы Пугачевой в Ставрополе. Не стали слушать любимую певицу за 25 тысяч рублей. И хотя обладателям безумно дорогих билетов сулили ночное шоу, банкет без ограничения напитков и доставкой домой в дежурных троллейбусах и автобусах, желающих пробить брешь в семейном бюджете набралось менее четырехсот.

Денежки счет любят. Поэтому неудачей закончился первый аукцион кредитных ресурсов в Калуге. На торги никто из потенциальных покупателей попросту не явился. К продаже предлагались четыре лота от 2 до 110 миллионов рублей на срок от двух недель до трех месяцев. По мнению специалистов, нуждающихся в финансовой подпитке коммерсантов отпугнули сравнительно небольшие размеры кредитов, их краткосрочность и высокая начальная кредитная ставка — 140—150 процентов...

В пору моей молодости был популярен анекдот о грузине, которого уговаривают поехать учиться в высшую партийную школу. Тот капризничает, отвергает аргументы. «Поезжай, Гоги, — убеждают его. — Приедешь — свой райком купишь». Кому он теперь нужен, райком. Свой завод — это да!

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ВОДУ — В КРЕДИТ

В связи с тем, что около 120 петербургских фабрик и заводов стали должниками государственного предприятия «Водоканал Санкт-Петербурга» и их общий долг превысил 300 миллионов рублей, решено было пойти на хитрость. Воду стали отпускать в кредит. Предприятию-потребителю будет выписываться специальный вексель, и оно будет получать воду в долг с оговоренными сроками оплаты. На днях созданная в «Водоканале» финансовая компания выписала первый вексель объединению «Фурнитура», которое должно за воду более пяти миллионов рублей. Санкции и предупреждения отключить воду уже не действуют. Вот и пришлось пойти на своеобразные экономические санкции.

ТЕПЕРЬ НЕ СКАЖЕШЬ: «РАБОТАЕТ КАК ЛОШАДЬ»

В Татарстане, возможно, будет преследоваться использование животных на непосильной работе. Именно такой закон предложило обсудить жителям столицы Татарии казанское Общество покровителей животных. Проект его направлен в Верховный Совет республики. Он предполагает защиту любой живности, за исключением микроорганизмов, от насилия со стороны человека. Законопроект считает недопустимым оставлять животных на произвол судьбы, опыты над животными, организацию единоборств между ними. За это и другие нарушения предполагается суровая ответственность. Авторы проекта, тем не менее, не протестуют против забоя продуктивного скота, охоты, рыбалки, уничтожения бродячих собак и кошек.

КУРОЧКА ПО ЗЕРНЫШКУ КЛЮЕТ. ЗОЛОТОМУ

Как только ювелиры, работающие по золоту, покидают знаменитый стамбульский «крытый базар», в это здание, построенное еще византийцами, с горящими глазами заходят уборщики. Их рвение объясняется отнюдь не трудовым ражем. В пыли и мусоре они ищут золото. За то, чтобы устроиться сюда работать, надо заплатить большие деньги. И не зря, ибо хозяин дома, где расположены мастерские, утверждает: каждый уборщик ежедневно находит около трех граммов золота. Невидимым слоем драгоценного металла покрыты и одежда и волосы работников. Поэтому они обязаны перед уходом стряхнуть в специальные сосуды золотую пыль с одежды и причесать волосы щеткой. Но все равно золота хватает и уборщикам.

С КОРЕЙЦАМИ ДЕРЖИ УХО ВОСТРО

Американский предприниматель с Аляски Даг Драм очень огорчен: развратить производство мясорпродуктов в российском Заполярье ему не дают корейские бизнесмены. Поначалу совместное российско-американское предприятие — мясосовхоз в Магадане — работало успешно, а завод по переработке оленьих рогов — и того лучше. Но вот в долю вошли южнокорейские бизнесмены, подкупили, по мнению американца, российских чиновников и получили возможность контролировать добычу и обработку ценных оленьих рогов. Дальше — как на Диком Западе: сбили цены почти в десять раз, оттеснили американцев и стали вести дело без всяких там бухгалтерских записей. А вы говорите, русская мафия...

Елена ЭРИКСЕН

КОРОЛИ И СОСИСКИ

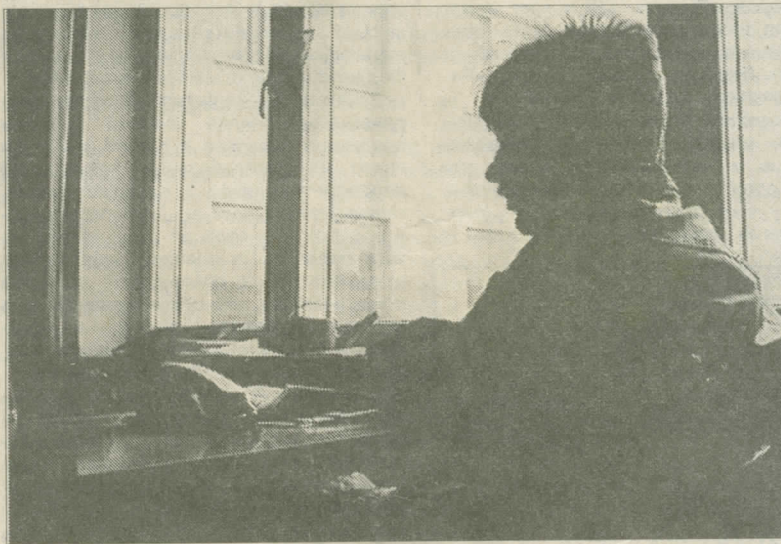

Фото В. Шишова

Знакомство с Юрием К. состоялось случайно. Он подвез меня из Шереметьево до дома, на предложенные деньги посмотрел с улыбкой — дескать, столько зарабатывает за минуту. По дороге рассказывал о собственном бизнесе. Рассказы

показались интересными, и я пригласила его в редакцию, попросила дать интервью. Он отреагировал без энтузиазма. А потом все-таки согласился, но при условии полной анонимности. Поэтому и сфотографировали его так, чтобы знакомые не узнали.

...**М**не 24 года. До армии я учился, а когда вернулся, ничем особенно заниматься не хотел. Была середина перестройки, и я пошел в кооператив. Тогда вошли в моду строительно-отделочные кооперативы. Ремонтировали мы какие-то дома отдыха, ресторан «Славянский базар». Сначала платили нормально, а затем в этих кооперативах совсем перестали деньги выдавать. Через три-четыре месяца я, как правило, менял работу. Эти моменты сопровождалась вспышками войны с родителями. И я добровольно перешел на самофинансирование.

Тогда-то и познакомился с человеком, который торговал компьютерами.

Он был старше и опытнее меня, научил на простых операциях осваивать торговые договора и постоянно повторял: «Юра, учи законы». Словом, я начал учиться. Он-то и помог мне и моему компаньону зарегистрировать собственную фирму. Мы в ней ничем не занимались, существовали тихо, скромно, но вдруг в прошлом году я получил негласную поддержку мафиозных структур — нам намекнули, что хватит валять дурака, пора заниматься делом. За это обещали помощь и охрану. Но денег от нас никаких не требовали. Это ведь только в очень доходных фирмах сидит «дополнительный» бухгалтер — представитель рэкета. Он ведет настоящую двойную

бухгалтерию — подсчитывает, сколько прибыли и от каких операций получено. И с этой суммы устанавливается процент платежей.

Мои знакомые не так давно начали торговать водкой — когда московский «Кристалл» взвинтил на нее цены. Привозили бутылки с периферии. Прибыли были большие. И сразу возник «дополнительный» бухгалтер. До этого момента, пока существенных доходов не было, не было и денежных сборов. Причем человек от мафии не поленится пересчитать все ящики с водкой в каждой машине и все аккуратно записывает в тетрадку. Подкупить такого бухгалтера нельзя: во-первых, он сам много получает, во-вторых, жизнью отвечает за честность в работе. Я не могу точно сказать, какая зарплата у этого бухгалтера, но управляющий персонал в так называемых преступных рэкетных группировках может позволить себе на заработки купить до 30 автомашин в год. Про одежду и питание не упоминаю — это мелочи.

Каждой группировке подчиняется определенная территория, и все коммерческие предприятия на учете. Это уже известный факт. Платить дань мафии вовсе не разорительно, ее размер гораздо скромнее налогов. Размер дани колеблется от семи до семнадцати процентов от прибыли. Это своего рода страховка, и, знаете, очень надежная.

На «застрахованный» объект никто не нападет, никто его не подожжет, не ограбит. Если же по недоразумению такое случится, то обращаться в милицию не стоит, надо сообщить хозяевам. Они из-под земли достанут виновников и туда же после разбирательства их отправят. Предприниматель также «застрахован» от поборов соседних группировок. Если, например, ко мне подходят незнакомые ребята и говорят: «Все, теперь будешь платить нам», я спокойно отвечаю: «Парни, я здесь человек маленький, давайте назначим встречу завтра и поговорим». Затем звоню своим покровителям, и они уже сами разбираются с претендентами. Кстати, разбирательства эти проходят культурно, без стрельбы. Все хорошо друг друга знают, территории давно поделены, и пересмотров границ не бывает.

Я, честно говоря, такой рэкет не воспринимаю как криминальную структуру. Меня надежно охраняют, материально на первых порах поддерживают. Если хозяева не в состоянии найти грабителей или поджигателей, то сами восполняют материальный ущерб — на эту сумму я буду освобожден от дани. Именно поэтому коммерческие киоски работают круглосуточно, иногда в них один продавец — женщина, и, поверьте, ей нечего бояться.

Мogu привести самый свежий пример, не попавший, естественно, на страницы прессы. Один коммерсант подвез друго-

го на иномарке вечером до коммерческого киоска. Тот быстро вернулся обратно с полной коробкой деликатесов и спиртного. Объяснил — палатка под его контролем, поэтому и захватил немного поесть-попить. Как на следующий день выяснилось, палатку он ограбил. Боевики прочистили всю Москву и нашли-таки владельца иномарки. Тот обрисовал ситуацию. Не мог не «выдать» приятеля. Состоялась разборка. Вот в этих случаях разбирательства проходят жестоко. Жертва, например, может «плавать» в подмосковном пруду с чугунной батареей на ногах, а чаще всего выясняют отношения в бане. Хорошая звуковая изоляция.

Солидный рэкет лично для меня означает сильную финансовую поддержку — группировки ведь курируют и банки, помогают достать дешевые кредиты. Если обращаешься к ним с серьезной программой — что желаешь производить или каким прибыльным делом заниматься, — обязательно материально поддержат. Бояться рэкета теперь глупо. Но если вы занялись бизнесом и пошла большая прибыль, вот тогда к вам обязательно придут и предложат услуги, от которых нельзя отказаться. С этого момента можно спать спокойно. Если же какой-то наивный и принципиальный человек отказывается платить, говорит, что его охраняет бесплатно милиция, то не стоит сомневаться — скоро, очень скоро настанет день, когда все сгорит дотла. Рэкетные группировки — короли положения в бизнесе.

Допустим, идет приватизация ряда магазинов. Сразу же после оформления документов эти торговые точки распределяются между королями рэкета. В крупной группировке может быть 300 боевиков. Оружие у них любое, машины отличные. Собираются по сигналу очень быстро. Но эти люди — не разбойники, просто так, в темной подворотне никого не грабят. И сами заинтересованы в порядке. И в сущности наводят этот порядок вместо милиции. Но за плату.

Рэкет через два-три года перестанет существовать вообще, а люди, которые возглавляют эти группировки, будут возглавлять мощные финансовые компании, и деньги, нажитые на сомнительном виде бизнеса, устремятся прежде всего в производство как самое стабильное дело для вложения капиталов. И боевиков не будет, тайных складов оружия — появятся легальные профессиональные охранники.

Итак, когда я немного освоился с законами этого мира и четко усвоил, что быстрые деньги может принести только торговля, мы с компаньоном стали думать — чем бы нам торговать? Почитали импортные умные книжки — как на Западе делают деньги, ознакомились с основами маркетинга и поняли, что

пользуется самым большим спросом у средних и малообеспеченных слоев населения. Это — недорогие продукты. Человек может ходить в старой одежде, носить немодную обувь, отказывать себе в покупке дивана, но без еды никак не проживет. Вот поэтому решили торговать сосисками и конкурировать таким образом с государственными магазинами. Устное добро было получено (надеюсь, ясно от кого). Нам разрешили устанавливать любые цены. Но мы, наоборот, стремились продавать дешевле государственных магазинов, чтобы побольше сбыть товара.

Сосиски мы стали приобретать на одном из мясокombинатов. Помню, как взяли с компаньоном телефонный справочник и обзвонили все отделы сбыта мясокombинатов. Спрашивали — почему сосиски. Наконец, нашли самые дешевые. Нам их согласились продавать без взятки и протекции. Бери сколько хочешь. Только поинтересовались: как будем расплачиваться — наличными деньгами или безналичными? Мы сами выбрали наличность — с ней все оформление бумаг идет быстрее. Потом поняли — платежи можно задерживать примерно на месяц. Получается беспроцентный кредит, который позволяет еще раз пустить деньги в оборот. Но потом комбинат за эти финансовые хитрости нас оштрафовал, и мы прекратили жить в долг.

Прибыль пошла сразу. Развозили сосиски по частным торговым точкам. Брала охотно. Например, место для продажи сосисок на толкучке в Лужниках до Нового года стоило 300 тысяч рублей в месяц, теперь около полумиллиона. Платят той рэкетной группировке, которая контролирует Лужники. Деньги, честно говоря, небольшие. Судите сами — прибыль торговца сосисками равна примерно семидесяти—ста тысячам в день. (Мои знакомые, продающие в Лужниках парфюмерию, имеют от пятисот до восьмисот тысяч рублей в день на четверых!) Но сосисками торговать проще всего. В теплом вагончике есть электрическая плита, на ней варят сосиски. Подают их с соусом — томатную пасту разводят водой. Одна сосиска стоит сто двадцать пять рублей. С килограмма продавец имеет две тысячи чистой прибыли.

Через три месяца мы вместо лотков поставили палатки, крепко встали на ноги. И вот тогда только позвонили хозяевам — сообщили, что в состоянии платить «страховку». Но платежи практически не сказывались на моем бюджете. Я уже купил машину, ну и все остальное в дом для нормальной жизни.

Прибыль продолжала увеличиваться и вскоре вышла на стабильный уровень — около пяти миллионов рублей в месяц. Это не очень много, но я и сам понимаю — пока являюсь рядовым предпри-

нимателем. Сосиски меня кормят, на хлеб и повседневные траты хватает.

О качестве сосисок я забочусь больше, чем санэпидстанция (Туда тоже, кстати, приходится платить дань, но в своеобразной форме. Скажем, можно устраивать для работников какие-нибудь дешевые распродажи. Разницу в ценах я, разумеется, компенсирую сам, но работники СЭС такой вид обслуживания не воспринимают как прямую взятку.) Если на комбинате предлагают несвежие сосиски, пусть очень дешевые, никогда их не беру. Иногда по три дня простаиваем, ждем, пока комбинат плохие сосиски в фарш переработает. У них настоящее безотходное производство! А у нас репутация, мы ею дорожим перед покупателями.

Торговля сосисками позволила мне собрать первоначальный капитал, и теперь я хочу иметь большое, серьезное дело. Просто так зарабатывать на жизнь миллионы и тратить их неинтересно. Перейти в другую по уровню доходов финансовую группу сегодня уже трудно. Либо надо «занять» слишком много денег, либо изобрести что-то такое, что никому в голову не приходило. Я не подразумеваю инвестиции в производство — они принесут прибыль очень нескоро. Я говорю о деле, когда можно вложить, скажем, десять тысяч, а через месяц получить прибыль в два-три миллиона. А через год уже располагать капиталом миллионов в сто.

У меня есть такая идея, и я с приятелем занимаюсь ее «внедрением». Дело абсолютно легальное, и, если оно удастся, узнаете из газет — журналисты сами об этом напишут. Повторяю — при воплощении таких идей важно обойтись без услуг спонсоров. Если они дают деньги, то потом влезают в солидную долю прибыли. Знаете, я четко усвоил — достаточно иметь хорошую голову и совсем не иметь денег и все равно можно быстро разбогатеть.

Бизнес заставил меня следить за политическими событиями. Я всегда чувствую, кто из политиков, окажись у власти, позволит мне иметь собственное дело, а кто ненавидит таких, как я. Мои сотрудники на референдуме отдали голоса за Ельцина. И не потому, что так обожают Бориса Николаевича. Просто выбор очень ограничен, и из двух зол, как говорится, надо выбирать меньшее. На самом деле никакой бизнес никакие политики прикрывать уже не в состоянии. Нет такой силы, которая закроет меня на государственное предпринятие. Мне нужна работа творческая. Кто-то всегда будет бутылки на помойке собирать, а кто-то ездить на «Мерседесе».

Я улучшаю систему распределения. Работаю по шестнадцать часов в сутки, часто — без выходных, рискую капиталом, но за это живу нормально. И вам того желаю.

С начала года живем мы при «свободных» пассажирских авиатарифах. Они в одночасье взлетели более чем в 5—6 раз!

Если «старые» авиатарифы были не по карману большинству россиян, то теперь они дороги и для богатого меньшинства... Полет Москва—Владивосток—Москва обходится примерно в пять среднемесячных (!) зарплат. Но и это не рекорд. Перелет из Москвы в Салехард обходится в 212 (двести двенадцать) тысяч.

Понятно, умопомрачительный взлет тарифов произошел из-за либерализации

Можно было бы понять логику авиамонполий. Им тоже приходится платить за все подряд — за горячее, ветхие прожорливые самолеты, убогую ремонтную базу, а чаще — за «отсутствие наличия того-другого-третьего».

Уровни доходов и цен в Якутске и Курске различаются на порядок. Итак, якутская «Эйр-Саха» помчит «толстосумов» в Черноземный Центр. Однако «обратно» кого на борт прихватить? «Бедных» курян за якутскими алмазами? В подобное положение попадает и курский «Эйр-Соловей». Значит, тарифы диф-

местных линиях) за три недели января совершила один (!) рейс из ста плановых. Авиацией блокированы таежные поселения, а авиаторы пребывают в принудительном отпуске.

В стране бесконечных пространств транспортные расходы являются — наряду с ценами на энергоносители и сырье — источником и составной частью инфляционного процесса. Даже стоимость деловых (командировочных) поездок переходит полностью в стоимость продукции. Читай: влияет на потребительские цены. В сущности, авиатопливо подливают в костер инфляции...

Одно утешение — Россия осталась великой железнодорожной державой. Может, этот транспорт спасет путешественников? Дудки! За грязные и разваливающиеся средства передвижения, за далеко не безопасные магистрали, за отсутствующий сервис, за агрессивновраждебный обслуживающий персонал приходится с каждым кварталом все больше и больше раскошелиться.

Рентабельность железнодорожных пассажирских перевозок поддержива-

Борис ЛАГУТЕНКО

ТИШЕ ЕДЕШЬ — БОГАЧЕ БУДЕШЬ

цен: прежде пассажирские перевозки были убыточными для государства. Но и не только освобождение цен виновато. Аэрофлот стал как бы монополизированной структурой. И вот уже Россия впереди планеты всей по числу авиапредприятий и авиакомпаний — их более 200! Из них более ста авиакомпаний приписаны к 20 региональным управлениям гражданской авиации. Сравните — вдвое больше, чем в США. Зато пассажиров перевозят как раз вдвое меньше. Вместо одной супермонополии образовались десятки региональных монополистов.

По темпам падения уровня обслуживания пассажиров наследники-осколки «Аэрофлота» не отдадут пальму первенства. Ибо... некому. По опросу американской фирмы «Загат», «Аэрофлот — Российские международные линии» удостоился 29-го (последнего) места среди крупнейших авиакомпаний мира по всем статьям — уровню обслуживания, комфорту, пунктуальности и качеству питания...

Авиакомпаниями фактически ведает авиадепартамент Минтранса — распределяет среди них машины и оборудование, горючее и ремонтную базу... А результаты? Где пристрастие, а где оплаченное радение чиновников ставит даже государственные (!) предприятия в неравное стартовое положение. Наконец, осталась принудительная централизованная продажа билетов (сами авиакомпании ничего продавать не могут). В итоге — хаос при их реализации. Например, недавно в кассах не было «восточных» билетов, люди переплачивали за них, а самолеты взлетали с 20—30 пассажирами на борту. По оценке экспертов, тарифы на дальние расстояния завышены в полтора раза.

ференцировать на «туда» и «обратно» этак раз в десять? Результат: банкротство той компании, которая изъявит желание летать «туда—обратно». Хотя компании разделяли на «Саха-туда» и «Соловей-обратно!» Выход: либо государственные дотации, либо ежемесячное взвинчивание тарифов. А может, просто не летать? Все дешевле.

При огромном неудовлетворенном спросе поднимаются в воздух полупустые государственные (!) самолеты, сжигая золотое топливо. А налогоплательщики, оплачивая аппетиты (военной и гражданской) авиации, передвигаются другими способами.

Владивостокская эскадрилья «кукурузников» (основной тип самолетов на

ется за счет высокорентабельных грузовых. Чтобы пассажирские перевозки перестали быть убыточными, тарифы на них следовало с нового года повысить не в два раза, а в шесть! Увеличение же пригородных тарифов (в Москве в 3 раза, в Санкт-Петербурге в 4 раза) заведомо недостаточно для покрытия безнадежно убыточных маршрутов. Но пока железная дорога не перестанет быть государственной (как в Америке) или же пока государство будет «отстраняться» от деятельности своей супермонополии, картинка с пустыми вагонами, проносимыми мимо переполненных вокзалов-перронов, будет вечной.

С тарифами на междугородный автобус ситуация зависит не только от цен на

нефтепродукты, но и от «формы собственности». Монопольный госавтотранспорт принудительно отправляет клиентов не со станции метро, ближайшей ко въезду в столицу (соответственно туда же не доставляет), а непременно к автовокзалу (и с автовокзала). Официальный грабёж «в нагрузку», исчисляемый до трети стоимости билета! «Коммерческие» структуры так не грабят! И дешевле, и до метро!

Итак, государство, у которого «финансы поют романсы», стремится внедрить самокупаемость и самофинансирование исключительно за счет налогоплательщиков.

Что это за самобытность российская, всегда сопровождаемая сознательной слепотой чиновников? Если демонополизация, так некое уродство под «рыночным» именем. Если регулирование тарифов, так сговор наподобие пресловутых «договорных» цен. Если налоги, так удушение!

Словно не существует житейской истины, пригодной для любых формаций: в плохой экономике не построить хороших цен. И наоборот. Словно нет «рыночной» истины: цена — прежде всего индикатор состояния хозяйства и лишь потом — регулятор.

В США, где только негосударственные авиакомпании, — так и то они прежде всего пляшут под государственную сурдинку. А государственные компании в Западной Европе испытывают конкуренцию со стороны иностранных компаний.

Если не созданы условия для «свободных» авиатарифов (каковых в мире не существует), так и не надо было их вводить. Пусть останутся разумно регулированные. А свободы передвижения будет больше.

Лишь спустя полтора (!) месяца после либерализации тарифов Комитетом по ценовой политике установлен порядок их регулирования (да и то временный), предусматривающий частоту их изменения (не чаще одного раза в квартал), а также «классность» обслуживания (бизнес-, первый, коммерческий, экономический, туристский, чартерный и т.п.). Регулирование же рентабельности должно осуществляться не путем ее ограничения, а с помощью прогрессивной налоговой шкалы в зависимости от нормы прибыли на вложенный капитал.

Российский транспорт успешно удирает от пассажиров. Вот и пассажирооборот на авиатранспорте начал сокращаться: в 1992 г. — на 20 процентов, в 1993-м — ожидается на 15! Число пассажиров на всех видах транспорта в 1992 г. уменьшилось на 7 процентов. Так что передвижение по родной стране переходит в разряд предметов роскоши.

P.S. Верным и неизблемым осталось пророчество Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина о том, что в мире железные дороги (читай: транспорт) служат для езды, а у нас — для воровства...

ВНИМАНИЮ ВЛАДЕЛЬЦЕВ СОБСТВЕННОСТИ!

— любые виды охранных устройств промышленного производства для офисов, квартир, дач, гаражей, коммерческих палаток индивидуального и коллективного пользования (контактные, пьезоэлектрические, ультразвуковые, микроволновые, емкостные, радиолокационные, телевизионные)

— системы «автосторож» различной степени сложности. Возможно обеспечение радиоканалом.

Телефон: 361-34-22
(с 11 до 15).

ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ФИРМА «КРОН»

- ремонт копировальных аппаратов «CANON», «MITA», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

ФИРМА «АЕС ТРИПЛЕКС»

официальный дилер «LAND ROVER»
предлагает автомобили повышенной проходимости
следующих моделей:

DEFENDER, DISCOVERY, RANGE ROVER

Обеспечиваем фирменную гарантию, сервисное
обслуживание

Вы можете сделать предварительный заказ с
комплектацией по Вашему выбору

AES TRIPLEX Ltd.
Rushen Motors Limited

RUSSIA, 115533, Moscow, 4 Sadovniki st.

Tel: +7 (095) 118-8765

Fax: +7 (095) 118-8901

Юрий УСТИМЕНКО

АМЕРИКА И РОССИЯ: НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

При всей несхожести Америки и России их объединяет сегодня одна насущная потребность — не застрять на полпути и завершить начатое. России предстоит довести до конца процесс реформ, а Клинтон принял обязательство скорректировать национальную экономику, сократить громадный дефицит федерального бюджета, ослабить бремя безработицы, решить ряд других острых социальных проблем.

Россия для Билла Клинтона сегодня — не только внешняя, но и внутренняя проблема. Молодой и начинающий президент, конечно, рассчитывает, что к 1996 году, когда грянут новые выборы, он не только сможет выдвинуть свою кандидатуру, но и быть переизбранным. А это возможно лишь в том случае, если не обманет ожидания американцев, голодовавших за него в прошлом году в надежде, что вернет Америку на путь процветания.

Российско-американские отношения к настоящему моменту претерпели серьезные изменения. Если раньше в основе лежало стремление договориться о возможности уменьшить военное противостояние и осла-

бить либо свести на нет угрозу ядерной войны, теперь на первый план вышли вопросы экономики и финансов. Раньше торговались вокруг баланса сил, а теперь обсуждают торговый баланс, стараются свести дебит с кредитом. Кстати, впервые в истории саммитов глава Белого дома включил в состав американской делегации на встрече в Ванкувере министра финансов Ллойда Бентсена.

На Западе давно поняли, что никто России не поможет, если она не поможет сама себе. «Решение нынешнего кризиса в России должно быть найдено в самой России», — разъяснил американскую позицию вице-президент США Альберт Гор. Не накормить россиян за американский счет, а содействовать упрочению позиций сторонников радикальных преобразований и прогрессу реформ — такую задачу ставит Америка.

Пакет, вскрытый Клинтонем в Ванкувере, содержал 1,6 млрд. долларов, включая 690 млн. безвозмездных кредитов, в том числе на продовольственную и медицинскую помощь, 700 млн. — льготных кредитов на закупку продовольствия и 230 млн. долларов — других кредитов. Принципиальное

отличие от прошлого состоит в том, что три четверти средств минуют центральный аппарат в Москве и поступят нуждающимся на местах для поощрения частного сектора, приватизации, создания новых предприятий.

По словам представителя администрации США, «президент Клинтон полон решимости выполнить свои обязательства в нынешнем году и на деле все проекты можно осуществлять уже завтра». «Все программы, — указал Клинтон, — очень конкретны и осязаемы, нацелены на предоставление людям реальных благ». «Мы знаем, как доставить деньги до нужного адресата», — заверил американский президент, и ему хочется верить.

Специальный советник госсекретаря США по новым независимым государствам и посол по особым поручениям Струоб Тэлботт заявил, что помощь России рассчитана не «на год, два или три». «Речь идет о десятилетиях, — отметил он. — Мы сейчас делаем капиталовложения не в одного человека, а в процесс, который называется реформа». Как подчеркивает американское информационное агентство Ассошиэйтед Пресс, США

стремятся «обеспечить политические и экономические реформы в России и планируют, в частности, создание «Корпуса демократии», состоящего из американцев, которые будут участвовать в развитии контактов с русскими». В рамках этой программы предполагается расширение обменов между фермерами, бизнесменами, учащимися, и нынешним летом около трех тысяч россиян посетят Америку.

Как признают американцы, помощь России — проблема сложная и деликатная. Само слово «помощь» вызывает у многих россиян отрицательную реакцию. Столько десятилетий называли себя великой державой, а сейчас, получается, оказались в положении слаборазвитой страны? Да и кто помогает? Не привычно «братское» государство, а недавний «оплот мирового империализма» и «главный потенциальный противник». Это надо же: помощь из Америки, и не в годы войны, о чем одно время старались забыть.

Если быть предельно честным, мы все грешим легким кокетством, когда речь заходит об иностранной помощи. Принимаем охотно, но при этом делаем вид, будто нас это не касается, и стоим мы с протянутой рукой исключительно для рукопожатия. Хотя пора бы согласиться, что нет для нас «уникального» пути, о котором так долго твердили большевики. Но и сегодня их содельники болтают о том же.

С учетом этой категории россиян Ассошиэйтед Пресс пишет: итоги последней Российско-Американской встречи в верхах «могут дать аргументы для противников Ельцина среди законодателей, многие из которых считают, что президент слишком полагается на Запад и ослабил страну, улучшив отношения России с ее бывшими противниками из НАТО. В то же время предложение Клинтона о предоставлении помощи в строительстве жилья для российских военнослужащих, вероятно, будет принято доброжелательно в армии, но может привести к отсрочке давно уже откладывавшейся перестройки российских вооруженных сил и подтолкнет к тому, чтобы полагаться на Запад в решении военных проблем страны».

Нельзя сказать, что помощь иностранным государствам пользуется большой популярностью у американцев. У них есть свои заботы и трудности. При всем желании США не могут ассигновать на эти цели многомиллиардные суммы. Да и никто этого Клинтону не позволит: ни конгресс, ни избиратели. Как показывают опросы общественного мнения в США, около

80 процентов их участников выступают против оказания России дополнительной помощи, хотя не возражают против выделения средств на гуманитарную помощь и на содействие в демонтаже ядерных вооружений.

Поэтому Клинтон и представители администрации не устают подчеркивать, что «пакет из Ванкувера» включает средства, которые уже были выделены конгрессом, но их распределение по разным причинам было замедлено либо отложено. Многие из объявленных на последней встрече в верхах программ фактически были начаты администрацией Буша, но не завершены, что дает основания американской печати говорить об итогах Ванкувера как о «старом пакете в новой упаковке».

По оценкам журнала «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт», из 652 млн. долларов, предоставленных США в виде помощи бывшему СССР в текущем году, лишь 238 млн. были распределены по конкретным проектам, и из 800 млн. долларов, ассигнованных конгрессом США для содействия конверсии военных предприятий и ликвидации ядерных вооружений, к концу января этого года было истрачено только 20 миллионов. Журнал также указывает, что часть американских денег уходит отнюдь не по назначению. К примеру, «возле здания министерства сельского хозяйства появились 16 новых «Вольво», как только из Вашингтона был получен кредит в один миллион долларов на закупку продукции сельского хозяйства.

Представители Белого дома усиленно пропагандируют тезис о том, что оказание помощи России во всех отношениях выгодно Америке сегодня и в перспективе. Недавно в интервью телекомпании Си-би-эс Клинтон заявил: «Америка нуждается в надежных покупателях своей продукции, а Россия, свободная Россия со свободной экономикой, предпочтет иметь дело с Америкой, а не другой страной. Ежегодно нам предстоит заниматься поисками все новых рынков для нашей продукции, поскольку по мере все большего вовлечения в глобальную экономику нам нужно продавать больше другим странам, чтобы сохранить наши доходы на высоком уровне».

«Президент считает, что наши инвестиции в российскую экономическую и политическую реформу помогут создать дополнительные торговые и инвестиционные возможности для американского народа, создать больше рабочих мест в Америке, и, как это совершенно ясно, наш народ будет чувствовать себя в большей безопасности по мере уменьшения военной угрозы со стороны России»,

— подчеркнул по завершении встречи в верхах представитель администрации США.

Сам президент добавил: вклад в российские реформы «означает расширение занятости и новые инвестиции для американцев и наших союзников во всем мире. Мы сегодня инвестируем не только в будущее России, но и в будущее Америки». Это — в будущем, но уже сейчас, к примеру, обусловлено, что три четверти перевозок зерна в Россию в рамках 700-миллионной помощи, объявленной в Ванкувере, будут осуществляться на судах под американским флагом, а это может принести судовладельцам порядка одной трети и выше от общей суммы.

Однако сегодня Америка и Россия не ограничиваются обсуждением американской помощи, обговаривая также перспективы взаимодействия в энергетике, космосе, вопросах ядерной безопасности и охраны окружающей среды. Президент США, кроме того, обещал разобрать последние завалы «холодной войны» и добиться отмены американским конгрессом дискриминационных ограничений на торговлю с Россией. Все это дало основания Клинтону заявить: «Я считаю, что мы заложили основу нового демократического партнерства между Соединенными Штатами и Россией».

Пакет из Ванкувера мыслился как первый шаг, и Соединенные Штаты ожидали, что такому примеру последуют их союзники и что «группа семи» пересмотрит выплаты по задолженности России в сумме 80 млрд. долларов, а также выдвинет программу стабилизации российской валюты при поддержке Международного валютного фонда. Эти ожидания уже начали оправдываться. В Париже кредиторы России объявили об отсрочке платежей по внешним долгам, что сэкономит России в этом году 15 млрд. долларов. Премьер-министр Канады Брайан Малруни предложил России 160 млн. долларов, которые будут использованы в виде кредитов на закупку зерна, хотя Россия серьезно задолжала по прежним поставкам. Да и «семерка», как мы смогли убедиться, «не подкачала».

В общем, создается впечатление, будто весь мир озабочен ситуацией, сложившейся в нашей стране, и стремится нам помочь. Однако, как признает «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт», «даже если программа помощи будет разработана очень тщательно и на нее будут ассигнованы крупные суммы, сама по себе иностранная помощь не превратит Россию в процветающую демократию».

МЕДИЦИНА ОПУСТИЛАСЬ НА НОВУЮ ВЫСОТУ

Московский орден Ленина метрополитен в последние месяцы становится все менее удобным для езды. Зато все более приспособленным для гуляний, развлечений, покупок и вообще для «полноценного» житья. Чем больше становятся интервалы в движении поездов, чем чаще обнаруживают под сиденьями вагонов забытые кем-то взрывные устройства, чем хуже вентиляция и чем дороже собственно проезд, тем больше услуг «иного рода» предоставляет нам подземка. О музыкантах и нищих, о книжных и цветочных лотках — писали, о рекламе, расклеенной и развешенной повсюду, — писали, о пунктах обмена валюты — сочиняли

трактаты. А о «подземной» медицине пока, кажется, нет. Забота о состоянии здоровья пассажиров — дело, безусловно, похвальное и, я бы сказал, героическое. Непонятно только, почему для размещения пунктов УЗИ (ультразвуковых исследований) была выбрана именно Сокольническая (красенькая) линия. Зазывные таблички с надписями: «Здесь, сейчас! Обследование в момент обращения!» — можно встретить и на «Спортивной», и на «Библиотеке имени Ленина», и на «Охотном ряду», и на «Чистых прудах». Прямотаки клиника им. Ганнушкина...

Все эти заведения принадлежат одному кооперативу со звучным импортным названием «Ульсоник». (О степени участия в этом кооперативе дирекции орденосного метрополитена служители «новейших до-

стижений электронной техники» предпочитают умалчивать.) Цены в различных УЗИ-пунктах, что интересно, разные. К примеру, одно и то же исследование разнесчастного мочевого пузыря стоит в одном месте восемьсот, в другом — тысячу, а в третьем — тысячу сто рублей.

Как мне удалось выяснить у милых барышень, обслуживающих «новейшую технику», обычно за день обследуются десять—пятнадцать человек в каждом пункте. То есть больше пятнадцати тысяч дохода с «места» «Ульсоник» не получает. Но непонятным образом держится на плаву... Быть может, подземная площадь нынче дешевая. Надо бы, по примеру гоголевской Коробочки, разузнать.

Основной контингент посетителей — приезжие. Их привлекает «моменталь-

ность» исследования и удобно расположения пунктов УЗИ. Частенько такое вот «заведение» — единственная возможность исследоваться на более-менее приличной аппаратуре. К тому же клиенту выдается медицинское заключение, написанное с соблюдением всех должных формальностей и имеющее силу официальной «бумаги».

Обидно только, что где-то «новейшая техника» потеснила, а откуда-то и вовсе выпроводила старинные «медпункты», в которых с грехом пополам оказывалась «первая медпомощь». Да и, если вдуматься, почему выбор пал именно на УЗИ? Ведь в метро гораздо чаще ноют зубы, подскакивает давление и болит голова. Инфаркты опять же...

Э. Д.

СЛЕДЫ СТАЛИНА ОБНАРУЖЕНЫ В ПРОВИНЦИИ

Своеобразно отметила восьмидесятилетие поэта С. Михалкова районная газета города Острогжска. Краеведы осуществили маленькое открытие. Оказывается, знаменитое стихотворение «Сталин» впервые было опубликовано в безвестной районке 21 декабря 1939 года. Лишь через семь

лет оно увидело свет в «Пионерской правде», а затем вошло в буквари: «Над мирным краем бьют часы двенадцать раз. Новый год в Кремле встречая, Сталин думает о нас».

Следопыты, внуки тех, кто обязан был знать это стихотворение наизусть, отправили автору «Дяди Степы» и Гимна Советского Союза письмо с вопросом: «Чем заслужил Острогжск такую честь?». Ждут ответа.

Михаил ЛИВЕНЦЕВ

ПРОЯВИЛ ХАЛАТНОСТЬ

...в буквальном смысле слова работник одного из альметьевских предприятий, рубивший мясо для заводского киоска. Продавщица, закончив торговать, не стала относить выручку по назначению, а сунула пятьсот тысяч рублей в корзину с оберточной бумагой. Там их обнаружил рубщик и, в целях сохранения, переложил в карман своего халата, который по-

весил на гвоздик там же, в киоске. Наутро продавщица, хватившись пропажи, вызвала милицию. Оперативная группа прочесывала завод, когда явился владелец халата и извлек на свет злополучные полмиллиона.

Георгий КУЗНЕЦОВ

НА ЗАВИСТЬ КУВЕЙТУ

Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий завод Самарской области, видимо, скоро переименуют в бензинодобывающий. С недавнего времени через скважины, пробуренные на территории предприятия, из-под земли выкачивают до 150—200 тонн чистого бензина в сутки. За сорок лет существования завода через трещины и повреждения подземных коммуникаций в грунт ушло огромное количество нефтепродуктов. Именно они вызвали четыре случая смертей жителей частных домов, расположенных около завода. Теперь этому безобразию решено положить конец. И заодно вернуть в хозяйственный оборот «потерянное» добро.

Валерий ЕРОФЕЕВ

КАК ВЕРЕВОЧКА НИ ВЕЙСЯ...

Не слишком честные граждане порой показывают чудеса выдержки и находчивости в борьбе за свою личную свободу...

Двое жителей Новосибирска боролись за нее в погребе, куда забрались, поскольку он был открыт. Надеялись выйти быстро и с «уловом», но внезапно явился хозяин и, ничего не подозревая, запер хранилище.

Злоумышленники выкапывались всю ночь. Правда, они ошиблись и, как Александр Ульянов, «пошли не тем путем». Вырыв три метра лаза, наткнулись на... другой погреб. Начали копать и оттуда, но тут пришел хозяин. «Землепроходцев» он встретил палкой. Те, впрочем, считают, что легко отделались.

Менее счастлив был житель Приморья, хоть и приложил он для своего спасения куда больше душевных сил.

Оперативная группа одного из поселков получила сигнал об угоне скота с фермы. Но, не доезжая до места преступления, милиционеры наткнулись на тело мужчины. Надо бы пристроить «жмурика». Послали за прокуро-

ром и медиками, а сами сели греться у костра. Труп же продолжал лежать у дороги. Спустя довольно продолжительное время тело, наконец, отвезли в морг.

Где оно и ожило. Оказалось, что трупом прикинулся один из участников налета на ферму. Сумев изобразить из себя мертвеца на изрядном морозе, злоумышленник не смог быть столь же убедительным при вскрытии. Встал и во всем признался. Интересно, зачтется ли ему это как явка с повинной?

Сергей ТЕПЛЯКОВ

...ВСЕ РАВНО КОНЕЦ ОДИН

Получив сигнал о квартирной краже, оперативная группа Приволжского РУВД города Казани выехала на место происшествия. Каково же было удивление сыщиков, когда они обнаружили над дверью внутри обворованной квартиры мастерски сработанный механизм, предназначенный для сбрасывания на голову незваного гостя пудовой гири! Кроме того, при открывании дверей автоматически включался магнитофон и звучало: «Внимание! В квартире воров!»

Однако преступник оказался хитер: сумел пройти через эти препоны. Но — попался на третьей уловке предусмотрительного хозяина. Перед отъездом в командировку тот смазал пороги квартиры тонким слоем растительного масла. Так что вора удалось быстро обнаружить по оставленному им жирному следу.

Элла РЫЛОВА

В ДАГОМЫСЕ И БОЛЕТЬ ПРИЯТНО

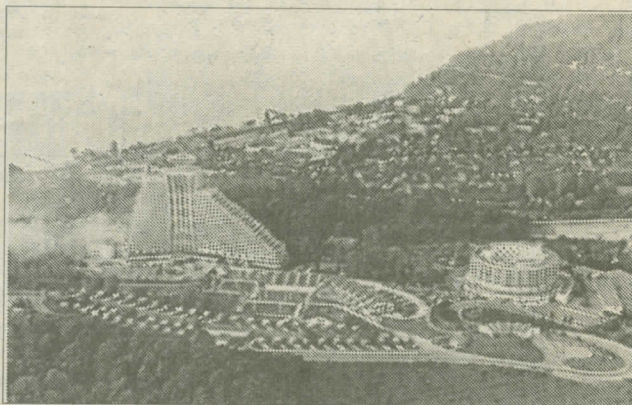
В гостиничном комплексе «Дагомыс» имеется прекрасная поликлиника, оборудованная по последнему слову

медицинской техники. С высококвалифицированным персоналом. Врачи и медсестры вежливы, приветливы, поскольку на протяжении многих лет обслуживают в основном иностранцев. Платят пациенты, естественно, валютой.

Но в последнее время пациентов здесь стало намного меньше. У врачей почти нет работы. Пришлось престижную поликлинику сделать доступной для всех жителей поселка. Сняли валютные преysкурнты.

Теперь дагомысцы болеют как «белые люди».

Дмитрий ЕРМАКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Премьер-министры, председатели верховных советов, народные депутаты, писатели — глашатаи «перестройки» жалуются: народ им нехорош. Один Черномырдин, кажется, доволен. И, знаете, я с премьером согласен. Не народ у нас — чудо. В подтверждение расскажу несколько случаев, участником или случайным свидетелем которых я стал.

Со дня заложения первого камня наш «Крылатский» универмаг был обклеен разного рода малозстетичными объявлениями. Несколько месяцев назад руководство универмага, приватизировавшись, решило дать бой подобному негативному явлению. В результате чего все старательно наклеенные гражданами объявления были столь же старательно сорваны служителями, а на дверях универмага появилась надпись: «Расклейка объявлений запрещена. За

Эдуард ДОРОЖКИН

БЕДНЫЕ ЛЮДИ

нарушение — штраф». Естественно, никакого эффекта эта угроза не возымела — стены и стекла универмага выглядели по-прежнему. Второе грозное объявление выглядело так: «За самовольную расклейку объявлений штраф. Десять рублей». Говорят, троих через милицию оштрафовали, но на том дело и кончилось. Граждане усердно продавали в письменной форме детские коляски, квартиры, носки ношенные («без дырок»), снимали и сдавали внаем квартиры. И тут — новое творение магазинной дирекции. Все то же самое, только

штраф — три минимальные зарплаты. Паршивенькие бумажки-объявления как ветром сдуло. Теперь сквозь немытые стекла витрины можно разглядеть и «дольчики», и телевизор «Панасоник».

Другой пример. Не так давно я тяжело заболел — бывает с людьми такое. Потребовалось делать так называемые «инъекции на дому». Причем — три раза в день. Милая медсестра заявила сразу, что дураков делать это за зарплату я должен искать в другой районной поликлинике.

Выписавшая укольчики врач беспомощно разводила руками. Пришлось

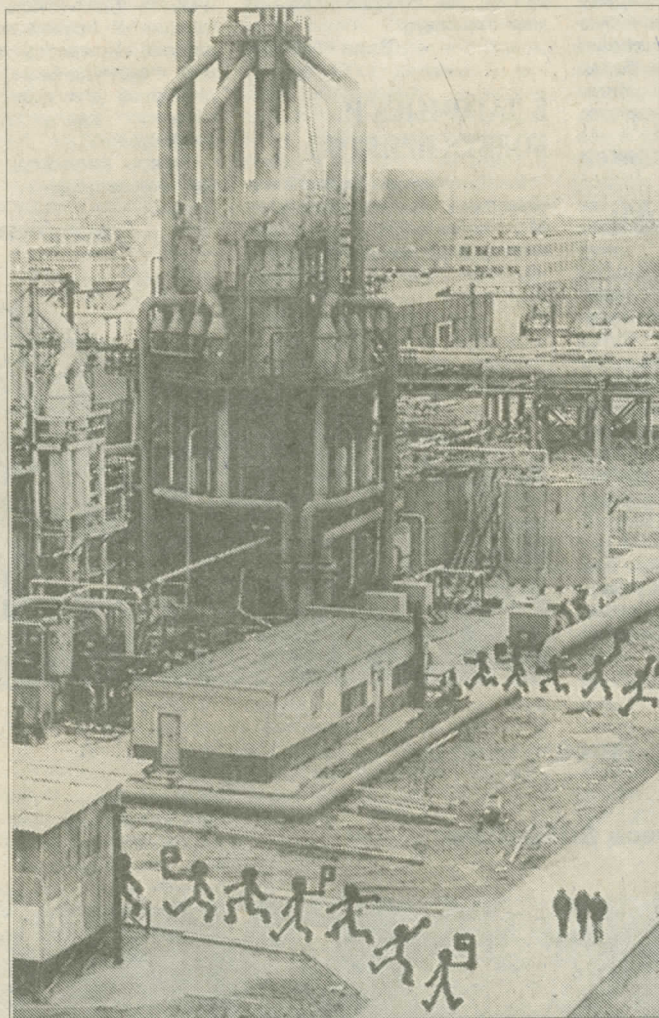
злоупотребить служебным положением, как это ни гадко: жизнь дороже. Увидев мое редакционное удостоверение и прознав про намерение пациента написать «разгромную» статью, главврач поликлиники черкнул что-то на назначении. И как в песне: «я уколос не боюсь, если надо — уколось».

Пример номер три. Центр города. Табачный киоск. Ценник: «Спички. 25 рублей». Народ подходил, брал по коробочку. И каково же было удивление последнего покупателя, когда внезапно, в момент «отслюнивания» четвертной бумажки, предпринимчивую киоскершу «повязал» наряд то ли ОБХСС, то ли Госторгинспекции. Кто-то все-таки решил поинтересоваться реальной стоимостью коробочка. Один человек. Возможно — из тысячи.

«Все те же мы...» Бедные люди!

Ксения КЛИМОВА

НИКЕЛЕВЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Когда в четвертый раз в условленном месте не оказалось ни Димки, ни Игоря, ни обещанного белого металла, Шатурин понял: его решили продинамить окончательно и бесповоротно. Он явился домой в тихом бешенстве, запустил кожанкой в жену и сам схватил трубку едва успевшего заверещать телефона.

— Долго вы мне еще ухо чесать будете?! — заорал он на обозначившийся в трубке ломкий Димкин голос.

— Чего-чего? — от неожиданности пискнул Димка.

— Ничего! Вранье ваше слушать

недоело! — расшифровал Шатурин. — И вообще теперь с вами профессионалы разбираться будут. Трубку он повесил из соображений эффекта. Пусть теперь задумаются, ханурики, о судьбе своей горькой. Может, поразмыслят и отдадут металл — покупатель-то ждет. Однако ханурики задумались о его, Шатурина, судьбе. И ухлопали его, дилетанты — те, кого он и за людей не считал. Все они числились в его записной книжке под общей буквой «Н» — «никель».

Граждане, занимайтесь бизнесом, господами станете. В подтверждение этой нехитрой мысли — фундаментального камня философии наших дней — пишутся статьи, снимаются рекламные ролики, выступают телекомментаторы и изощряются в полемике экономисты. Окружающая действительность предлагает все новые и новые аргументы в пользу того, что господами быть хорошо. Для тех, кто преуспел в бизнесе, — особые бани, банки, рестораны, «найт» и иные клубы. У них свои газеты, программы ТВ, трусы, пиджаки и обувь. Не говоря уже о магазинах, всегда бывших для простых людей мерилom достатка, — магазинах, освещенных особым светом! Скорее все туда, в этот мир, и не надо задаваться вопросом, верной ли дорогой идете в господа, дорогие товарищи.

Три года назад, когда началось это странное и отнюдь не завершенное с приговором суда дело, вопросы о дорогах к счастью еще были достаточно актуальны. А образ отечественного бизнесового мена еще не был так сиятелен. Мужички же всегда занимались мелкой подработкой к зарплате и иностранных слов не употребляли, а все больше наши, простецкие, когда что-нибудь не получалось, или в адрес правительства, у которого не получалось все и всегда. О деле, всерьез приносящем постоянный доход, пришлось задуматься, когда зарплата рабочего вдруг впервые обратилась в жалкий эквивалент двух-трех папок перченого-копченого мяса. В дальнейшем с ней (зарплатой) такие метаморфозы повторялись периодически. Но три года назад призрак этих превращений только маячил.

Три года назад пропал Голубев, рабочий Тушинского машиностроительного завода, тихий и спокойный человек. 15 мая его видели, как всегда, в цехе № 12, где он работал гальванщиком — покрывал блестящим металлом уже готовые детали, и чуть не половина заводских умельцев обращалась к нему поэтому с просьбами. Голубев, сам умелец, редко отказывал.

После работы он пошел домой, и жена нашла на столе купленные им хлеб и огурцы. А сам Голубев исчез, как в воду канул. Поиски по знакомым ничего не дали, милиция уголовного дела не возбуждала, потом возбудила, но сразу было видно — гиблое это дело. Жену разок пригласили на опознание трупа, найденного в канаве, оказавшегося телом чужого мужика. И никто бы никогда не узнал, куда подевался Голубев, если бы два года спустя после его исчезновения, июльской ночью, не пропал бы еще

один человек, более заметный на заводе, — молодой инженер Виталий Шатуриин.

Вечером ему позвонили, и он уехал из дома на «рафике», которым владел на паях с приятелем. Уехал, как сказал, на деловое свидание. И — ни слуху ни духу.

Жена Шатуриина быстро связала в сознании телефонные звонки, внезапные отъезды мужа и его ругательства в адрес каких-то Димки и Игоря. В телефонной книжке единственный Игорь (Стрельцов) вкупе с Димой был маркирован большой буквой «Н». На вопрос о Шатуриине Игорь вяло ответил, что не виделся. Договорились, да не встретились.

Через день совладелец «рафа» нашел машину возле гаражей неподалеку от «Планерной». Дверцы были заперты, документы на месте. Еще одним (кроме милиции, разумеется) участником поисков помимо своей воли стал учащийся ПТУ, имя которого важно лишь следователю для протокола. Сунув нос в бетонное жерло коллекторного колодца, неподалеку от тех же гаражей, парнишка обнаружил на дне нечто настолько интересное, что от усилий рассмотреть предмет у него свалилась в колодец дорожная импортная кепка. Оставлять кепку никак не хотелось, и потому, изорвав из скрученной газеты факел, учащийся отважно полез внутрь. Находка стоила усилий. Помимо кепки в колодце лежал человек. Мертвый, полузасыпанный камнями.

Вызванная милицейская бригада извлекла его из тьмы и дополнила первые впечатления: человек был молод, спортивно одет, а убит был несколько дней назад выстрелами в грудь и голову. Одна из латунных самодельных пуль осталась в одежде... Его убили где-то рядом, а потом уж приволокли сюда и бросили в колодец, соорудив надгробие из обломков бетонного блока. Это и был Виталий Шатуриин, не вернувшийся домой с делового свидания.

Через несколько дней были арестованы Игорь Стрельцов и Димка. У Игоря, работавшего на том же заводе, в цехе № 12, нашли обрез охотничьего ружья, пули и заготовки к ним. Причастность семнадцатилетнего Димки к убийству была установлена на основании его собственных показаний.

Они ничего не отрицали — ни того, что звонили Шатуриину и назначали ему встречи в разных местах, чтобы убить, ни изуверской продуманности преступления, — и колодец присмотрели заранее, и договорились, как сигнализировать друг другу, если Шатуриин приедет не один. Мало того, Игорь, которого никто не спрашивал

о Голубеве, вдруг сел за корявый миллиейский стол и, тщательно припоминая детали, написал то, что называют «явкой с повинной» — признание в убийстве Голубева два года назад. Нелогичном, необъяснимом с точки зрения нормального человека. На сумасшедшего немногословный, с твердым взглядом Стрельцов не походил. На монстра — тоже.

Дело в том, что на Тушинском машиностроительном заводе систематически крали никель. Может быть, у рабочих завода — Травина, Овсяку, Дюбенку, Андрианова, Храпова — и нашлись бы иные возможности проявить себя в бизнесе. Но возможности еще надо было искать. Или побегать за такими, как Шатуриин. Он, кстати, самый небогатый в этой компании, инженер с окладом в 1200, нашел давно свою нишу, держал свою «фирму». А никель не надо было искать — никель везде валялся. Кто-то из свидетелей с завода в суде просто руками развел: ну как не взять то, что никому не нужно, а наверняка представляет немалую ценность?

Вот почему, когда Овсяк сказал Дюбенко: «Есть покупатель», тот нисколько не удивился, а помчался прямо в 12-й цех. Там с Игорем Стрельцовым, гальванщиком, быстро распотрошили никелевое «месторождение», и 20 пластин весом 200 килограммов отвезли на автокаре Андрианова в укромное местечко, к 132-му корпусу. Травин потом еще подтащил 70 кг. «Есть металл», — сообщили Овсяку, и тот договорился о вывозе.

Машину на проходной никто и не разглядывал толком. Реализовал никель вездесущий Овсяк двоим парням с характерным для жителей Прибалтики акцентом. Получил 500 долларов, из коих самый большой заработок выпал на долю Игоря Стрельцова — 5 тысяч рублей, в самый мелкий — 800 рублей и две бутылки водки — на долю Храпова, шофера. Это был крупнейший бизнес Игоря Стрельцова на никеле, и последний — деньги он отдал жене накануне ареста. Но при этом — первый бизнес отдельно от Шатуриина. До сих пор они работали вместе.

«Нет металла, — впервые сказал Игорь Шатуриину. — Мы приготовили, а его кто-то вывез. Да черт его знает кто, мы одни, что ли, такие умные на заводе? Давай я тебе деньгами отдам». «Чтоб был металл, понял? — жестко ответил Шатуриин. — Деньги мне твои, знаешь... Мне дело надо делать, покупатель идет, заказы есть».

Почти год сотрудничества с Шатуриным убедили Стрельцова: с партне-

ром лучше не спорить. В документальном изложении их отношения выглядят как пособие для несунув или народных умельцев. Ну подошел однажды к Игорю высокий красивый Шатуриин, попросил детали отникелировать. Расплачивался всегда аккуратной пачечкой денег с припиленной запиской — кому. Таких записок у него в бумажнике хранилось штук 20 — дело было поставлено на поток. Потом понадобился и сам металл в чистом виде. Увели из цеха, спрятали, вывезли. 10 пластин — вес, цена. 50 пластин по той же схеме — вес, цена. За последнюю партию Шатуриин даже не заплатил. А в требованиях был неумолим.

Кроме того, в их отношениях фигурировало оружие. Стрельцов, который вообще ничего не читал, кроме технических журналов, где-то выискал технологию изготовления дубинки со смещенным центром тяжести — такая бьет сильнее. Заказ на дубинку поступил от Шатуриина. Оплата от него же, немедленно. В гараже-мастерской у Игоря хранились бронежилеты, «звездочка» — метательный снаряд, газовый пистолет, полученный в оплату за работу от Шатуриина, и еще много интересных вещей, от вида которых просто глаза на лоб полезли у Димки Жукова.

Димка — самая загадочная личность в этой истории. Что его свело с тридцатилетним Игорем? Димка тоже увлекался техникой, мог из ничего сделать какую-нибудь забавную штучку. Весной он стал хуже учиться, и родители беспокоились; последний класс, если провалится в институт, загремит в армию. На это Димка беспечно ответил: не загремит, у него справка есть, которую ему сделал старший друг Игорь. Они вместе трудятся в автосервисе. Теперь главное — не институт, теперь главное — уметь зарабатывать, что тоже ему обеспечит старший друг.

Весной же Димке стали звонить по телефону хамскими голосами, и сам он научился грубить и дерзить родителям. Пару раз пропадал до ночи. Брату сказал, что собирается торговать с Игорем пуховиками. У Димки завелись деньги — он хвастал в классе редкой тогда еще тысячной купюрой.

Однажды он помогал грузить никель. Но больше жил надеждой на заработки, на то, что взрослые пристроят его к настоящему делу. В институт Димка действительно провалился, а после первого экзамена в техникум его арестовали.

Когда Игорь сказал: «Нам угрожают», Димка воспринял угрозы и в свой адрес. И несколько растерялся: неужели из-за никеля их с Игорем да-

же могут убить? Могут, подтвердил Игорь, к нему уже являлись два амбала, совали конфетку ребенку, а само — кулак под нос с соответствующими комментариями на соответствующем языке. «От Шатурина надо избавиться», — сказал Игорь. Рабы решили вырваться на свободу.

У Димки дрожали руки, когда в них оказался обрез, хотя Игорь не раз показывал, как стрелять и как заряжать. Когда Шатурин вышел из машины, Игорь, как было условлено, закурил — значит, «клиент» приехал один. Димка ждал в кустах с обрезом. «Ну, где металл-то?» — сухо спросил Шатурин. И Игорь повел его в кусты.

Первый выстрел Шатурин получил в грудь. Упав на колени, он выругался и заработал еще пулю. Потом наступила тишина, когда они слышали только собственное дыхание. Потом рядом, горлая песня, прошла пьяная компания — ночь была теплой, тянуло на волю. Они одели перчатки и отволокли тело Шатурина к колодцу. Труп рухнул вниз, пакчак стены кровью. Следы затерли.

«**В**стать, суд идет!» Разместившись в кресле, на возвышении, судья Говоров минут двадцать походил на посла: адвокаты, числом семь штук (по количеству подсудимых), вручали ему «верительные» грамоты. К делу приобщались грамоты, полученные Дюбенко в школе, и фотографии Храпова на фоне знамени военной части, где он служил, а также грамоты за ударный труд всех шестерых на заводе и свидетельства о рацпредложениях. Выходило, неглупые попались люди и работники хорошие.

В следующие полчаса судья напоминал кладовщика или диспетчера: адвокаты отчитывались, кто в компании с кем и сколько утащил. Кроме никеля поминались абразивные круги, электроды, серебросодержащие контакты. Точное количество, вес, цена. Пятеро на скамейке слушали, замирая, — от количества краденых металлов и всяких обстоятельств зависела их судьба на ближайшие год-два. Двое за решеткой внимали скептически — наказание за убийство, замешанное на никеле, целиком поглотит у них кару за кражи. От несунув Стрельцов и Жуков отличались качественно.

Общественный защитник, выделенный предприятием одному из подсудимых, доложил, что в их экспериментальном цехе из 600 человек осталось 60 и вовсе не осталось охраны у ворот. И очень мало складских помещений. Кроме того, технологии меняются, и металл привозят разный — то листы, то совсем отходы. Отхо-

ды и лежат, черные такие, невзрачные. Зал внимал с сочувствием. И правда, разве это — преступники? Так, несунуны, мелочь.

Для полноты картины не хватало только биржевого специалиста, который доложил бы, сколь ценен 28-й элемент периодической системы Менделеева. Как нужен позарез многим и многим производствам серебристо-белый с желтоватым отливом, стойкий к воздействию воздуха и воды металл. О том, что никель продают за границу, Стрельцов узнал из газет. И понял, как он дешевил в сделках с Шатуриным. Никель уходил за рубеж тайно, малыми толиками — лицензию на официальную продажу имеют лишь несколько предприятий. По данным биржи, за год никель подорожал в 10 раз, тонна чистого металла стоит теперь более двух миллионов рублей. По каким расценкам отчитывался перед судом завод — бог весть. И еще. Латвия стоит на первом месте среди европейских стран по экспорту цветных металлов, как это ни странно. Наверное, те двое парней с певучим акцентом внесли свою лепту в экспорт. Они хорошо постарались. Похоже, что их было не двое, а гораздо больше.

У суда не осталось времени в подробностях выяснять, как каждый из семерых стал «никелевым человечком», чьи поступки определял металл. Поди измерь, у кого в голове сплошь мысли о металле — презренный он или нет, а у кого — обычные человеческие мысли, как кормить семью. С убийствами бы разобратся. Например, так и неясно, за что же почти три года назад Стрельцов убил Голубева. Вроде приятельствовали и ссор никаких не было. Или были ссоры?

Голубев подарил сынишке Игоря шубку и сказал, что таких шубок можно понаделать видимо-невидимо, нужен лишь состав для дубления кожи. Технически образованный Стрельцов обнаружил состав там же, на заводе, в гальванической ванне — что-то очень близкое по свойствам. Решили бизнесом заняться, вместе поехали к владельцам кожи и меха для будущих шуб. Сели выпить на пригорке... Бизнес по-советски почему-то всегда начинается с выпивки, что отметили наблюдательные иностранцы. Где бы дела ни начинались: в офисе или под забором, главное — быстро всем выпить.

Что не поделили начинающие партнеры — неизвестно. Но Стрельцов больше из любопытства, чем со злости, плеснул в стакан Голубева этот самый дубильный состав. Так, свойства проверить, — может, жид-

кость еще для чего сгодится?

Сгодилась. Голубев захрипел и умер в течение минуты. Можно называть его первой жертвой нарождающейся деловой активности масс — жертвой дикого нашего, необузданного бизнеса. Можно собраться всем, кто бизнесом занимается, кинуть в меня по камню и хором доказать, что настоящие деловые люди — чисты и не имеют никакого отношения к преступлениям. Но тогда объясните уж мне заодно, что такое «разборка»? Не то же самое, что «выяснение отношений между деловыми партнерами»? Вопрос лишь (как в революции) в отношении к собственности участников разборки — то есть наемник ты или хозяин. А также в масштабах операции — совсем недавно на проспекте Мира были расстреляны из нескольких автоматов работники фирмы «Фрам», как нарочно занятой продажей цветных металлов.

Пусть еще соберется парочка съездов и поспорит, что с ней делать, с собственностью. А кормят семью мужики по-прежнему не ваучерами, а тем, что удалось выручить от продажи того, что удалось унести. И пока идет спор, движение собственности с предприятий наружу ширится и множится. Никель — лишь часть потока, маленький блестящий ручеек. У истоков его — люди под буквой «Н», у устья — доллары.

P.S. Фамилии подсудимых изменены. У всех растут дети.

Не успел суд раздать всем сестрам по серьгам: убийцам — семь лет и тринадцать; несунам — по году исправработ с удержанием части заработка в пользу родного завода, — как двое молодых людей в штатском тихо поинтересовались у судьи Говорова, не нужен ли больше суду только что осужденный Овсюк. Что, не нужен? Тогда им, оперативникам, он очень даже нужен для приватной беседы. Похоже, пока суд да дело, этот Овсюк опять помог «утечь» с завода партии никеля.

За несколько месяцев до суда сын Овсюка попал в автокатастрофу, получил травмы. Жена, соответственно, ушла с работы, чтобы поставить на ноги ребенка. А что Овсюк? Ему надо кормить семью...

**В трастовой
компании**

GMM

**деньги
работают
24 часа
в сутки**

**ВСЕМИРНАЯ
КОМПАНИЯ
УПРАВЛЕНИЯ КАПИТАЛОМ**

**TRUST
означает доверие**

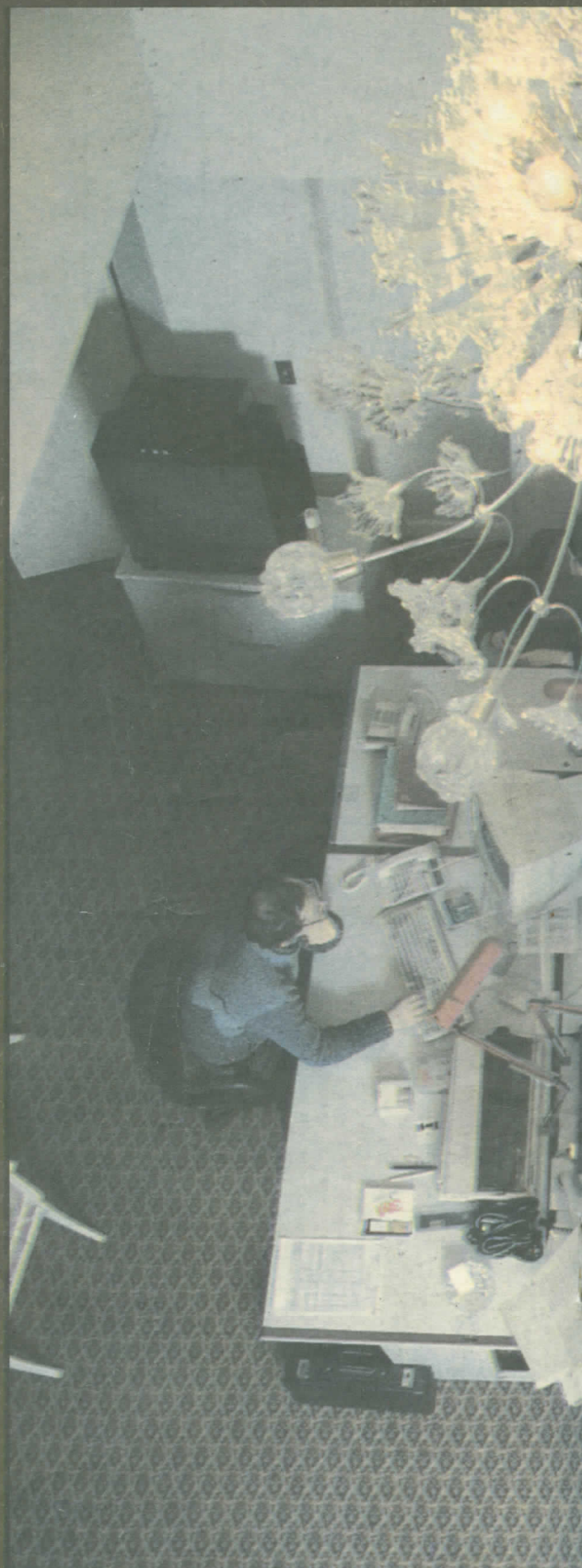

**Антон НЕНАХОВ,
член совета
директоров,
один из президентов
фирмы GMM:**

«Мы не столько консультируем, сколько берем клиента за руку и помогаем работать с зарубежными банками в условиях западных законов. Ведь задача трастовой компании GMM – свести воедино все формы финансового сервиса, начиная от элементарного перевода денег со счета на счет и заканчивая сложнейшими инвестиционными операциями на крупнейших финансовых рынках мира».

GMM

На Западе трастовые компании появились более 100 лет назад. Им частные лица и фирмы доверяют управление своими свободными капиталами.

Год назад в Москве открылось представительство голландской трастовой компании GMM, которая за 30 лет работы завоевала истинное доверие и расположение своих клиентов. Этому способствует стабильное экономическое и политическое положение Нидерландов, которое отражается на состоянии голландского гульдена – самой устойчивой и стабильной валюты. В Нидерландах существует ряд преимуществ для граждан других стран, такие как отсутствие налога на капитал, свободный перевод валюты из страны в страну и другие. Фирма работает с надежными западными фирмами и компаниями. И гарантией для клиентов может служить то обстоятельство, что трастовые компании в Нидерландах подвергаются очень серьезным проверкам и постоянному контролю. Трастовая компания не имеет права израсходовать на себя ни единого гульдена до тех пор, пока не будет предоставлено аудиторское заключение о том, что эти гульденны являются собственностью компании, а не ее клиентов. Клиенты же получают ежегодные отчеты о состоянии дел компании и постоянные отчеты по своим средствам.

Представительство компании GMM в Москве ориентируется прежде всего на российских клиентов, и поэтому комплекс услуг рассчитан на потребности российского бизнесмена, который заинтересован в валютной прибыли, так как не хочет, чтобы деньги лежали мертвым грузом. Для этого у компании есть все возможности. На GMM работают брокеры ведущих бирж мира, у нее есть корреспондентские счета в банках 22 стран. Компания располагает оперативной информацией благодаря подключению к базовой компьютерной сети через Амстердам.

*Самое плохое,
когда деньги лежат в ожидании
своей участи*

Мы предлагаем:

- ◆ открыть расчетный счет и хранить деньги в любой валюте в банках 22 стран;
- ◆ разместить деньги на депозитах в разных странах в разных валютах под разные процентные ставки;
- ◆ консалтинговые услуги ведущих отечественных и зарубежных специалистов по всем вопросам, касающимся капиталоборота, и многим другим;
- ◆ финансовым компаниям и банкам открыть у нас трастовые счета;
- ◆ корпоративные и частные кредитные карты "American Express", "Visa", "Master Card" и другие;
- ◆ управление капиталом, гарантируя не менее 10 % годовых.

**И тогда валюта
работает на вас
24 часа в сутки**

Представительство GMM в Москве
123610, Россия, Москва,
Краснопресненская набережная, 12,
Совинцентр, офисы NN 1201, 1202.
Тел.: 253-92-02, 253-92-04,
253-92-38, 253-92-40
FAX: 253-92-01, 253-22-04

«ХОЧУ БЫТЬ ВЛАДЫЧИЦЕЙ МОРСКОЙ»

Ужасно обидно, что в основном учебном заведении наших депутатов — ВПШ — не вдолбили им в головы убедительный урок, который преподала грядущим поколениям Великая Французская революция: на смену лихому Конвенту пришла Директория, ничуть не менее, если не более, жестокая. А потом и император подоспел. Ну этого-то наши депутаты, конечно, не допустят — они сами императоры. Достаточно посмотреть, с какой легкостью великие умы отменяют и изменяют законы, ими же принятые, например, Закон о печати. Вообще, весь наш парламент напоминает пушкинскую старуху, которая захотела стать владычицей морскою. Не худо бы нашим избранникам перечитать эту назидательную историю. Хотя, говорят, в наше время Пушкина перечитывают только интеллигенты. В таком случае мое пожелание не по адресу.

Горько сознавать, что парламент возглавляет человек, которого в детстве не научили уважать людей и хотя бы изредка глядеть на себя со стороны. Вице-президент же с поистине комсомольским задором и такой же принципиальностью расходится во взглядах с президентом. И не оставляет неприятная мысль: потому не уходит он в отставку, как полагалось бы порядочному человеку, что надеется сам сделаться президентом. Но для этой должности кроме комсомольского задора требуются еще кое-какие качества. Ну просто не идут из ума слова, которые сказал шварцевский Бургомистр своему ушлому сыночку: «Ах ты мой славенький! На папину место ему захотелось».

Второй, по-моему, год разные наивные люди со страниц и экранов зывают: «где же ваша офицерская честь, Александр Владимирович, почему не уходите в отставку?» А Александр Владимирович не устаивает ответом. Поскольку понятие это — честь — чистой воды анахронизм. Или вот господин Астафьев на VIII съезде заявляет принародно о грузовиках с войсками в Кремле. Другой от стыда просто помер бы, когда уличили его во лжи. А он — ничего, слово по-прежнему берет и получает его. Ну кому слово дают на высоких форумах, а кому не дают, — тоже слишком хорошо известно.

Вчуже стыдно становится за радетелей о народном благе, когда они, упиваясь собственной безнаказанностью, ставят палки в колеса президенту и его команде. Людям, которые пытаются остановить инфляцию, поднять производство, помочь крестьянину, облегчить нашу жизнь. А сами-то депутаты что? Да ничего. Ей-богу, навывирали мы на свою голову второй ЦК КПСС,

главной задачей которого становится царствовать, но не отвечать. А за все беды пусть правительство отдувается. Очень удобная позиция. Кто же ее добровольно отдаст. Ну а что стыдно — так это нам, но не нашим избранникам. Они изо всех сил продолжают радеть о нашем благе.

И.АНДРИАНТОВА

Чебоксары

КАЖДЫЙ АГИТИРУЕТ КАК МОЖЕТ...

Недавно в Санкт-Петербурге впервые увидел агитацию сторонников Жириновского, осуществляемую с помощью нищих. У Гостиного двора между двух нищих встал молодой парень лет двадцати и хорошо поставленным голосом, делая актерские паузы, начал: «Посмотрите! Почему они стали нищими? Винаваты коммунисты и демократы, евреи и армяне, азербайджанцы и грузины! Вступайте в наши отряды, и мы их всех ликвидируем!» Сообщил затем место сбора желающих и ушел, не подав ничего нищим. Говорят, так агитируют часто. Милиция не вмешивается, впрочем, она в Питере никогда ни во что не вмешивается.

«Комуняки» тоже ведут свою агитацию. Сегодня они соединяют ее с требованиями, адресованными правительству РФ, взять на себя все обязательства, данные наивным петербуржцам мошенническими акционерными домами. Непонятно, однако, почему правительство должно отвечать перед теми, кто доверил свои ваучеры первому встречному, закрыв глаза на отсутствие лицензии и соблазнившись высокими дивидендами? Тут ведь как при покупке водки с рук: либо — вода в бутылке, либо — повезет.

А.СЕРГЕЕВ

Москва

АТЛАНТЫ ТОТАЛИТАРИЗМА

Недавний юбилар Сергей Михалков всегда был одним из неприкосновенных и «священных» писателей, на ком держалась вся идеология тоталитаризма. Таких писателей у нас было много, и их без преувеличения можно назвать настоящими атлантами тоталитарной системы. Это Горький, Маяковский, Макаренко, Лебедев-Кумач и многие другие. Пытаясь сказать кое-какую правду о «священных», многие авторы и редакторы частенько, бывало, «обжигались». Я это испытал на себе, опубликовав статью о творчестве

Маяковского. А когда я чуть «задел» А.С.Макаренко, сталинисты и некоммунисты напали, как подобает большевикам, коллективно.

Возбудить дух коллективизма в советском человеке, уводя его к первобытному и бездуховному состоянию, никогда не представляло никакого труда нашим идеологам-атеистам. Если глубоко проанализировать творчество Макаренко, то можно легко обнаружить, что фундамент теперешних подростковых группировок и «дедовщины» в Советской армии заложен как раз в методе воспитания коллективизма, изложенном в его книгах.

Находясь далеко друг от друга, и Михалков, и Макаренко четко выполняли сталинский заказ по созданию нового коммунистического человека, у которого в конечном счете не должно оставаться ни капли индивидуального. Ныне восьмидесятилетний С.Михалков вполне может гордиться тем, что новый человек все-таки создан. Идеальный друг всей советской детворы «Дядя Степа» сделал свое дело, и мы теперь все стали «Степами». В результате героического труда атлантов тоталитаризма мы все больше и больше становились похожими на положительных героев литературы социализма и почти что потеряли жизнеспособность, хотя остались при нас руки, ноги, глаза, уши и даже мозги. Плюс к тому же есть у нас еще огромная богатая страна, где полно золота, алмазов, нефти, угля, тайги и т.д., но мы не знаем, что с ними делать, и по любому поводу ждем постановления. Мы, утратив самостоятельность, не можем жить без команды сверху и без страха концлагерей.

Нам бы пора уже на восьмом году мучительной перестройки осознать наконец-то причину остановки горбачевского «процесса», ибо процесс не пошел вовсе не по вине неумелых действий Горбачева или Ельцина, а по вине психологии нового советского человека, ведь советский человек также необратим, как и застывший раствор. Напрасно подрывает свое здоровье Б.Ельцин, пытаясь вернуть крестьянам отобранную большевиками землю, — крестьянин уже не тот, и вряд ли на него подействует даже референдум. Да-а, застывший раствор нельзя превратить снова в цемент — не зря строители безжалостно выбрасывают его и, чаще всего, вместе с посудой. К сожалению, за годы перестройки ни один политолог не размышлял почему-то о необратимом характере нового советского человека. А жаль. Возможно, нынешние политические лидеры смогут найти талантливых антиподов Михалкова и Макаренко, которые бы сумели провести обратный процесс, сделав из деформированного гомо советикуса обыкновенного жизнеспособного гомо сапиенса.

Л.ЗАКИРОВ

Казань

Елена АВЕРИНА

ОБМЕН

Вот я и стала москвичкой

Все счастливые семьи похожи друг на друга. И несчастные тоже. Счастливые живут хорошо, потому что у них есть квартира. Несчастье — если ее нет. Так же, как нет и надежды когда-нибудь ее получить: таким семьям некуда рожать детей, пригласить гостей и поставить любимое кресло. Скандалы, истерики и другие ужасы семейной жизни — удел таких пар. Да и стоит ли вообще жениться, не имея собственного угла, и быть несчастными вдвойне? Разумеется, не стоит. Но приходится.

Нашей же семье несказанно повезло. Сразу после свадьбы у нас появилась квартира. Только не надо нам сильно завидовать! Мы — не сказочные персонажи, лотерея «Час фортуны» не вручала нам на Красной площади ключи от дворца. И не предлагала выбрать обоим любимого оттенка, что, несомненно, достойно такого сильного чувства, как зависть. С другой стороны, квартира досталась нам не такой большой кровью, как могла бы. И все же...

Рассказывать, каким способом была получена квартира, долго, нудно и не совсем понятно. На каком-то этапе это выглядело как обмен. Вот и называем этот способ обменом.

Переполненные энтузиазмом, мы дали объявление об обмене в газету и стали ждать выгодных предложений. Предложения так и посыпались.

Первой, часов в шесть утра, позвонила какая-то безумная женщина и прокричала в трубку, что, так и быть, уступит нам собаку. Умную, сильную, свирепую собаку, прекрасного друга и защитника. Потом позвонил мужчина и ласковым баритоном предложил купить этаж в особняке или лестничную площадку в новом доме — две трехкомнатные и одну двухкомнатную квартиры, разломать там стены и жить в свое удовольствие. Потом нам предлагали машины — с гаражами и без, «нулевые»

и с пробегом. Эти звонки были самыми интересными. Мне рассказывали что-то про клапаны, резину и карбюраторы. Я ничего не понимала, но чувствовала, что многие предложения весьма выгодны. Я даже расстроилась: вот сижу, ушами хлопаю, а могла бы такое завертеть, такое...

В общем, в процентном отношении результаты наших объявлений выглядели так: процентов восемь перепутали номер телефона. Процентом пятнадцать говорили: «Читали-читали. А мы тоже недавно дали объявление. Ну и как, получается? А у нас, знаете ли, проблемы...» Больше всего звонков было от маклерских контор, и это нас совершенно не радовало — не на них мы рассчитывали. Но что поделаешь, если наши маклеры начинают день с чтения свежей прессы! И, наконец, процентов десять звонивших были «частниками» — теми, кого мы ждали. Но претендовали они на такую доплату, что маклеры по сравнению с ними казались глупыми альтруистами.

Кончилось тем, что мы перестали ждать чуда и сами принялись обзванивать маклерские конторы. Большинство маклеров, надо заметить, относятся к своей работе гораздо проще, чем мы предполагали. Мы-то думали, что маклеры должны помогать с оформлением всяких документов, а они, со своей стороны, считают, что должны лишь свести интересующие стороны, получить гонорар наличными и исчезнуть.

Наш энтузиазм улетучивался с каждым днем. Наконец, совершенно упавшие духом, мы попали в руки челове-

ка, который принадлежал к идеализируемой нами части маклеров. За очень, прямо скажем, немалые деньги он стал заботиться о нас лучше матери родной и энергично завертел наши делишки.

И то хорошо, поскольку без него мы наверняка были бы жестоко обмануты, запутаны, а то и побиты. Чтобы заниматься квартирными делами самостоятельно, надо быть юристом и экономистом одновременно и к тому же иметь массу могущественных знакомых.

Впрочем, чувствую, рассказ мой звучал совсем уж в минорных тонах. Но что поделаешь, если мир так далек от совершенства! И вообще, мы, пессимисты, гораздо ближе к реальности, нежели оптимисты. Вот у меня подружка — оптимистка. Так ее все-все кругом радует. Жизнь прекрасна, а будет еще лучше, у природы нет плохой погоды, и скоро, совсем скоро мы веселой компанией отправимся отдыхать на Багамы. А на самом деле: не сегодня-завтра с работы попрут, морщинка на лбу прорезается, а дома из обоих кранов почему-то хлещет кипяток, в холодильнике — шаром покати и заехать дальше Ногинска ни время, ни деньги не позволяют...

Тьфу!

Но и мы, пессимисты, порой видим окружающий мир сквозь розовые очки. И делай с нами в такие минуты — что хочешь.

Вот и «хрущевская» квартира оказалась нам самой лучшей на свете, а предстоящий в ней ремонт — пустяковым, косметическим. Непроходимые лужи и траншеи вокруг дома виделись весенними ручейками. «Здравствуй, новая жизнь!» — думали мы с мужем, шлепая по гадкой жиже.

Бывшему хозяину квартиры, Михаилу Ульяновичу, на переезд были даны месяц и неделя. Оговоренного срока ему не хватило, и он потребовал еще день, в течение которого, собственно, и переехал. Ключи Михаил Ульянович вручал нам на квартире, ставшей уже нашей — сунул мужу связку на грязной веревочке, координат своих не оставил, но пообещал звонить, потом глянул на часы, охнул и стремглав, подобно Золушке, покидающей бал, — умчался. Все это произошло в считанные секунды.

Тут, наконец, упали с наших глаз розовые очки. Открылись мрачные картины. И стало видно, что запасливый Михаил Ульянович повыворачивал все лампочки, пообрывал все патроны — да так торопливо, что кругом остались торчать оголенные провода. Он пооткручивал щеткодачки и за чем-то оторвал плиту. И сложил их кучей в центре квартиры. Возмож-

но, хозяин собирался поджечь плинтуса и квартиру заодно, чтобы бывшего его жилище не досталось чужаку. Но что-то его остановило... Зато оставил нам протекающие трубы и краны, газовую плиту, отскоблить которую оказалось невозможно, многочисленные дырки в стенах и фантастическую грязь.

По природной рассеянности своей Михаил Ульянович забыл принести ключи от почтового ящика. Поэтому проверяем мы ящик, отгибая дверцу и освещая зажигалкой пыльное его содержимое. Однажды я таким образом обнаружила там какой-то листочек. Ужасно заинтригованная, втайне надеясь, что это весточка от пропавшего бывшего хозяина квартиры, я извлекла листочек ногтем. Но оказалось, что это счет за телефонные переговоры на несколько тысяч. Дело в том, что у Михаила Ульяновича когда-то была жена, Софья Абрамовна, которая давно уехала в Америку. Но Михаил Ульянович до сих пор боится и ненавидит ее. И вот, ненавидя и боясь, он целый месяц звонил суровой своей Софье Абрамовне за океан, чтобы покалякать на халяву... В общем, дорогой наш Михаил Ульянович, если вы читаете сейчас скорбные эти строки, знайте — долго мы вас еще будем вспоминать!

Вполученную квартиру захотелось поскорее прописаться. Хотя и говорят, что прописка теперь большого значения не имеет, но мы-то знаем... Я не думала, что это окажется такой абсурдной затеей!

Прописываться надо было через Главное паспортное управление. Для этого я, забросив работу и личную жизнь, бегала по жэкам и паспортным столам, собирая выписки и печати. С этими бумажками далее следовало идти в районное отделение милиции, где в прописке отказывали. Самое интересное, что письменный отказ в прописке из отделения милиции — это чуть ли не самый главный документ для разрешения прописаться со стороны Главного паспортного управления.

ГПУ, как известно, на Москву — одно. А прописаться хотят многие. Каждый день в коридоре ГПУ сидят люди с воспаленными глазами — большая толпа. А эту толпу обслуживают пять-шесть инспекторов. Каждый инспектор принимает человека минут по двадцать, но плюс к тому — долго пьет чай, говорит по телефону и разбирается со «своими» клиентами. К тому же у инспектора каждую минуту может разболеться голова. Какая уж тут работа! Тогда на приеме остаются только четыре инспектора.

В хорошие дни здесь «проходит»

Рис. А. Зайца

человек девяносто, а приезжают все двести пятьдесят. Поэтому, чтобы попасть на прием в числе первых, надо дежурить на крыльчке ГПУ всю ночь, а чтобы попасть вообще — необходимо приехать сразу после открытия метро. Сколько стоит прием без очереди, мне выяснить не удалось. Но, судя по тому, что среди мрачной толпы почти нет «лиц криминальной национальности», стоит не мало.

Я долго готовила визит в ГПУ. Приезжала туда каждый день, тщательно переписала перечень документов, изучила повадки инспекторов и несколько раз сообщила толпе, что «все это — издевательство над человеком». Толпа дружно со мной согласилась.

Наконец мы решили действовать. Муж отправился дежурить в ночь и записался аж вторым. Я приехала ни свет ни заря сменить его. У паспортного управления стояли закованные люди и ждали начала рабочего дня. Несколько раз дверь отворял дежурный милиционер. Сначала он впустил замерзшую кошку, потом выпустил уборщицу, потом просто вышел поглазеть на народ и покушать булочку.

— Ну впустите нас, — клянчила толпа, — холодно...

— Не-а, не влущу, — ответствовал милиционер с набитым ротом, — в девять влущу, а сейчас рано.

— Вы же такой симпатичный, хороший, — уговаривала толпа.

— А ну отойди! — рявкнул милиционер и захлопнул дверь со страшным грохотом.

Но без пяти девять он открыл ее!

И до девяти нагло разглядывал присмирившую толпу. Стекло, серое

стекло было в его глазах. Потом он буркнул «проходи» — и уж благодарностям и радости народной не было конца. А говорят, люди у нас черствые...

В общем, через каких-то полтора часа после открытия конторы я оказалась в заветном кабинетике, где мои бумажки пролистали и сообщили, что оформлены они правильно, на этом прием окончен и через десять дней я могу идти прописываться в свое отделение милиции. Как раз к тому времени туда придет ответ из ГПУ.

— А может, я сама принесу им ваш ответ, — предложила я.

— Нет-нет, зачем вам беспокоиться, — сказала инспектор.

С тех пор я хожу и хожу в милицию, а ответа все нет и нет. Желанный штамп в паспорте — где-то в неопределенном будущем. А я уже и фразу красивую приготовила. Таковую: «Ну вот, после восьми лет жизни в Москве я и стала москвичкой»...

Аквартира... Наша выстрадавшая квартирочка, наше уютное гнездышко, о котором мы так мечтали беспокойными общежитскими вечерами! Так мы в ней не живем. Чтобы привести ее в порядок, нужно тысяч триста рублей и ударный самоотверженный труд. А пока там развал и кошмар. Мы забыли про радости жизни. Мы приезжаем туда каждую свободную минуту (не говоря уж о праздниках и выходных) и все ремонтируем, ремонтируем. И ремонту этому не видно конца...

Алексей ЕРОХИН

КАК ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА МЕНЯ,

или Правила охоты на человека

Посвящается Роберту Файншрайберу — с глубочайшим сочувствием

Одна моя невеста решила выйти замуж.

Причем втихаря. Заехать, так сказать, на кривой козе. Исподволь.

Если вы мало-мальски знаете женщин, то, вероятно, осведомлены об этой их замечательной вкрадчивой манере, которая сделала бы честь любому стратегу: добиваясь чего-либо важного для себя (что превышает по значимости необходимость приобретения очередных новых — шестых по счету за последние три месяца — джинсов), они хитроумно пытаются создать такую ситуацию, вляпавшись в которую наш брат простодушно полагает, будто поступает исключительно по своей мужской воле, — а на самом-то деле он, торжествующе мемекая, бодро скачет по искусно распланированной трассе напрямик в загон.

Так что нужно, братцы, быть по возможности всегда начеку. Стоит только уши развесить — и вот уже по

тебе внуки ползают, «Сникерсов» просят.

Поэтому я вмиг насторожился, когда в один прекрасный весенний день она привела меня на кладбище.

Пели птички.

Она ласково посмотрела на меня и задумчиво спросила:

— Скажи-ка, пожалуйста, Алешенька: ты предпочел бы, чтоб тебя похоронили или кремировали?

Я несколько замаялся:

— Э-э... Я, право, об этом пока как-то не думал. Не самая актуальная проблема, видишь ли.

— Ты полагаешь? — взглянула она искоса.

— Д-да.

В ее взгляде читалось ласковое сомение.

— Но, видишь ли, мой хороший, — мягко сказала она, — наше бытие на этой земле так скоротечно...

По моей спине рысью пробежало стадо щекотных мурашек. Я невольно пожелся.

— Ты беззаботно проживаешь день за днем, совсем не подозревая

о том, что каждый следующий удар твоего сердца может стать последним, — заботливо продолжала она.

Тут сердчишко и впрямь екнуло и забилося как-то не так. Меня малость качнуло, и я оперся на могильную оградку, выкрашенную в веселенький зеленый цвет. С макушки чьего-то фамильного склепа на меня укоризненно пялился угрюмый мраморный ангел с отбитым крылышком. Весенний ветерок вкрадчиво шуршал в лянлях бумажных венках.

— Разве ты забыл, что тоже смертен? — задушевно поинтересовалась моя спутница.

— Нет-нет, я помню, помню, — нервно отозвался я.

— Да? Это хорошо, — мечтательно улыбнулась она. — А какую надпись ты хотел бы иметь на своем могильном камне, а?

— Понятия не имею.

— Зря, зря... — покачала она головой. — Как странно, что мы так небрежно относимся к собственной жизни... И неужели ты не думал о том, как распорядиться ее остатком? Ведь ты не вечен...

Словно бы потускнело солнышко в небе, но птички пели по-прежнему.

Едва не уронив скупую слезу, я мысленно стал прощаться с родными и друзьями, с пивом и книгами...

С книгами? Стоп-стоп: вот где собака зарыта! Я разом повеселел и амикошонски подмигнул мраморному ангелу с курьим крылышком.

— Уж не хочешь ли ты предложить мне купить яхту, моя прелесть? — осведомился я пронизательно.

Она вздрогнула и покосилась на меня с подозрением.

— Но только ты учти, что зубную пасту из тюбика я выдавливаю как пополю, — нанес я следующий удар.

Она покраснела.

— И тяну на себя одеяло, — я был безжалостен.

Она в смятении закрыла лицо ладонями.

— «Мужчины не рождаются мужьями. Этому их надо учить», — с демониическим хохотом процитировал я.

Рис. В. Сысоева

Она сокрушенно вздохнула:

— Так ты тоже читал эту книжку?

— Еще бы!

Еще бы я не читал книги американской адвокатши Маргарет Кент под интригующим названием «Как выйти замуж!»! Даже те женщины, чьим последним осмысленным чтением был букварь, жадно выискивают это пособие-бестселлер на книжных лотках. И выходят на охоту, обогащенные заморским опытом уловления мужичков в брачные сети. И если вам, братцы, дорога свобода — есть резон познакомиться с этой хитроумной инструкцией.

Нас — мужиков то есть — хищная американка рассматривает как собачек Павлова. Это вовсе не метафора: в главке «Как научить его быть мужем» есть прямая ссылка на русского физиолога и его песиков, которые начинали истекать слюной при звонке колокольчика. Вот и мы в системе Маргарет Кент — наивные недалекие кобельки, у которых в результате тщательного тренинга должно начинаться неуправляемое слюноотделение не только при виде, но и даже по ассоциации с пытливым экспериментаторшей.

И посещение кладбища в сочетании с предостерегающими душевспасительными разговорами — одно из звеньев этой дрессуры. Моя подруга, решив воспользоваться методикой Маргарет Кент, цитировала ее практически дословно. Хорошо, что у меня нервы крепкие: иной-то мужичок от таких заявочек тут же и слиняет. Однако, по мнению американской охотницы, под влиянием такого кладбищенского эксперимента мужчина должен взять твердый ориентир на женитбу, дабы усладить свою стремительно сокращающуюся жизнь.

Покупка яхты (или коттеджа, или передвижного домика) — из той же оперы. Маргарет Кент сие видится так: охотница ведет свою мужскую дичь в соответствующий магазин, а продавец, исходя из характера покупки, принимает парочку за супругов и соответственно с ними обращается. «Не надо говорить продавцу, что вы на самом деле не муж и жена, лучше подмигните вашему спутнику или посмотрите на него многозначительно». А он, соответственно, сделает умиленную стойку и с радостным гавканьем помчитесь покупать обручальные кольца, воодушевленный открывающимися баснословными перспективами. Молодец, Тобик.

Ведется дотошная следственная работа. Учитывать следует все: обращение с зубной пастой и одеялом, отношение к смертной казни и анальным контактам и т.д. и т.п. — целая сеть пунктов, складывающихся в один

большой допрос.

Например, вы, женщина, хотите выяснить, не погряз ли он в «притворной стыдливости». Сделать это проще простого. Спросите у него: «Ты видел когда-нибудь своих родителей обнаженными?» Если его от такого интереса покоржит — значит, точно погряз, застенчивый котеночек.

Вступать в связь рекомендуется не менее чем через 30 часов подобных бесед. Но ограничиваться только расспросами не рекомендуется — нужно активничать. Например, редактировать его рукописи (хороший шанс получить по шее, по-моему). Или помогать ему выработать политические идеи (ох, кажется, наперсницы многих наших политиков следуют этому совету, судя по бардаку в стране).

Немудрено, что мужик, исподволь обложенный со всех сторон, смутно чувствует себя дичью. И инстинктивно трепыхается, и даже в день свадьбы готов выкинуть неожиданный фортель, повинуясь команде подознания. Например, укоризненно вздыхает Маргарет Кент, прокалывает шины у автомобиля своей невесты. Или улепетывает за границу. То есть защитный иммунитет порой все же срывается.

Муж нашей авторши, Роберт Файншрайбер, на свадьбе тоже отколол подлянку — явился без галстука. На большее его, правда, не хватило — а потому Маргарет Кент посвятила свою книгу ему. И я мистеру Файншрайберу колоссально сочувствую. Мало того, что захомутали расчетливо, по системе — но самое веселенькое началось уже в супружеской жизни.

Дело в том, что вторая часть книги Маргарет Кент называется — «Как победить соперницу». И поскольку она женщина явно добросовестная и усердная, то нисколько не сомневаюсь, что изложенные здесь методы она старательно отработала на практике, в повседневной семейной жизни.

О, эта суцкая контрразведка! И всяческие филби-штирлицы — сущие пацаны по сравнению с женщиной, овладевшей уроками Маргарет Кент. Она педантично насчитывает 25 предложений, которыми пользуются мужчины, оправдывая свои измены: от шуки и конформизма до мести обществу и альтруизма. (К слову: 25 — это не предел, можно и все сорок насчитать, ежели приспичит, но — не будем педантами.) А раз столь велика вероятность работы на сторону — то нужно быть всегда начеку.

Если жена не нашла на потолке мужниного автомобиля отпечатков ног (а она должна периодически это проверять) — это еще не говорит ничего в пользу супруга: значит, он просто хорошо умеет замечать следы.

Вот — внимание: он преподнес некий шикарный презент. Поблагодарить и обрадоваться? Отнюдь! «Берегитесь, если муж начнет делать вам больше подарков. Это может означать, что у него роман и он старается таким образом заглядеть свою вину». Малейший нюанс призван возбуждать нездоровое подозрение. Потееет? Ага: значит, нервничает, то есть явно совесть нечиста. Заговорите с муженьком на тему неверности — наверняка от него должно шибануть пбтом.

Он стал шутить как-то иначе? Что ж, проверим его на вшивость. «Подбросьте ему на пиджак женские волосы и спросите, как они туда попали. Следите за его реакцией».

Бдительность прежде всего! Чекистка Кент предлагает своим вероятным последовательницам вести специфический дневник наблюдений, в котором фиксируются как минимум десять пунктов: когда проснулся, когда лег, что ел, как ел, принял душ утром или вечером... Ежедневно! А если появится некое подозрение — то тут уже все средства хороши: изучать его записные книжки, настольные календари, телефонные счета (на предмет обнаружения незнакомого номеров — российские мужики могут возблагодарить нашу отсталость от цивилизации в этой области), содержимое карманов...

А мы с подружкой тем временем уже выходим с кладбища.

У самых ворот погоста — книжный лоток с россыпью цветастых обложек.

— Нет ли у вас, голубушка, книги Маргарет Кент?

— Ой, вы знаете — все расхватили, — бойко отозвалась лоточница, прицельно стрельнув глазами.

— Экая досада...

Я выудил из пестрого развала книжку другой американки — Рут Диксон. Название интересное — «Теперь, когда ты заполучил меня сюда, что мы будем делать?». Уж эти мне американки с их советами... Еще одна Мата Хари из сферы интимна? Э, нет: тут что-то другое.

— Послушай-ка, — потрепал я по плечу свою приунывшую подругу. — Во чего пишет: «...Нас с малых лет и до старости подвергают двум видам непрерывной пропаганды, направленной на нашу чувственность. Первая из них гласит, что наше тело неприкосновенно, его нельзя трогать руками...» Интересно, да? Это она про женщин. «И это ведет нас ко второму обману, который еще труднее игнорировать, — будто настоящая женщина может быть счастлива только замужем». Врубаетесь?

— А все-таки: что написать на твоём могильном камне, дорогой? — задумчиво спросила она.

Алексей МИТРОФАНОВ

МУЗЕЙНЫЕ ОБИТАТЕЛИ. ИХ БЫТ И НРАВЫ — 2

(Как Меркурий и Гермес музами стали)

Статью «Музейные обитатели. Их быт и нравы» («Столица», № 41—42, 1991 г.) я писал без всяких расчетов прославиться и на шуметь. И весьма удивился, узнав, что о ней — говорят. Всерьез обсуждают в музеях, в комиссии по культуре Моссовета, а на факультете музеологии РГГУ (бывш. историко-архивного института) ей посвящают семинары. Потом уж я понял, что замахнулся на святая святых — на пиетет работников музеев. Музейщики меня возненавидели, а сотрудники родного Музея истории г. Москвы — отrekliсь от меня. Директор Политехнического музея требовал сатисфакции только лишь потому, что узнал на фотоиллюстрациях к материалу подведомственные ему залы (хотя в статье — ни слова о Политехническом). А газета «Правда» посвятила мне огромную филиппику на первой полосе. С продолжением на второй. Но вместе с тем у меня неожиданно появились сторонники, о существовании которых я и не подозревал. Они-то и помогли написать вторую часть «Музейных обитателей». О мафии музейщиков. О настоящей мафии. Я беседовал со множеством людей. С рядовыми и не совсем рядовыми сотрудниками, с искусствоведами, музееведами (есть, оказывается, и такие), с оперативниками Министерства безопасности России (бывш. КГБ). Со всеми — неофициально. Они хотят и дальше работать на старых местах, пусть в отвратительном коллективе, с ужасными «бытом и нравами», но заниматься, простите за трюизм, своим любимым делом. Жить хотят, в конце концов. И не мне лишать их права жить.

— Ты чокнулся, — говорили коллеги. Или посмотрелся фильмов с Индианой Джонсом. Комиксов про Тинтина начитался. Ну какая там, в музеях, у этих чудаков может быть мафия. Да и кому нужны их древние черепки.

Пиетет устойчив.

Чем он выше — тем страшнее дело. Про музейщиков как бы забыли. Есть они — и ладно. Довольствуются малым — ну и слава Богу.

Считается, что ларечник с банкой импортного пива в нетвердой руке гораздо богаче музейщика. Так да не так.

В основном, конечно же, сотрудники рубашки лишней не имеют. Но у высшего начальства (директора, его заместителей, главного хранителя) — есть многое.

Хотя бы помещение. Как правило, большое, в Центре и в хорошем доме. Полбеда, если крупный музей официально сдаст несколько залов какой-нибудь представительной фирме. Но большинство музеев не имеют права сдавать площадь в субаренду. А даже если и имеют, это им не выгодно — государство заберет себе огромную долю полученных денег.

Поэтому заключают договор о совместном сотрудничестве. Музей, например, обязуется провести бесплатную экскурсию для сотрудников СП «Пукин и Сукин» и предоставить им помещения второго этажа. А СП «Пукин и Сукин» в свою очередь обязуется обеспечить сотрудников музея оргтехникой. Под которой может пониматься и настольный издательский комплекс на каждый стол и ржавый арифмометр «Феликс» на всех.

Разумеется, директор и его приближенные что-то за это получают. По большому счету — гроши, но для них — состояние. А гг. Пукин и Сукин понимают, с кем имеют дело, все больше ограничивают в правах музейного директора, производят перепланировку архитек-

турного памятника, прорубают в нем новые окна и двери, но директор все равно доволен — ведь его детишкам капает на молочишко.

Этот договор — музею смертный приговор. Директоров (а в большинстве своем они — субъекты крайне правой ориентации, закаленные в боях за претворение в жизнь решений исторических съездов) всегда устраивал сотрудник, который ничего не делает. Теперь же устраивает в кубе. Ведь если вдруг какой-нибудь завотделом захочет сделать интересную выставку, он, естественно, попросит денег на нее.

— Какие деньги?! — закричит директор. — Если бы не Пукин с Сукиным, я не смог бы вам зарплату выплатить. Вы видите, что с Россией творится?! Для нас сейчас главное — выжить!

(На этом лозунге: «Главное — выжить» — спекулируют, пожалуй, все высокие музейные чиновники.)

Допустим, завотделом — человек горячий, фанатичный, в августе девяносто первого стоял на баррикадах, верит во все светлое и требует обратиться к финансовой стороне музейной жизни. Что руководству, мягко говоря, не улыбается.

Поэтому коллективы нынче стараются подбирать по принципу воровской банды. Чтобы каждый был чем-нибудь связан, «схвачен». У кого-то мама болеет, его раньше нужно отпускать. У кого-то маленький ребенок. Кто-то запойный. Кто-то все время опаздывает. Много шизофреников, эпилептиков, чуть ли не даунов. Словом, каждый уязвим, на каждого есть компромат.

И всем постоянно внушают, что кроме как в этом музее их нигде терпеть не станут. Да просто никуда и не возьмут.

Толковые специалисты, естественно, покидают музеи. И убожество оставшихся убивает даже то небольшое живое, что когда-то было там.

Кстати, насчет помещений. Многие новые музеи появляются весьма странным образом. Сначала (желательно за несколько лет до какого-либо юбилея) в прессе «формируется общественное мнение» в пользу некоего исторического лица. Затем «инициативная группа» прибирает к своим рукам (подчас — безвозмездно) приличный особнячок, этажик или хотя бы квартиру в центре города. Создается благотворительный фонд. В день юбилея газеты пишут о «торжественном открытии нового очага культуры», о том, какое там шампанское подавалось и как тяжело придется бедным инициаторам-бессребреникам. Через неделю на «очаге» появляется плакат «Музей закрыт на переэкспозицию». С тех пор реквизиты «благотворительного фонда» можно видеть лишь на документах о торговом посредничестве.

Но страшнее этих махинаций — поездки наших коллекций за рубеж. Это ка-

саются в первую очередь крупных музеев.

Опять же принято считать, что это очень славно. Мы, дескать, тем самым себя чуть ли не рекламируем.

На самом деле вред от подобных поездок неисчислимо. Хотя бы потому, что вещи, оказавшись за границей, попадают в каталоги, после чего интерес к ним, естественно, уменьшается. И мы теряем огромное количество иностранных туристов, гораздо более симпатичных и выгодных, чем традиционные для нашего города гости с юга.

Но и это — полбеда. Дело в том, что музеи не в состоянии заплатить приличествующую вывозимым шедеврам страховку. Поэтому ценность вещей занижается, появляется пресловутая «двойная бухгалтерия», и, как следствие, с «советскими товарищами» желают иметь дело в основном лишь всякие сомнительные организации (а за границей их тоже хватает).

Кроме того, солидных партнеров отпугивает та непосредственность, с которой музейные командиры и комиссары вымогают долларовые взятки.

Тем не менее выставку «прокатывают» за рубежом и зарабатывают на ней какую-то сумму. Но, поскольку деньги те пришли сомнительным путем, их трудно официально оприходовать и пустить на музейные нужды. Поэтому львиная доля оседает у начальников, а сотрудники получают либо продуктовые, либо долларовые (а чаще все-таки рублевые) подачки.

И становятся патриотами своих директоров. И не понимают, что их на самом деле обманули.

Происходит переориентация музеев. Коммерческая деятельность становится не сопутствующей, а основной. И ей подчиняется все остальное.

Кстати, когда я узнал, что сотрудники Исторического музея получили с какого-то «выезда» по 25 долларов каждый, и попросил руководство «поделиться опытом», оно (в составе главного хранителя, ученого секретаря и замдиректора по зарубежным связям) буквально обхватило меня и выгнало (см. «Столица», № 24, 1992 г., стр. 27).

Часто выставки возвращаются на родину не полностью. Бывает, что-то исчезает по дороге туда, бывает — обратно, бывает — и там. Случается, что у какой-нибудь вещи оказывается два подлинника. Один — в музее, а другой — в государстве, принимавшем выставку. Подобное облегчается тем, что монтировать выставку едут одни, а разбирать — другие. Чтобы побольше народу «поездило».

Кроме того, произведениями искусства из запасников наших музеев весьма удобно было финансировать всевозможные «освободительные движения». Не надо переправлять за границу

ни золото, ни валюту. Перевозили свернутую в рулоны живопись, предметы декоративно-прикладного искусства и там уже спокойно продавали.

Впрочем, при существующей системе учета все это неудивительно. Она словно специально рассчитана на воровство. На многих вещах нет ни шифра, ни номера. Записи в книге поступлений весьма приблизительны, и каждый может заменить одно «изделие белого металла» на другое. Серебряную ложку на алюминиевую.

Когда приходит новый хранитель какого-либо фонда, он, конечно же, не успевает принять каждый предмет по отдельности. Чаще — просто расписывается за то, что принял столько-то штук.

Я знаком с хранителями, не способными назвать даже количество предметов в своем фонде.

При этой системе, во-первых, воровать может каждый, а во-вторых, любого «неугодного» начальству очень просто «подставить» и даже посадить в тюрьму.

Так музеи (от греческого — храмы муз) стали храмами... Чего же? Коммерции и мошенничества? Меркурия и Гермеса?

Лишь в одной организации я побывал как официальное лицо. В Главном управлении уголовного розыска МВД России, в отделе по раскрытию преступлений, связанных с культурными ценностями. Музейные жулики — их контингент.

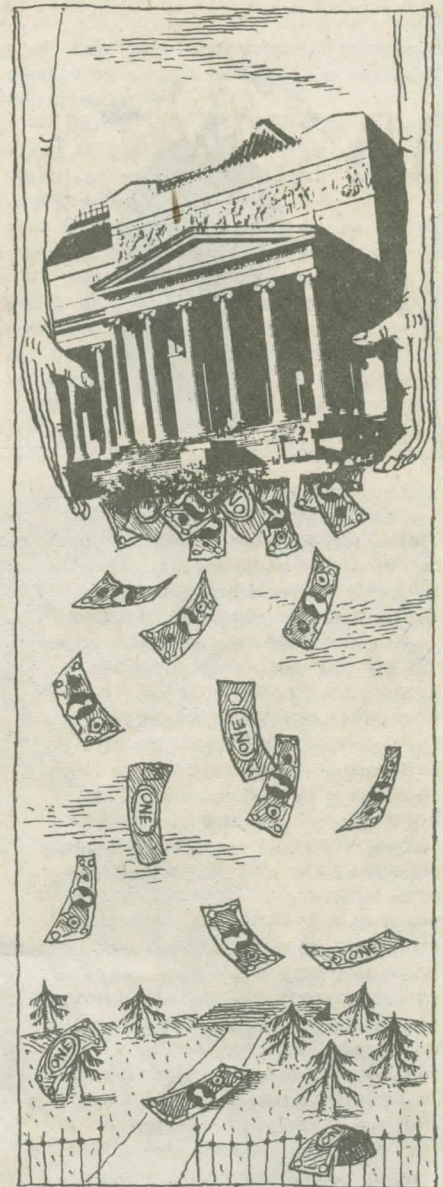
Там мне поведали о краже из Кунсткамеры Санкт-Петербурга. О том, как комендант Кунсткамеры Смирнов в 1991 году практически организовал хищение, «запустив» туда своего товарища Касьяна. Они украли две фигурки — на сумму 500 тысяч долларов. После этого Касьян был арестован, возбудили уголовное дело и против Смирнова, но даже не уволили его. Затем произошло еще четыре хищения, их не удалось раскрыть. Затем Смирнов ушел в военное училище, откуда, кстати, и пришел «на музей».

В этом отделе уголовного розыска нет сотрудников с музейной практикой. То есть настоящих специалистов. Их только хотят набирать. О многих особенностях музейной жизни «оперы»... впервые от меня услышали.

Жаловались на трудности. Посоветовали обратиться в несколько других подразделений, откуда меня... переадресовали обратно.

Увы, кражи-сенсации, вроде той, о которой мне поведали в МВД, вроде тех, о которых время от времени пишут газеты, — деяния мелких воришек по сравнению с налаженной системой выкачивания ценностей.

Когда-то, на заре советской власти, прошла волна слияния и обобществле-

Коллаж А. Зайца

ния музеев. Ценности свалили в запяски, словно награбленное в воровские хазы. Некоторые произведения искусства, например русский авангард, вообще не считались за ценные, никак не учитывались. И всякий начальник мог зайти в подвал и потребовать:

— Где тут у вас этот Малевич? Давайте его сюда.

И давали.

Подобное отношение в основном, увы, сохранилось. И вкупе с ощущением собственной святости оно не может не ужасать.

Потому и держатся музейные начальники за свой пьедестал.

И будут держаться, пока фонды не станут пустой оболочкой.

Пока от них — НИЧЕГО НЕ ОСТАНЕТСЯ.

Марина КАМИНАРСКАЯ

ПРОРАБ

ВАЛЕНТИН ЮДАШКИН

Наверное, этого человека не надо представлять. По крайней мере женщинам. Они-то помнят все его фантастические наряды, которые покорили даже придирчивую столицу моды. Два костюма по мотивам Фаберже с показа сразу были закуплены в луврский «Музей де ла мод». Через год дизайнер рискнул, показав более скромную коллекцию, но успех повторился. Его «гвозди» — платья в форме скрипичных футляров — снова просили в Лувр, модельер отказался, желая оставить их для Москвы, для России.

Здесь его платья вызывали поначалу только отрицательные эмоции. Жюри в Центре моды «Люкс» в 89-м году поставило ему даже не «кол», а «ноль», мотивируя решение примитивностью и безвкусицей его моделей. Правда, знаменитый Карден тоже критиковал Юдашкина за недостатки: излишнее количество идей; там, где можно сделать три платья, он, видите ли, шьет одно. Простосердечные американцы вообще растрогались до того, что подарили молодому кутюрье — ему двадцать девять лет — звание почетного гражданина Лос-Анджелеса, после того как он перевел детям, больным раком, 100 000 (прописью — сто тысяч) долларов, заработанных на показах в Беверли-Хиллс. В общем, я очень волновалась, готовясь к интервью: неделю думала, что надеть, в парикмахерскую сходила. В библиотеку тоже, правда, забежала, но ничего особенного там не нашла, точнее, в старых публикациях оказалось много общих слов и куча неправды, ошибок, неточностей. Валентин прокомментировал так:

— Вокруг моего имени ходит безумное количество сплетен, интриг. Это даже радует: значит, я волну больше, чем кто-либо другой.

— А как же все было на самом деле. Начнем с родителей — кто они?

— Самые обыкновенные люди, к моде никакого отношения не имеют. А рисовал всегда — в школе, в армии. Потом учился в Московском индустриально-педагогическом колледже по классу моделирования, распределился в Министерство бытового обслуживания.

— Звучит не очень элегантно.

— Какая разница? Там было Центральное проектно-конструкторское бюро, которое вырабатывало моду. А когда я понял, что могу работать сам, то нашел организацию, которая помогла мне открыть расчетный счет и не мешала, — Союзтеатр. По-моему, у нас тогда вообще было всего два хозрасчетных предприятия — мы и «Театр песни Аллы Пугачевой».

— Это называлось «Вали-мода»?

— Да, я не мог дать фирме даже своего полного имени. Было у меня три портнихи и десять манекенщиц. Я был полон сил, да и возможности были другие — многое я делал на свои деньги, помните — шелк тогда стоил всего десять рублей. Не знаю, сейчас я, наверное, не решился бы начинать свое дело.

— Но вы же открываете собственный Дом моды «Валентин Юдашкин». Как теперь говорится — быстро раскрутились.

— Я уже семь лет в моде, по западным меркам это не так уж быстро.

— В чем секрет вашего успеха — труд, случай, реклама?

— Я никогда об этом не думал. Знал только лист бумаги и то, что мне надо. Работал днем и ночью. Каждая победа — это моя личная победа. Но это каторжная работа — у меня нет отпусков. Я ужасно завидую своим друзьям-бизнесменам: они то на Ямайке, то на Канарских островах отдыхают. А я бы предпочел Подмоскovie, люблю зиму... Но остановить эту машину не в моей

власти. Случайно ничего не бывает. Я пытаюсь спроектировать будущее — три коллекции в год, показы в разных странах. Заказы расписаны на полгода вперед.

А с каким трудом я пробил это помещение! Еще идет ремонт, его можно было бы закончить и раньше, если делать тяп-ляп, но быстро и дешево ничего хорошего не сделаешь. В мае сдается первая очередь — show-room — демонстрационный зал, офис и цеха «от кутюр». Мы не стали выдумывать велосипед, а взяли все лучшее от европейских домов моды. И открытие тоже будет традиционным — первый день для прессы, второй — официальный прием для гостей, а потом уже придут клиенты. Я покажу совершенно новую коллекцию, которая еще нигде не демонстрировалась, — подарок к открытию.

Надо сказать, что наша беседа происходила в разгар ремонта. По стенам стояла (теперь перед самым открытием Дома все уже заняло свои места) старинная мебель, прикрытая для сохранности марлей.

— Это будущая обстановка Дома?

— Да. Мебель XVIII—XIX веков. Много я нашел сам. Сам следил за реставрацией. Хотя у меня большой коммерческий отдел, но во всем последнее слово за мной. Надо мной смеются друзья — прораб Юдашкин. Я каждый день хожу на стройку: строители уйдут, а мне тут жить. Недавно отказался от поездок в Америку и Германию, ведь самое главное у меня сейчас тут.

Такое же сумасшествие у меня было и перед Christmas'ом: у друзей-артистов записи на телевидении, всем нужны новые костюмы. Самое главное, что все они могли попасть в один концерт, соответственно платья должны были быть совершенно разными, хотя стиль, конечно, должен был чувствоваться.

Эти слова были тут же проиллюстрированы, потому что, пока мы разговаривали, Валентин примерял платье диктору Светлане Моргуновой, готовящей-

ся к праздничному концерту, в котором должны были участвовать Ирина Понаровская, Лариса Долина, Игорь Николаев и еще несколько исполнителей, одетых «от Юдашкина».

— Кто ваши клиенты?

— Богатые люди. У нас могут заказывать только те, у кого есть деньги.

— Я имею в виду, что это за люди?

— Ну, например, дипломатический корпус, посольства Италии, Франции, почти вся эстрада. Это не обязательно должно быть суперимя, хотя мы внимательно относимся к рейтингу наших клиентов.

— То есть не станете шить любому, у кого есть деньги?

— Нет, человек должен быть мне приятен. Если у нас не возникает контакта, то я не могу работать. Никакие деньги не заставят меня отступить от этого принципа.

— Клиенты часто становятся вашими друзьями?

— Да.

— Это влияет на цены?

—...Иногда.

— Люди высказывают свои пожелания или во всем полагаются на ваш вкус? Бывает ли, что клиент остается недоволен?

— Обычно они полагаются на вкус дизайнера. А бывает всякое. Ведь мы шьем практически вручную уникальную одежду. Платье проходит большой путь между эскизом, примеркой и подготовкой по фигуре.

Мне повезло. Из двух клиенток, которых я наблюдала, одна — Светлана Моргунова — была очень довольна. Она шьет у Юдашкина в последнее время много и уверяет, что общаться с ним очень легко: «Доброта у Валентина проявляется во всем — и в вещах, которые он шьет, и в отношениях с людьми, и в семье». Вторая же клиентка — неизвестная — была возмущена до трамвайно-магазинного визга, хотя претензии должна была предъявлять только себе: за время между эскизом и финальной примеркой она поправилась на пять килограммов. Модельер разрешил ситуацию быстро и окончательно: «Верните ей деньги. Чтобы ее больше тут не было».

— А сколько стоит сшить у вас что-нибудь... хотя бы простенькое?

— Самая маленькая цена — 80 тысяч за обычный деловой костюм.

— Вы шьете за рубли?

— Здесь — только. Мы же получаем зарплату в рублях, платим за квартиру рублями. Дорогие платья могут стоить и 200, и 400, и 600 тысяч, они иногда делаются по полгода, уходят килограммы долларовой фурнитуры — мы ее пересчитываем по курсу. Ткани я покупаю в основном у западных компаний, по крайней мере для коллекций «от кутюр». Мои модели шиты из тех же материалов,

что и у Кардена, Сен-Лорана, Версаче и так далее. Если я покупаю что-то в России, то у «Ростокино», «Красного Октября» и «Красной розы», то есть у тех, кто держит марку международного класса.

— Но бизнес вы все-таки предпочитаете делать с иностранными партнерами.

— Наоборот. Просто это не всегда получается, но у меня уже есть несколько отечественных партнеров. И сейчас я параллельно открываю магазины и предприятия в Италии, во Франции — в Париже на улице Монтень, где стоят Дома Нины Риччи и Кристиана Диора, и здесь — в Риге, Питере, Нижнем Новгороде, Волгограде.

— Там будет продаваться одежда, сшитая по вашим лекалам маленькими партиями?

— Да, то, что называется не «от кутюр», а «pret-a-porter de luxe». Элегантные костюмы, юбки, брюки, которые можно носить каждый день.

— В Москве раньше такой ваш магазин был, кажется, в «Пассаже»?

— Да, теперь он закрылся — было много жалоб клиентов на плохое обслуживание, и потом никто не контролировал отпуск товара, и многое перекечевало в коммерческие ларьки. После открытия Дома одежда будет продаваться здесь. Тут будет присутствовать мое личное настроение, мое биополе, кото-

Фото В.Шишова

рое не перенести ни в какой «Пассаж».

— Не секрет, что многие нувориши скорее предпочтут одеться за валюту, чем прийти к русскому кутюрье. Тем более что у нас открылось много фирменных магазинов.

— Может быть. Меня мало это волнует — заказов достаточно. И у меня нет желания одеть всех. Ко мне даже приезжают принцы из Саудовской Аравии...

Конечно, стереотипы сильные, но когда человек шьет себе индивидуально, у него появляется гарантия, что он не увидит на улице еще десятерых в такой же одежде. В любом случае — это удовольствие для очень богатых. Что касается валютных магазинов, появившихся здесь, то многие из них, боюсь, никому не известны за пределами нашей страны. Правда, есть и популярные, например, «Эскада», можно купить яркую, качественную одежду, но, увы, у этой фирмы нет стиля. Это свойственно всем массовым производствам. А в авторской одежде «от кутюр» или «pret-a-porter», как бы ни менялась мода, остается узнаваемость почерка дизайнера.

— А как бы вы определили свой стиль?

— Вообще-то это дело критики... Скажем: элегантно-классический стиль с такими... сексуальными окончаниями. Я хочу, чтобы женщина чувствовала себя женщиной, всегда подчеркиваю грудь, бедра...

— Не могу удержаться от вопроса — какой будет мода следующего сезона?

— Она у меня очень спокойная по цвету: изумрудный, чайная роза, пастельные тона. Опустилась длина юбки, но осталась классическая — два пальца выше колена... Мягкий воротник, рукава 3/4 — чтобы показать красивые руки, а не сумки носить. Впрочем, больше нет стабильной моды, как это было в 50-, 60- и 70-е годы. мода — это бизнес, она меняется каждый год, как и макияж, например, но женщин очень трудно убедить сменить цвет помады, они отлично знают, что им идет. Поэтому сейчас возможны совершенно разные и юбки, и брюки. По-моему, главное место занимает сегодня костюм. Женщины разучились носить платья, они увлечены бизнесом.

— А говорят, что в одежду возвращаются 70-е годы.

— Да, какие-то элементы стиля 70-х годов будут чувствоваться: брюки-клеш, маленькие плечи, много пуговиц, навесные застежки, широкие борта пиджаков. мода всегда — спираль, а возвращение — это только инспирация дизайнера на тему прошлого. Сам я, честно говоря, больше люблю 50-е.

— «Нью-лук» Диора?

— Да, но, конечно, я все переставляю с ног на голову. Посмотрите эскизы, такое мое ощущение: все мягкое, элегантно, подчеркнута талия. Это моя новая коллекция. «Натюрморт». Платья-рамы,

платья-вазы. Много цветов. Выставочные вещи, такой камертон у меня есть в каждой коллекции.

— А почему натюрморт — мертвая природа?

— Для меня это фиксация мгновения красоты: пока яблоко свежее, пока цветков не увял. Это мои реминисценции на тему русского натюрморта XVIII—XIX веков. Конечно, опираться можно на что угодно — гжель, матрешек, хохлому... Это дело дизайнера. Но почему мы должны помнить только о лаптях и водке, да еще всех милиционеров одеть в таком кондовом стиле? А ведь темы русского искусства неисчерпаемы.

Одно время у нас всех манекенщиц обряжали в кокошники и кресты вешали на грудь, все насилывали эту идею. Но фольклорная и религиозная тема уже прошла, на дворе 93-й год. Когда-то это было ново, даже запрещено, так надо было делать, а теперь это легко, это кич, а они по-прежнему рисуют одно и то же.

— Вы имеете в виду кого-то из коллег конкретно?

— Я не хочу об этом говорить, не имею права критиковать, да и знаю мало, ни с кем не общаюсь. У меня масса друзей — живописцев, скульпторов, графиков; но только не из нашего бизнеса. Мне некогда мыть кости, кого-то любить, кого-то ненавидеть, я не хочу обкрадывать себя.

— Это, очевидно, лучший способ уничтожения конкурентов.

— Во всем мире в области моды есть конкуренция, ведь это бизнес и большие деньги, но дома моделей стоят на одной улице, и нет скотского отношения друг к другу. А у нас одни склоки, сплетни, разговоры за спиной. Ты сам ничего не умеешь делать, показываешь одни и те же 25 моделей пять лет подряд и озабочен тем, чтобы съездить на гастроли туда, где еще не был, просишь друзей-журналистов о тебе написать. Это скучно. Публику-то можно обмануть, а себя? Мне всегда важно, что остается потом внутри. А если человек говорит, что он самый талантливый, разве это художник? Он не мучается, не ищет...

Что-то я вам такой пурги нагнал. Просто смотрю на то, что у нас происходит вокруг моды, и кажется, что здесь вообще исчерпано понятие ее актуальности.

— А где вы больше всего любите демонстрировать одежду?

— Все-таки в Париже. Там есть четкие критерии и четкая критика. Когда я читаю, что к нам приехал выдающийся художник из Парижа, то всегда знаю, правда это или нет. Там проходит официальная неделя «от кутюр», эксперты проверяют все модели, выдаются официальные свидетельства, есть рейтинг и так далее. А у нас нет ни журналов, ни критики, журналисты наделяют высшими эпитетами тех, кто им лично нравится, — и все. Пожалуй, только программа «Матадор», посвященная неделе высокой мо-

ды, расставила все акценты правильно.

К сожалению, у нас так редки показы, что мы даже не знаем всех людей, работающих в области моды, а, наверное, должно быть много талантливой молодежи. Здесь очень дорогие залы, даже я предпочитаю прибегать к телевизионным показам, а когда откроется Дом, попасть на показы можно будет только по спецпропускам.

— Кстати, еще раз о Доме. Как вы все-таки решились, ведь при нашей нестабильности жизнь может завтра круто перемениться, и все усилия и деньги окажутся потрачены впустую?

— Я стараюсь не вникать в политику. Даже газет стал читать гораздо меньше. Начинаешь думать обо всем этом, и жутко портится настроение. Дай Бог, чтобы не было хуже. Но если все-таки будет, значит, будем жить хуже. Но театры не перестанут играть, певцы петь, а это наша основная публика. Люди никогда не станут ходить голыми.

— Еще о политике. У вас работает жена Руцкого — наверное, все журналисты о ней спрашивают?

— Да. Но имена в данном случае не имеют значения. Это человек, который работает здесь со мной каждый день. У нас на одном творчестве далеко не уедешь, а она отличный экономист и организатор.

— А эти стильные двубортные костюмы Руцкому шьете вы?

— Да.

— Вот, значит, работаете на положительный имидж политика. А в чем вы ходите сами?

— Принципиально ношу одежду только собственного изготовления.

Тут наша беседа и закончилась, потому что у Юдашкина больше не было для меня времени. Этот улыбчивый человек, кажущийся таким общительным, ухитрился не рассказать мне о себе практически ничего, уходя от вопросов и направляя беседу в нужное ему русло. Нужно ему и Дому. Да так, что, попав под обаяние Юдашкина, я этого даже не заметила. В тот пасмурный день он не надевал свои темные очки, но глаза рассмотреть было все равно трудно. К тому же от них несколько отвлекали внимание массивные золотые перстни, блестящие на мизинце кутюрье. Он заключил волнующую тему моды в конкретику сухих цифр (многое я здесь опустила) и обволол общими фразами, как бы подтверждая свой тезис: «Мода — самый большой бизнес после торговли оружием». В бизнесе, как известно, полно коммерческих тайн. Никто не станет спорить и с тем, что искусство тоже замешано на тайнах. Так что обаятельный Валентин Юдашкин — тайна вдвойне, или, как сказала бы моя подруга: «Та еще штучка».

ПРЕДЛАГАЮ:

Кабинет биоэпиляции.
Тел. 190-29-71.

Эмиграция в Аргентину. Оформление документов.
Тел. (095) 955-34-09.

Пожизненное содержание и обеспечение престарелых и одиноких жителей города.
Тел. 360-81-37, 469-22-00.

Предлагаю агентскую работу общительным и энергичным пенсионерам. Нахождение и оказание помощи одиноким и престарелым жителям города.
Тел. 958-65-85, с 9.00 до 18.00.

Дипломированный психолог со стажем практической работы проконсультирует по вопросам производственных отношений, а также окажет помощь в улучшении внутреннего состояния и разрешении личных проблем.
Тел. 360-81-37.

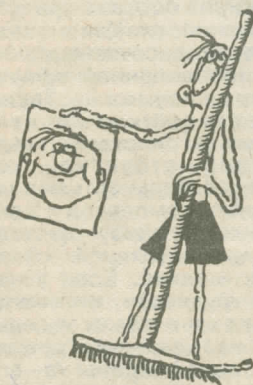
Соционика для Вас.
Тел. 123-25-39.

Астрологические заочные рекомендации в разрешении личных проблем. Заявка + конверт.
170001, Тверь, а/я 0173.

Выездная фотосъемка произведений искусства.
Тел. 264-52-41.

Грузовые перевозки. ЗИЛ-130 с тентом.
Тел. 276-04-56.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.
Тел. 319-68-72, 909-43-42.

Фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество всем заинтересованным лицам.
Тел. 438-31-87.

Настройка пианино, роялей. Цены умеренные.
Тел. 438-31-87.

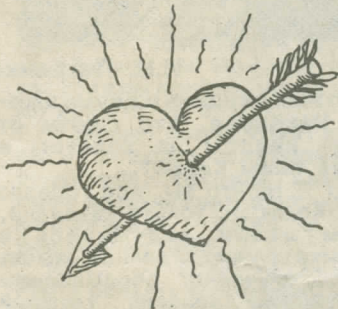
ЗП, визы.
Тел. 194-19-26.

Быстрое чтение, тренировка памяти, развитие внимания. Центр, рядом с метро.
Тел. 272-09-85, Андрей Георгиевич.

Кандидат технических наук: электрохимия, химия, технология цветных, благородных и редких металлов, свободно владеющий французским, умеющий работать с компьютером, со знанием машинописи ищет работу.
Тел. 138-57-84, Александр.

Курсы росписи по дереву. Окончившим предоставляется работа.
Тел. 482-90-66.

Поможем людям любого возраста в создании семьи. Гарантируем внимательное отношение ко всем обратившимся к нам.
Вт. Чтв. с 16.00 до 19.00
Субб. с 12.00 до 18.00
Тел. 954-65-60, Виктор, Наташа.

Срочный перевод с/на английский деловой и личной переписки, документации, контрактов, договоров и т.п. При желании возможны оформление и перепечатка. Цены умеренные.
Тел. 229-51-97, Александр Борисович, звонить вечером.

Услуги юриста.
Тел. 191-97-63.

ПРОДАЮ:

Продаю однокомнатную квартиру в городе Химки.
Тел. 292-47-08.

Продается стиральная машина мини-«ЗВИ» в упаковке.
Звонить с 11.00 до 17.00.
Тел. 921-15-10.

Продаются клубные щенки немецкой овчарки с отличной родословной.
Тел. 183-66-23.

Продаю клубных щенков немецкой овчарки.
Тел. 495-71-81.

Продаю хинкалин — импортный биостимулятор.
Тел. 928-83-40.

Продаю 3-комнатную изолированную квартиру недалеко от метро «Электроводская».
Тел. 144-96-18, с 9.00 до 17.00.

Продаю 4-комнатную изолированную квартиру на улице Неждановой.
Тел. 360-81-37, с 9.00 до 17.00.

КУПЛЮ:

Куплю серебряные монеты.
Тел. 212-47-80.

Куплю однокомнатные квартиры рядом с метро.
Тел. 144-96-18.

Куплю малогабаритные 2-комнатные квартиры рядом с метро. Первый и последний этажи не предлагать.
Тел. 144-96-18.

МЕНЯЮ:

Меняю комнату в центре на квартиру.
Тел. 191-97-63.

Меняю 3-комнатную квартиру, 39 кв.м., комнаты изолированные, кухня 6 кв.м., коридор 10 кв.м., с/у раздельный, паркет, балкон, встроенные шкафы, 5 минут от метро «Новогиреево», на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами и комнату.
Тел. 303-67-13.

Меняю двухкомнатную квартиру в р-не метро «Преображенская площадь», 6-й этаж 9-этажного дома, общая площадь 44,8 кв.м., комнаты изолированные, на двухкомнатную квартиру большей площади в кирпичном доме в юго-западных районах, с доплатой от 2 до 3 млн. руб.
Тел. 955-44-71.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Старый рабочий район. Не радующее глаз унылое скопление дымящих труб и хрущевских пятиэтажек. 7-я улица Текстильщиков, дом 14. Здесь, за надежно охраняемой дверью одного из обычных жилых домов, — ультрасовременный банковский комплекс. Как и почему он оказался в этом в общем-то не характерном для банковской активности районе? Обычно коммерческие банки стремятся любой ценой расположить свой офис ближе к центру. Но с коммерческим банком "Люблино" случай особый. Это отражено даже в его названии. Дело в том, что деловые и общественные интересы банка связаны в первую очередь с регионом, в котором он базируется, — Юго-Восточным округом столицы, объединяющим Люблинский, Волгоградский, частично Калининский и Таганский районы, которые вместе составляют один из крупнейших промышленных конгломератов. Здесь как раз не хватало индустриального банка среднего звена.

На сегодняшний день банк стал органической частью инфраструктуры округа и оказывает значительное влияние на всю экономико-хозяйственную деятельность региона. Мощный тандем коммерческого банка и муниципальных структур в общем-то нетипичен для нашего города и является новаторским взаимодействием.

Председатель правления банка Игорь Николаевич Петренко подробно рассказал нам о деятельности коммерческого банка "Люблино". Учитывая особый общественный интерес к сотрудничеству муниципальных властей и представителей нового московского бизнеса, мы пригласили принять участие в беседе супрефекта муниципального округа "Текстильщики" Владимира Сергеевича Платонова.

— Игорь Николаевич, у метро "Текстильщики" стоит рекламный щит с вашей символикой:

И.Н. Петренко

элегантный вензель с двумя ключами. Наверное, это ключи от золотой дверцы за холстом в каморке папы Карло?..

И.Н.: — Ну что вы, все гораздо проще. Когда мы только начинали, первым делом задумались о символике банка. Удачная мысль возникла случайно: обрамлением стал изящный вензель, который окружает цифру 100 на самой распространенной российской купюре, правда, теперь уже старого образца. "Л" — это Люблино, здесь мы живем и работаем. И, наконец, ключи — символ открытия, познания, перспективы. Традиционный, кстати, для банкиров атрибут.

— Да, действительно, с одним ключом к вам в банк не войдешь. У вас великолепная система охраны офиса. Вот и на столе у вас я вижу компьютер, который, наверняка, связан с "мозгом" банка...

И.Н.: — Чуть позже я вам обязательно покажу Главный компьютер банка, связанный локальной сетью с операционным залом, специалистами, экспертами, имеющий выходы в банковские системы на уровне Центрального банка России.

Это позволяет в считанные минуты проанализировать деятельность банка как в конкретный момент, так и за определенный период. Каждый день, около шести часов вечера, мы четко знаем "на каком мы свете", знаем, что сделано на сегодня и что предстоит сделать завтра... Сколько мы можем отп-

устить кредитных ресурсов, как это соответствует нашей инвестиционной политике. Сразу проследивается связь с клиентами, проверяется стабильность работы банка. И, что не менее важно, стабильность работы наших клиентов. Среди них немало крупных предприятий, которые сегодня, как известно, испытывают немалые трудности. Но даже в этих условиях они работают, с точки зрения банкира, намного стабильнее, чем мелкий посреднический бизнес, где сегодня есть оборот, а завтра нет. Сегодня заработал миллион, а завтра не заработал ни копейки...

Имея стабильный оборот, а следовательно, и прибыль, банк может снижать расценки на свои услуги, расширять круг льгот для своих клиентов. Так, с первого апреля мы полностью перешли на бесплатное обслуживание наших клиентов в рублевой зоне. Мы также снизили процент для банка при получении наличных средств на заработную плату. Сегодня предприятия получают из банка на зарплату не один миллион рублей, так что один или три процента, которые берутся за обслуживание, могут оказаться очень существенной суммой.

— Стабильность клиента и стабильность банка связаны напрямую?

И.Н.: — Получается следующая линия: устойчиво работающее предприятие — надежный клиент — стабильность банка. И обратно: банк стимулирует клиента льготами: предприятиям не надо изыскивать дополнительные ресурсы на поддержание оборота средств и кассовой наличности. Клиент знает, что он может рассчитывать на свой банк в определенной сфере, в определенных суммах. Таким образом, экономика восстанавливается как бы пластами: сверху, на уровне структур, координирующих деятельность народнохозяйственного комплекса и Центрального банка, и снизу, восстановлением горизонтальной связи "предприятие — банк". Если у нашего клиента трудности, он всегда знает, что банк не откажет в деньгах, это так называемый "овердрафт". Если мы уверены в его порядочности, то открываем "кредитную линию" на поддержание оборотных средств и заработную плату. Если мы этого не сделаем, то можем "утопить" предприятие, а от этого пострадают экономика, бюджет, район и, в конечном счете, банк... Здесь все связано, никуда не денешься.

Тут оживился и включился в разговор Владимир Сергеевич Платонов, супрефект муниципального округа "Текстильщики".

В.С.: — Мы обслуживаемся в Московском индустриальном банке, и за каждое получение наличных денег на зарплату сотрудникам мы обязаны платить комиссионные банку...

— **Надо срочно переходить на обслуживание в банк "Люблино"...**

И.Н.: — Префектура — бюджетная организация. Вот и простой способ сохранить фонд заработной платы. Вы отдаете проценты — мы же с ряда бюджетных организаций, которые сейчас переходят к нам, не будем брать ничего. Хотя бы с вас или муниципальной милиции. А из сэкономленных средств можно будет значительно поднять зарплату.

Надо сказать, что многие наши предприятия по инерции не до конца оценивают гибкость коммерческих банков. Что бы ни случилось, предпочитают быть в бывших государственных специализированных банках, а там осталась рутина в делопроизводстве, бездушное отношение к человеку, когда никого ничего не интересует, совершенно другие условия работы. Половина первого — банк закрывается, освободите помещение. Наш банк работает до пяти, а если пришел серьезный клиент, то с ним будут работать и до девяти.

— **В некоторых банках, например, чтобы получить деньги на зарплату, нужно подписать чек в трех разных комнатах...**

И.Н.: — У нас деньги дают день в день. Если же нужен собственно кредит, то кредитная комиссия заседают максимум на следующий день. Вопрос решается оперативно, не надо обивать пороги и оформлять бумаги месяцами. Мы знаем каждого нашего клиента, поэтому ликвидность кредитов практически стопроцентная. Мы знаем наших ведущих клиентов, которые имеют хорошие обороты и хорошие остатки на счетах, как говорится, "в лицо". Кстати, на "остатки" мы платим двадцать процентов годовых. Кроме нас, это делают еще два-три банка. Только стабильно работающий банк может позволить себе дать дополнительные льготы клиентам. Если банку плохо, он сдерет с вас последнюю рубашку и все равно утонет вместе с ней!

— **А теперь поговорим о другой стороне вашей деятельности. Вы много работаете с муниципалитетом, а, скажем, на Западе все, что связано с городскими инфраструктурами, является предметом высочайшей конкуренции между банкирами, предпринимателями, коммерческими структурами. Это воп-**

рос имиджа, престижа. Скажем, на получение подряда на уборку мусора в Нью-Йорке громадный конкурс. У вас в этом отношении большой задел на будущее...

И.Н.: — Мы тесно работаем с нашим округом, другими округами, префектурой. Разрабатываются и социальные программы, и программы здоровья, и коммерческие программы. Ни от каких реальных программ банк не отказывается.

Вот, например, недавно закончили ремонт и освещение улиц, которые пользовались дурной славой в Люблино, финансировали внеплановую уборку мусора перед пасхальными праздниками. Стыдно жить в грязи! Район Люблино крайне неблагополучен в экологическом отношении, а нашим санитарным врачам не хватало приборов для проведения оперативных аналитических исследований. Мы смогли помочь им, и какая-нибудь черная труба будет дымить меньше, и кому-то станет легче дышать.

Я предложил своим сотрудникам в одну из суббот сменить пиджаки на спецовки, помахать лопатой, поорудовать метлой. Сам приду. Нам, конечно, далеко еще до Европы, где перед офисами, магазинами, больницами асфальт моют с шампунем. Но когда-то к этому мы должны прийти, иначе не нужны ни деньги, ни власть...

— **Может быть, стоит попробовать создать альтернативную структуру, которая возьмет на себя выполнение этих проектов, например, вместо неэффективных РЭУ?**

И.Н.: — Если ликвидировать РЭУ и создать коммерческую структуру, в которую придут бюджетные средства, — она будет работать.

В.С.: — Эта идея сейчас прорабатывается в городе, и уже есть предложения о создании структур, альтернативных РЭУ. Финансирование будет из тех же средств, но они должны будут использовать их более эффективно и постепенно вытеснят неработающие структуры.

И.Н.: — Сейчас мы хотим разработать комплексную программу адресной помощи которая определит конкретные объекты реконструкции, конкретные суммы вложений. Только так. Нельзя объять необъятное. Что касается альтернативных структур: не всегда альтернативное — хорошее. Я не видел за границей альтернативной уборки мусора, только муниципальную.

— **Владимир Сергеевич, есть еще один вопрос, который, на мой взгляд, сталкивает интересы префектуры и банка. Это малый и средний бизнес. Основа экономики — ее нижний самовосстанавливающийся пласт, ведь, помимо открытия счета в банке, молодому предпринимателю требуются помещение, мощ-**

ности. Наверное, многие обивают пороги... Ваша позиция, как представителя власти, по отношению к тем, кто пытается начать новое дело в этом непростом регионе?

В.С.: — Тех, кто сейчас начинает с нуля, ничего не имея, очень немного. Как правило, молодые предприниматели уже имеют какие-то наработки. Редко кто имеет одну идею. Я расскажу об одной такой встрече. Ко мне пришел руководитель организации, которая сейчас практически не работает, попросил помещение. Я предложил ему изложить свою программу. Скажем, через полгода вы начинаете нормально работать, получать прибыль. Как вы тогда будете участвовать в социальных программах города и муниципалитета? Ответ был таков: "Я не могу ничего гарантировать, у меня таких планов нет". Я ему сказал, что он несерьезный человек и никаких гарантий и помещений я ему давать не буду. А вот если ко мне придет молодой предприниматель и скажет: "Сегодня я пока с пустыми карманами, но у меня есть программа, есть уверенность, есть наработки, планы. Через четыре месяца я выпускаю продукцию, получаю прибыль, и тогда мы вместе будем решать интересующие вас вопросы". Такого человека я смогу поддержать.

— **Какое предприятие, какую идею вы бы однозначно поддержали?**

В.С.: — Мы, как нижняя ступень власти, заинтересованы в первую очередь в тех предприятиях, которые обеспечивают жизнедеятельность нашего народа. Это обеспечение продуктами питания, товарами потребления, услугами — эти предприятия мы готовы поддерживать, они приближены к конкретным интересам наших жите-

В.С. Платонов

лей. Например, как раз перед нашей встречей я подписал письмо в поддержку товарищества, создавшего пекарню. Своей целью они ставят возрождение традиций русского хлебопечения. Это небольшая пекарня, где практически все делается вручную.

— А вы, Игорь Николаевич, когда из молодых предпринимателей поддержали бы как банкир?

И.Н.: — Я считаю, что средний и малый бизнес — это та основа, на которой может выжить наша экономика. Будущее — за взаимодействием крупных предприятий и мелкого бизнеса. Ведь на Западе 60-70 процентов работающих занято в сфере услуг. Малый и средний бизнес надо поддерживать, но на молодого или начинающего бизнесмена я смотрю с сочувствием, как на камикадзе. У человека есть идея, может быть, прекрасная, но он не имеет никакой опоры, не знает, от чего оттолкнуться, куда пойти, где взять денег. Каждый день газеты сообщают о съездах предпринимателей, фондах поддержки бизнеса. Я работаю председателем правления банка не один год, но я не знаю ни одного предпринимателя, который получил от этих фондов хотя бы копейку, не говоря уже о центах и долларах.

Человек, начинающий свое дело, не получит от фонда ничего: фонду нужна гарантия банка, банк тоже ему ничего не даст, у него "нулевой" счет. Начинающему бизнесмену не с чего "стартовать", просто хорошему человеку банк ничего не даст, у него соответствующие инструкции. Кто-то может "прогореть", это нормально, но во всем мире существуют государственные формы страхования мелкого бизнеса. Наше государство же ничего не предпринимает в этом направлении и ничего не гарантирует. Сегодня серьезно помочь молодому предпринимателю банк не может. Я не знаю, авантюрист он или нет, насколько реальные его программы. У меня нет комплекта документов, на основании которых я бы мог его кредитовать. А государство ничего не гарантирует, не хочет взять часть риска на себя. Если бы оно компенсировало мне хотя бы 50 процентов в случае неудачи, я бы автоматически дал клиентам в два раза больше.

Опыт показывает, что сейчас из десяти зарегистрированных предприятий приступают к работе и выживают лишь три-четыре, но если бы банк имел возможность их поддержать, их стало бы значительно больше! Без законодательной поддержки государства, разумной налоговой политики и финансирования — этих "трех китов", у нас не будет ни развитой экономики, ни развитого бизнеса...

— Значит, денег все же не дадите?...

И.Н.: — Нет, не дам. Однозначно... Правда, если муниципалитет даст помещение, мы можем дать кредит на закупку оборудования, в случае чего, оно достанется банку. Это обычный лизинг.

— Тут намечается интересная линия создания муниципальных предприятий...

В.С.: — Создавать муниципальные предприятия, конечно, некоммерческие нам не запрещено. Тем более, что сейчас готовится новый закон о них. Что же касается того, что банк не может поддерживать тех, кому не доверяет власть: мы помогаем лишь тем, кто имеет конкретную программу. Тем, кто сам не знает, что делает, не может ничего гарантировать, помогать не имеет смысла.

В то же время надо отметить, что на сегодняшний день несовершенство принятых законов о местных властях не способствует стремлению предприятий вкладывать деньги в инфраструктуру муниципального округа. Дело в том, что лишь два процента средств, отпущенных на благотворительные и иные социально значимые цели из прибыли предприятия, не облагаются налогом. Все остальное проходит через это сито дважды. Как бы ни хотел предприниматель помочь, ему трудно пройти через "игольное ушко" законодательных премудростей. Поэтому совершенствование взаимодействия малого и среднего бизнеса и муниципалитета возможно при условии коррекции налоговой политики с учетом интересов регионов. Недавно, наконец, принят закон о статусе Москвы как столицы России. Сбалансировать интересы управляющих и управляемых не так просто, но эффект должен быть и будет обязательно, в том числе и в вопросах региональной политики.

— Да, но как бы не был совершен закон, выполнять его должны люди. Игорь Николаевич, как же определить, кому стоит доверять, а кому нет? Иногда идеально подготовленные документы прикрывают авантюрные проекты и незаконные сделки...

И.Н.: — Интуиция — это один из важнейших инструментов в работе банкира. Она, в конечном счете, базируется на здравом смысле, правильной оценке ситуации. Интуиция — это великое дело, а в деле банкира — это 30-40 процентов успеха.

— А остальные 70?...

И.Н.: — Это упорная работа, тщательный анализ. С девяти утра до девяти вечера. Дома меня видят пятнадцать минут за ужином, прежде чем я закрываюсь с пачкой документов в своем кабинете и работаю до глубокой ночи.

— Символ вашего банка — два ключа в изящном вензеле — появляется в самых неожиданных местах. Например, перед теле-

программой "Актеры и судьбы". Это очень необычно, что вас связывает с этой программой?

И.Н.: — Россия всегда отличалась от других стран своим менталитетом, в основе которого всегда была особая духовность, сочетавшая осознанную религиозность, стремление к нравственному совершенствованию и любовь к Отечеству. Заезженное слово "патриотизм" лишено нынче той теплоты, о которой с такой нежностью говорил Лев Николаевич Толстой. Нынешнее молодое поколение лишается своей духовной опоры, предпочитая "сникерс" русской классике.

Русское — это прекрасное кино, театр, уникальная в своем многообразии литература. В нашей театрално-артистической программе, в создании Фонда благодарности актерам, в передаче "Актеры и судьбы", которую мы спонсируем в рамках совместного проекта со студией кинопрограмм "Останкино", ищем возможность возродить и показать сегодняшнему поколению истоки российской духовности.

В истории России были не только революции и войны, в ней были высочайшие достижения гениев и, обидная жизнь простых людей, которая иногда скрашивалась "Кубанскими казаками", "Парнем из нашего города", фильмом "Летя жувавли"... Программа "Актеры и судьбы" показывает фильмы и актеров, которые стали легендой. Мы попытались объединить их и заодно помочь материально. Наша передача стала стимулом к тому, что их вспомнили. Так, после нашей передачи народному артисту Николаю Крючкову, нашему патриарху кино, президент назначил пожизненную пенсию.

— В Капотне, где еще дымят газовые факелы, отравляя жизнь вашим соседям в Люблино, вы помогаете возрождению храма, который еще недавно был в руинах... Дело медленно, но движется вперед. Не так просто отстраивать разрушенное. Это касается прежде всего человека, его духовных и светских обязанностей.

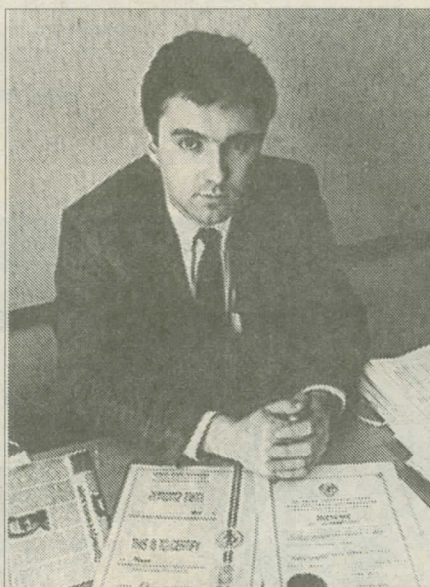
И.Н.: — Прежде всего человек должен иметь право свободного выбора, если его просто кормить в клетке, он перестанет быть личностью. Важно помочь простым людям не потерять свое лицо, дать им возможность пережить это бурное время. Мы должны выйти из современных трудностей, сохранив свой истинный менталитет.

Только в нормальном цивилизованном обществе могут процветать банк, бизнес, экономика в целом.

Беседу вела
Маргарита БЫЧКОВА

«МААР» ОБЕСПЕЧИТ ВАС БЕСПЕРЕБОЙНЫМ ПИТАНИЕМ

На рынке электронной техники безраздельно господствует импортное оборудование. И «протиснуться» отечественным разработкам, казалось бы, шансов мало. Да и желающих заниматься этим, на первый взгляд малоходным делом не так уж и много. Большинство фирм занялись «отверточной сборкой» или же просто продают привезенные готовые изделия, не всегда при этом обеспечивая гарантийное обслуживание. А существующим отечественным конкурентоспособным разработкам приходится завоевывать себе «место под солнцем». Одна из немногих фирм, помогающая им в этом, — фирма «Маар», о которой мы уже писали год назад. Спустя год мы вновь беседуем с ее директором Олегом Вячеславовичем МАКСИМОВЫМ.

— Олег Вячеславович, год назад вы говорили, что при том риске, с которым связано продвижение на рынок отечественной техники, существует вероятность того, что в общем потоке можно набрести на «золотую жилу», которая окупит все затраты. Удалось ли вам ее найти?

— Весь этот год мы пропускали через себя информационный поток об отечественных разработках и остановились пока на одном перспективном, по нашему мнению, направлении, связанном с источниками бесперебойного питания и стабилизаторами напряжения для прецизионной техники. Дело в том, что конверсионные заводы выпускают вполне кондиционную силовую электронную технику, способную составить достойную конкуренцию импортной. Источники бесперебойного питания производят ряд конверсионных заводов в разных городах России. Например, источники, которые мы сейчас продаем, производят в Казани, Белгороде, Москве... Кроме источников бесперебойного питания мы продаем стабилизаторы напряжения. Несмотря на уникальность данной разработки, вряд ли без нашего участия в ее реализации и, что самое главное, без наших постоянных финансовых вливаний завод сохранил бы запас сил и терпения, необходи-

мый для продвижения новой техники на наш нестабильный рынок.

— А для чего вообще нужны источники бесперебойного питания и стабилизаторы напряжения?

— Если вы имеете дело с базами данных, особенно в банковских сетях, то даже единичный сбой в энергопитании может обойтись очень дорого. Поэтому во всем мире, и мы не являемся в этом исключением, под серверы сетей ставят источники со встроенными аккумуляторами. Даже если случится авария на электростанции — ваши данные будут сохранены. В некоторые аппараты мы ставим по желанию заказчика так называемые автофинишные платы, запоминающие в случае отключения питания содержание оперативной памяти и сбрасывающие эти данные на диск. Стабилизаторы же питания защитят ваш компьютер от случайных выбросов напряжения до 300 вольт, электрических шумов и случайных помех. Например, ваш компьютер сможет спокойно работать, даже если в соседнем помещении ведутся электросварочные работы.

— И кто ваш основной потребитель?

— Пока в основном коммерческие

банки. Например, потребность Сбербанка только Московской области в наших приборах, по подсчетам специалистов Сбербанка, составила 900 стабилизаторов напряжения и около тысячи источников бесперебойного питания.

— Попадают ли в ваше поле зрения другие серьезные разработки и приборы, готовые к реализации заказчиком в ближайшем будущем?

— К сожалению, очень мало. И причины этому, на мой взгляд, следующие. В условиях экономической нестабильности и высоких темпов инфляции производитель заботится больше не о финансировании своих собственных разработок, а о спасении денег от инфляции. Если проследить зависимость объемов продаж отечественной и импортной техники у нас в фирме от курса доллара на валютной бирже, то можно уловить следующую закономерность: пик продаж отечественной техники приходится на конец более или менее заметного периода стабилизации курса. При этом покупатель руководствуется критерием необходимости для работы. Как только начинается резкий рост курса — покупки приобретают антиинфляционный характер. Закупается оборудование, которое не очень нужно, но которое всегда можно продать. Поэтому пока и не следует ожидать потока разработок.

— Сильна ли конкуренция на рынке продаж источников питания?

— Здесь она на один-два порядка ниже, чем в торговле компьютерами. Но наши преимущества — в налаженном маркетинге и связях с разработчиками и производителями.

— А с чем вы связываете свои перспективы развития?

— С экспортом этих аппаратов. В январе мы вступили в Ассоциацию новых предпринимателей при Федерации торговых палат Израиля, и специалисты Федерации положительно оценивают перспективы как импорта источников и стабилизаторов, так и организацию сборки этих приборов в Израиле.

Видимо, это будет первая страна, куда мы сможем экспортировать наше оборудование. А оттуда будем привозить продукты питания.

Я считаю, что только организации, наладившие, помимо получающегося сейчас без особых усилий импорта, экспорт технологичной продукции, смогут выжить через несколько лет и успешно развиваться. Российские товары могут быть не хуже зарубежных, но для этого требуется еще много лет работы. И мы вносим свой посильный и не такой уж малый вклад в этот труд.

Вадим КАНТОР

Адрес: 107113, Москва, ул. Русаковская, д. 23-а.
Телефоны: 264-68-89, 264-91-16.

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

**Выставка Т.Ломакиной
Редакция журнала
«Декоративное
искусство»**

Рада сообщить: журнал «ДИ» скорее жив, чем мертв. Готов толстый номер за первое полугодие, собраны материалы на будущее. О трудностях и скандалах умолчу, тем более что процесс только что пошел и пока неизвестно, когда закончится. К счастью, все пертурбации не уничтожили чудесную традицию уютных журнальных вернисажей. На сей раз в маленьком зальчике, откуда открывается вид на Тверскую, суета которой кажется еще бессмысленней с этой (во всех смыслах) высоты, была представлена скульптор Татьяна Ломакина. Она поразила даже искушенных профессионалов «ДИ» легким владением мелкой и крупной пластикой, «мужской» и «женской» манерами, самыми разными стилями, направлениями, материалами от «легкого» гипса до «тяжелого» бронзового литья. Плюс к этому — любые мыслимые темы: социальные сатиры, религиозные откровения, романтические сны, озорные фантазии. Полное впечатление, что выставка сделана группой профессионалов — столь она разнообразна.

«Откуда они берутся — такие, эти молодцы? — недоумевает Ада Сафарова, редактор-координатор «ДИ». — Раньше мы следили за творческим ростом художника, меняющегося от выставки к выставке. Ломакина и еще несколько ее коллег-ровесников приходят к публике уже сложившимися мастерами, которым осталось развиваться только в игре с темами и материалами. У меня нет никакого объяснения этому феномену. Может быть, дело в возможности видеть, ездить? Или это раннее взросление и незакомплексованность — следствия нынешнего воздуха свободы...» Что ж, когда-то «ДИ» давал нам, закомплексованным, раз в месяц глотнуть свободы. И так хотелось бы верить, что журнал не захлебнется в новой кислородной среде, а

научится дышать в ней так же легко, как молодая художница, которая сейчас выставлена в его ателье.

Марина КАМИНАРСКАЯ

ЛОПНУЛО — ТАК ПОЧИНЯТ

**«Горячее сердце»
Театр сатиры,
реж. В.Плучек**

Под сенью то ли заката, то ли восхода, то ли пожара, то ли кровавой реки, то ли просто вставки в ситцевом

Сцена из спектакля

пейзаже, сочиненном для спектакля художником В.Левенталем, однако под чем-то, очень напоминающим красное знамя, узнается, что становление буржуазии прошлого века не слишком отличалось от нынешнего. Кроме того, оказывается, что помимо Г.Менглетта, С.Мишулина и Р.Ткачука, конечно же, занятых в постановке, в Театре сатиры есть много других хороших актеров. Обнаруживается также, что А.Н.Островский писал действительно смешные комедии. И как это прежде умудрялись превращать классику в непереносимое занудство? Не модернизируя пьесу, режиссер, тем не менее, отказывается от стереотипа изображать купцов непременно устрашающими монстрами. Он справедливо замечает, что пышный богатей, который куражится, не находя

применения внезапным деньгам, смешон точно так же, как любой другой сильно выпивший человек. Что касается алой полосы расколовшегося надвое неба (центральному персонажу то и дело кажется, будто оно валится, грозя немедленным светопреставлением), театр, похоже, относится к такому пророчеству с оптимизмом другого героя пьесы: «Да я-то что, астроном, что ли? Лопнуло — так и починают».

Нина ТИХОНОВА

ЖЕНСКАЯ ПРЯМАЯ (РЕЦЕНЗИЯ)

**«Мужской зигзаг»
«Ирка-фильм»,
реж. Ю.Рогозин**

Все милые и, как теперь принято говорить, продвинутые люди делятся на две основные категории: глупышек и умнюшек. Глупышки сладостные, у них «легкое дыхание», они ужасно начитанны, порой энциклопедичны. Они любят вспоминать писателя Пруста, как у него с женщинами отношения не складывались. И не только из-за астмы, а еще и из-за того, что он пока на квартиру к потенциальной возлюбленной едет, так переживает, что ВСЕ к приезду и переживет, а возлюбленной ничего не достанется. Словом, глупышки очень понимают писателя, потому что они

тоже УМНО ДУМАЮТ. Умнюшки другие. Они тоже Пруста не дураки почитать, но нравятся женщинам. Они любят советоваться с глупышками, но сами покрепче будут: пока глупышки умно думают, умнюшки УМНО ЖИВУТ. В одном, даже самом распрекрасном человеке, свойства умнюшек и глупышек не сосредоточиваются никогда. Если сосредоточились — знайте, вы имеете дело с феноменом. И смело идите смотреть фильм «Мужской зигзаг» одного из таких феноменов — режиссера Ю.Рогозина. «Зигзаг» наивен, романтичен и подростково всезнающ. Глупышка! Но это история о сложных отношениях мужички-полумальчика (Мих. Ефремов) с любимой, в сущности, женой-полудевочкой (Е.Добровольская) после того, как тот столь неумеренно самоутверждался излюбленным мужским способом на стороне, что утратил на время свои мужские способности. Витиевато формулирую, а смысл такой: не все коту масленица, можно потерять потенцию. В фильме при этом аккуратно соблюдена доля условности и нет никакого поучения остальным «котам», пользующимся пока благоприятствованием «масленицы». И это в нем — в фильме и его создателе — от умнюшки. Кроме того, фильм душевен: сколько наболевшего, родного, семейно-супружеского вкладывают в свои роли супругов супруги Ефремов и Добровольская! Не исключено, что на экране разворачивается, кроме сюжета, и сюжет личной жизни актерской четы. Эта душевность «Зигзага» — от глупышки. А то, что режиссер умно употребил наболевшее в актерах на пользу персонажам и фильму, — это от умнюшки. Берясь за столь амбивалентный (т.е. склизкий) предмет, как «идентификация мужчины» (так сказал бы Антониони, и это во мне говорит глупышка), режиссер ни разу не оступился в пошлость и обошелся ироническими улыбочками, избежав ухмылок.

ВСЕ МЫ — ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

С поэтом Наумом КОРЖАВИНЫМ беседует корреспондент «Столицы» Александр НИКОЛАЕВ

— Наум Моисеевич, позвольте прежде всего поздравить вас с выходом в Москве вашего сборника «Время дано».

— Спасибо, для меня этот сборник очень важен, поскольку, по-настоящему, это моя первая книга, то есть — целиком сделанная так, как бы мне хотелось.

— Вы много печтаетесь на Западе?

— Раньше — да, в «Гранях», в «Континенте», в кое-каких газетах. А сейчас перестал — только в России.

— Вам нужна реакция читателей здесь?

— Конечно.

— Но есть ли она? Ведь в последние годы общим местом стали жалобы на снижение былого ажиотажа вокруг как литературы, так и фигуры писателя.

— И слава Богу, что отпала часть людей, у которых этот интерес был ложным. А настоящий интерес к литературе в России существовал всегда и абсолютно не был связан с политической, как многие представляют. Помоему, ничего не изменилось, просто сейчас слишком большую активность стали развивать творческие импотенты, ни жизни не чувствующие, ни других людей. Именно они и кричат, что литература кончилась, это они не начинались. Ерунда все это, лишь бы была Россия: уцелеет она — уцелеет и литература.

— Какая причина была для вас самой главной, когда вы решились уехать? И как сегодня вы оцениваете свое тогдашнее состояние и свое решение?

— Точно так же, как и тогда. Тошно было, противно, стыдно за каждый шаг. Обстановка лжи — она ж физически действовала, я, например, не мог слышать дикторов — не только то, что они несли, а даже просто их голоса.

Было острое чувство безысходности... Мне ведь было уже сорок восемь лет. Не думал, что буду жить так долго...

— Весьма распространенный вариант «внутренней эмиграции» — почему он для вас оказался неприемлемым?

— Да, скажем, Булат оставался и писал, но у него характер другой — умеет отгородиться. Я его очень люблю и путь его уважаю. И вообще считаю, что оставаться было гораздо лучше. Но я не мог — буквально лез на стенку!

— Я об этом спросил не случайно, ибо довольно часто в высказываниях тех, кто уехал, сквозит некое неуважение к оставшимся.

— Вечное наше стремление обобщать и уходить от личных решений. Способов не думать и ни за что не отвечать множество, и люди часто их выбирают. Кто из нас замаран, а кто нет? Вот детей посылали воевать

в Афганистан, от того, что я там сидел, — разве моя вина была меньше? С другой стороны, есть немало тех, кто гордится тем, что оставался здесь. Но чем вы гордитесь? Вы что, останавливали поезда, которые везли мальчиков на фронт?

Я уважаю всех, кто, где бы он ни находился, делал свое дело, кто сумел это сделать. И повторяю: лучше его было делать здесь, а не там.

Вот нередко говорят: ах, какой патриот Лимонов! А я был на одной встрече в Лос-Анджелесе, когда он и еще некоторые утверждали, что истинно русская литература на сегодня — это эмигрантская. Они явно ощущали себя первыми парнями на той деревне. Им это казалось весьма убедительным и крайне лестным.

А мне ничего подобного никогда не хотелось. И Галичу, и Некрасову, и Максимова, и даже Синявскому, хотя он принадлежит к литераторам другого рода. Третья волна эмиграции отдельным культурным явлением быть не могла и, к счастью, не стала. Вот, допустим, Виктор Некрасов. Оказавшись там, он увидел разные страны и вообще очень многое, но он не стал другим Некрасовым. И я, если и начал писать о случившемся со мной там, все равно это был я.

— А опыт эмигрантской жизни?

— Что ж, у меня он очень тяжелый. Могу только сказать — вещь существующая, но не больше. Все-таки есть

опыт всей жизни в целом. Вот поэтому, как мне кажется, все, что там старалось быть отдельным, в результате оказалось неплодотворным.

— **Вы, несомненно, виделись с представителями двух первых «волн» эмиграции...**

— Конечно. Между ними есть заметная разница. Например, люди «первой волны», они как бы «очень высокие». Хотя и все разные, это теперь кажется, что были сплошные «бердыевы». Неверно и то, что «вторая волна» в основном предатели и фашисты. Вот есть у меня друг Федор Самоделов, ему уже под восемьдесят. Из раскулаченных, но — повезло, закончил техникум, работал. Посадили его за отказ стать стукачом. Сидел в лагере в Монголии, удалось бежать. Чудом добрался до родных мест — какая-то женщина накормила, ничего не спросив, командант станции дал чужой военный билет... По тому билету отправился на фронт, попал в плен под Воронежем. Потом — армия Власова. Живет теперь в Америке, переживает за все, что происходит здесь, да еще как. Чудесный, знаете, человек, весь светится.

— **Когда вы приезжаете, у вас не бывает чувства, что оттуда наша жизнь видится в несколько кривом зеркале?**

— Нет. У нас ведь никогда не было глухого разрыва с Россией. «Железный занавес» был дырявым, приезжали какие-то люди, привозили книги, знакомые американцы туда-сюда ездили. «Время» смотрели. Теперь газеты стали выписывать. Я выписываю «Московские новости», хотел бы еще и «Известия», но очень дорого. Так что, когда приехал впервые, а случилось это через пятнадцать лет, то не было у меня чувства, что я чего-то не понимаю.

Зато теперь вдруг сознаю, что понимаю происходящее все меньше и меньше. По-моему, в таком состоянии пребывает большинство — слишком быстро меняются обстоятельства.

— **Ваши ощущения, если вы их помните, в момент первого приезда на родину?**

— Помню прекрасно: аэропорт, меня должны встретить и проводить — я ведь очень плохо вижу. Состояние некоторой растерянности. И вдруг рядом слышу: «А пошли они все на...» Комок к горлу подкатил: дома!

— **Сегодня многие уезжают в поисках внутренней свободы...**

— Совершенно бессмысленно. Допустим, что при Сталине лишенный информации человек мог нести ахиною, противоречащую всей его сущности. Однако даже в те времена, когда в Москве жил я, у мыслящего человека была возможность для внутрен-

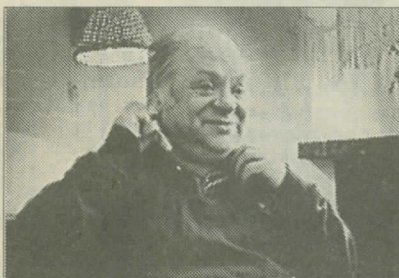
ней свободы. Я ее имел, сохранил ее и на Западе, хотя это было столь же трудно, как и здесь.

Вообще-то я терпеть не могу болтовни о том, что главное — внутренняя свобода, а остальное — чепуха. А если тебя через «трамвай пропустят»? Есть такое блатное выражение, означающее групповое изнасилование. Что после этого будет значить твоя «внутренняя свобода»? Так что внешняя свобода — фактор очень серьезный, хотя свободы внутренней он, конечно, не гарантирует.

— **Какие из расхожих мнений об Америке вас коробят, может быть, пугают?**

— Немного пугают разговоры о ее притязаниях на мировое господство. Как ни странно, внутренняя мечта Америки — быть провинциальной страной. Она ведь так и создавалась — туда бежали люди от всех европейских проблем. Но эти проблемы достали их и там, поэтому страна оказалась втянутой и в первую, и во вторую мировые войны. Но американцы воевать не хотят, погибать не хотят, они желают получать зарплату, иметь дом, выпивать и закусывать, да и то осторожно, чтобы не повредить своему здоровью. И их внешняя политика обслуживает лишь реальные интересы жизни народа, страны. Тогда как у нас она долго обслуживала непонятно что, какой-нибудь III Интернационал. А вот Столыпин воевать не хотел, его это совсем не унижало. Наши же без войны чувствовали себя униженными и всем жить мешали, все бесчеловечные режимы поддерживали, зато все знали, что наши импенты самые сильные. Правда, до тех пор, пока не полезли в Афганистан.

— **Ваше отношение к Америке, американцам?**

— Условия жизни, конечно, разумные, хотя глупостей — ого-го... Много страшного.

Народ в основной массе очень хороший, симпатичный. Если ты почему-либо остановился на улице или у тебя что-то с машиной, то обязательно тут же подойдет: чем я могу помочь? Но в то же время сталкиваешься в некоторых случаях и с другим: ваши проблемы — это только ваши проблемы. Не любят они ситуаций, когда трудно или невозможно помочь. Но, тем не менее, все-таки что-нибудь сделать стараются.

Есть в Америке слой очень высокой интеллигенции, образованной, острой. У нас она как-то раньше не простраивалась — одни ведь либералы приезжали. А это люди консервативного толка. С другой стороны — масса псевдоинтеллигенции, вот ее не люблю.

Что еще? Крепко в сознании сидит уважение к закону. Более того, для американцев закон не есть что-то отдельное от них. Закон — это они сами, то есть у них у всех существует как бы взаимная договоренность чего-то не делать, а если какая-то из сторон эту договоренность нарушает — это и есть идти против закона.

А у нас как? В сознании заложено: закон — это нечто отдельное от меня, и моя задача (причем у всех — от начальства до простого человека) — его обойти. Вот и сидят повсюду злоумышленники, и каждый свою гайку выворачивает. Я вообще считаю, что наш век — век злоумышленников, мелких и крупных. Каждый выворачивал гайку. Человечество, между тем, шло в прах, страна катилась в пропасть, а ему гайка нужна была для грузила...

— **Сегодня стоит вопрос о сильной власти. Вы — за?**

— Любое государство должно быть государством. И при этом надо понимать одно — фашисты приходят тогда, когда остальные не могут обеспечить порядок. Правда, я не убежден, что в нашей сегодняшней ситуации и фашисты сумеют его навести.

Наш народ умеет работать, насчет лодырей это все чепуха, но он давно выжидает: а зачем работать? Человек должен зарабатывать, это нормально, но непонятно как, непонятно зачем. И промышленность должна зарабатывать. А у нас она долгое время была вне экономики. Я вот, например; с самого начала был противником Гайдара. Все мои друзья — за, а я — нет.

— **Почему так?**

— Когда я начинал, его теоретическая посылка была неверной. Он — последователь хорошей школы, но следует ей слишком школярски. К то-

му же он пошел по линии наименьшего сопротивления. Надо было сразу вводить частную собственность.

— **Но он действовал в пределах тех условий, в которые его поставили.**

— Если он глава правительства, то он должен был сразу отказаться от того, что ему предлагалось: строить третий этаж, когда нет фундамента и двух первых. Он что, думал, что недостающее приплюсуется? Не приплюсовалось. А в итоге — колоссальный шок, компрометация в глазах людей и демократии, и рынка. Но и когда его снимали, я был тоже против.

— **Вы считаете, что дела плохи?**

— Я не люблю выступать с пессимистическими речами. Не имея никаких реальных планов (а у меня их нет), говорить людям, что вы все равнодохнете, что все это фатально, — просто кощунственно. Более того, почему-то все, а я знаю многих из этих людей, произносят это таким тоном, как будто сами не находятся внутри, как будто страна летит к черту, а они со стороны за этим наблюдают.

Теперьшняя ситуация меня очень пугает. Люди устали, их понять можно, а безответственность интеллигенции просто претит.

— **Что вы имеете в виду?**

— Обвинение, если так можно сказать, у меня одно — нет у нее разговора с людьми, не занимается она всерьез разъяснительной работой. Идет постоянный междусобойчик. И не имеет она никаких программ, кроме как расширить свободу слова за счет печатания сочинений Баркова, например.

Или, вот, телевидение. Да, в первые годы перестройки оно было самым интересным в мире. А теперь что? К тому же стали голые задницы показывать, а в России этого делать никак нельзя.

— ?

— Просто это противоречит характеру народа. У нас есть скабрзность, свинство и многое такое. Но литература, телевидение — тут требуется некое благолепие, иначе ощущение непорядка.

Мне бы хотелось, чтобы в наступающие трудные времена люди оставались верны себе, своему культурному значению, в том смысле, как говорил в своей «Пушкинской речи» Блок. Чтобы перекликались с Пушкиным, чтобы помнили всегда, что мы за

страна. И чтобы не позволяли разного рода гаврикам устраивать интеллектуальный твист. Терпеть этого не могу.

— **Ваше отношение к проблеме поколений, которая сейчас довольно активно обсуждается.**

— Я поколенческую войну не веду, тем более с будущим — это нелепо и патологично. Могу, однако, сказать, что недавно был у меня вечер в Музее Маяковского, какие-то девочки и мальчики подходили брать автографы. И я тогда вдруг подумал, что с ними у меня куда больше общего, чем с людьми постарше, теми, чье становление пришлось на эпоху застоя. По-моему, тогда произошла страшная вещь, а именно — кардинальная сме-

на поколений. Пришло поколение, которое решительно сказало: «В гробу мы все это видели, мы просто хотим жить». Но жить-то было негде... Конечно, в поколении «дворников и сторожей» есть содержательные люди, но оно отмечено своим конформизмом, а сторожки, как оказалось на поверку сейчас, когда можно обнародовать сделанное, были своего рода башнями из слоновой кости, созданными в то время, когда страна катилась в пропасть. Ну и что они там высидели? Выяснилось, что большинство сидело в котельных зря. Теперь они, разумеется, озлоблены.

— **Вы хотите вернуться? Теперь то не так тошно.**

— Не точно, хотя не знаю, что будет.

— **Поворот назад?**

— Назад повернуть нельзя: это место утонуло, как Атлантида. Оно было искусственным. Конечно, его поклонники остались, и они будут периодически снаряжать туда экспедиции. А они разрушители и могут все разрушить так, как ни один Гайдар не разрушит. Но все это не так важно.

Возвращение почти нереально для меня по другим причинам. Мне 67 лет, а нужно начинать все с площадки. Квартиру мне никто не даст. На покупку ее денег нет и быть не могло — я ведь там получаю только пособие по инвалидности, а не пенсию (ее вполне хватало бы на жизнь здесь). Размер пособия зависит от зарплаты жены, но она постоянной работы не имеет. Но, как бы то ни было, я считаю, что мы все — одна страна, все у нас общее, и, если говорить серьезно, то все мы — товарищи по несчастью.

Фото Э.Кудрявицкого

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

ДОХОДЫ И ВАМ, И ВАШИМ ВНУКАМ!

Крупнейший чековый инвестиционный фонд «МММ»-ИНВЕСТ, имеющий лицензию Государственного имущества России, предлагает АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ ЗА РУБЛИ ИЛИ ВАУЧЕРЫ.

**ФОРМИРУЕМЫЙ УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ
ФОНДА — 2 МИЛЛИАРДА РУБЛЕЙ**

Один приватизационный чек обменивается на 10 акций номинальной стоимостью 1000 рублей каждая.

«МММ»-ИНВЕСТ вкладывает средства в перспективные высокорентабельные приватизированные предприятия нефтегазодобывающей, нефтехимической, электронной, пищевой промышленности, в предприятия по добыче драгоценных металлов, производства средств связи и др.

АКЦИИ «МММ»-ИНВЕСТ СДЕЛАЮТ ВАС СОБЛАДЕЛЬЦЕМ ПРИВАТИЗИРОВАННОЙ СОБСТВЕННОСТИ РОССИИ!

Акции «МММ»-ИНВЕСТ приобретаются как частными, так и юридическими лицами по следующим адресам:

Хрущевский пер., д. 1/14а. Метро «Кропоткинская» (рядом).

С 9.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

Варшавское шоссе, д. 26. Метро «Нагатинская» (рядом).

С 9.00 до 19.30 (с понедельника по пятницу);

С 9.00 до 18.00 (в субботу).

Выходной день — воскресенье.

Пл. Революции, д. 2 (музей В.И. Ленина, 3-й этаж). Метро «Пл. Революции» (рядом).

С 9.30 до 17.00, кроме воскресенья и понедельника.

По этим же адресам вы можете ознакомиться с проспектом эмиссии акций «МММ»-ИНВЕСТ».

Тел./факс: 111-31-22; 202-49-06

Вильям МЕЙЛАНД

ПСЕВДЁЖ,

или Арт-бизнес по-советски

Заграница нам поможет...

Остап Бендер

В том, что современное искусство нынче дорого, советский широкий зритель окончательно убедился в июле 1988 года в ходе аукциона «Сотби». Наиболее же потрясенной частью населения оказались, конечно, сами художники. Некоторые из них буквально впали в прострацию и до сих пор не могут взять в толк, почему так дорого заплатили за «мазню» и «фокусы» наших «недоучек». Не заживает боль в сердцах застойных лидеров, долгие счастливые годы закупавших и награждавших самих себя.

Но если, с одной стороны, преобладают растерянность и раздражение, то с другой — вне зависимости от возраста и осознанной или неосознанной творческой потенции — фонтирует какое-то нездоровое возбуждение. По аналогии с одним медицинским термином я определил бы его как «бешенство мэтра». И если в конце 80-х годов это бешенство еще как-то поощрялось извне, то в начале наступивших 90-х мэтры явно оказались в странной паузе — между подо-

рожавшей колбасой и непредъявленным долларом. А стало быть, пора бы успокоиться, налечь на кисть и резец и обеспечить выпуск если не конвертируемого, то хотя бы добротного художника. Но тут как назло новая напасть — деревянные наши рубли совсем утратили свою былую привлекательность. Поэтому мэтры если что-то и продают, то требуют за это мешками. Так что бешенство продолжается. Примером тому хотя бы такое сборное художественное действо, как АРТ МИФ — попытка художественного пира во время экономической чумы.

Манеж! Престиж! Париж! А на деле — единственно возможный в нашей ситуации парад дилетантов, желающих по-быстрому приобщиться к мудреной сфере арт-бизнеса.

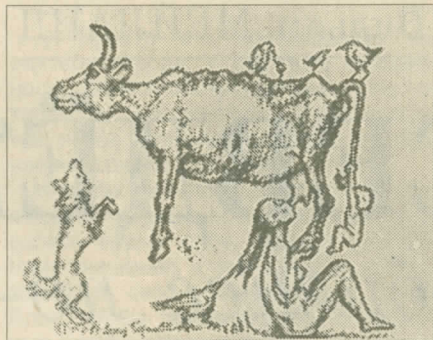
На 1993 год запланирован уже третий АРТ МИФ. Кто доживет и не обанкротится на общемировом фоне падения интереса к современному искусству, кто найдет очередных спонсоров, тот и поучаствует в тусовке. Надо только олимпийский лозунг на Манеже укрепить: «Главное не результат, а участие».

Что же до будничной мирной жизни галерей, размножающихся как головастики в весенней воде, то тут все подернуто романти-

ческим флером таинственности. На Диком Западе все ясно — обанкротившиеся галереи исчезают или переходят к новым владельцам. Наши же демонстрируют завидную непотопляемость и функционируют в том числе благодаря хитроумным банковским комбинациям и пр. В частности, замоскворецкая галерея «Арт Модерн» дошла до такого невиданного уровня процветания, что каждый год ДАРИТ свои коллекции городу и миру. Сначала — городу Москве аж на 1 (один) миллион долларов с громким оповещением в печати и по ТВ, затем — дружественной Испании. А в начале 1992 года подарки и вовсе посыпались как из рога изобилия — председателю комиссии ЕЭС, дипломатам разных стран. Поначалу я надеялся, что однажды подаренное городу Москве и хранящееся до поры в ордынских недрах не перешло «безвозмездно, то есть даром», как говорила героиня мультфильма, в иностранные собрания. Печальные свидетельства самих художников говорят о том, что надежды эти не оправдались. Дареное, оказывается, можно передарить и по новой оповестить мир о купеческой замоскворецкой щедрости. Поэтому теперь, когда я слышу, что та

Вернисаж в галерее «Арт Модерн». 1990 г.

Пропавшие графические листы
Леонида Берлина

или иная галерея обзавелась «музейным фондом» и жаждет передать его в гипотетический всемосковский или всероссийский «Музей современного искусства», то я, как Станиславский, «не верю!». Не потрафят купцу-галеристу в высоких инстанциях, не освободят после «даров» городу от налогов и пошлин, и он тотчас передумает обзаводиться «музеем». И плевать ему на то, что художники отдавали свои лучшие работы «не на продажу, а в музей». В церкви Иверской Божьей Матери, где размещается «Арт Модерн», не до этики с эстетикой, когда раздается приятный гул иностранных голосов, звон бокалов и шелест «зеленых».

Изверившиеся в бывшем творческом Союзе и не слишком доверяющие галереям и любым новым образованиям художники часто действуют сегодня на свой страх и риск, поодиночке и группами.

1988 год. Свежее советско-германское СП «Диамекс Интернэшнл», возглавляемое уважаемым господином О.Таировым с нашей стороны и незримой потусторонней немецкой частью, решило провести выставку-продажу аж в самом Международном торговом центре на Красной Пресне. Причем не в каких-нибудь периферийных малых помещениях, а в тех самых залах, где проходил аукцион «Сотби». Таиров и его молодой «советник по культуре» Е.Нечиненный обратились через знакомых художников к двум московским искусствоведам. Последние, не

избалованные вниманием подобных организаций, с энтузиазмом собрали необходимую по количеству и качеству коллекцию. Прослышав о достоинствах попавших к ним в руки произведений, господа из «Диамекса» решили не упустить шанс и пожелали провести еще один эффектный аукцион. Пышного банкета на открытии и присутствия случившегося на ту пору в Москве Э.Нахамкина (США) им показалось более чем достаточным для успеха. В результате аукцион был провален, что называется, на корню. Организаторы умудрились не сообщить потенциальным покупателям даже стартовые цены...

Нечто весьма похожее произошло в 1991 году. И опять по шаблону дело возглавили шустрые бизнесмены-комсомольцы. Только вместо неведомого миру худснца Нечиненного был дизайнер-комсомолец А.Долгих.

Вместе с новообразованной компанией «Московия-Инвест» (директор А.Сомов из бывшего ЦК ВЛКСМ) они вознамерились осуществить коммерческую экспозицию советского и культурно-познавательную экспозицию русского искусства на выставке «Евроарт—91» в местечке Зинсхайм неподалеку от Штутгарта. В итоге четырехмесячная работа искусствоведов по собиранию коллекции и подготовке каталога оказалась никем не востребованной и не оплаченной. Выставка не состоялась. Все, как и в случае с «Диамексом», ограничилось банкетом-увертюрой и дипломатическими заверениями в полном поч-

тении к художественной обществу.

Есть в воздухе последнего пятилетия нечто такое, что располагает далеких от культуры вообще и изобразительного искусства в частности деляг всех сортов отчаянно рваться в арт-бизнес. Большинство из них по совковому неведению полагают, что их, как при любой банальной перепродаже, ждет быстрая нажива. В лучшем случае они слышаны о престижности меценатства и желают облагородить свои конторы «искусством». А посему вывод, хоть и запоздалый для всех вляпавшихся художников и искусствоведов: с комсомольцами (в широком смысле этого специфического понятия) и непрофессионалами лучше дела не иметь. Итог их действий неизменен — дискредитация любых идей и начинаний, обман и банкротство.

К сожалению, ненамного лучше идут дела у художников и тогда, когда они вступают в прямой контакт с искушенными представителями западного бизнеса. И в этих случаях почти всегда в тени просматриваются фигуры наших (часто бывших) отечественных посредников. Показательна в этом отношении французская эпопея московского художника Геннадия Трошкова. Попутал его черт (а точнее, М.Каневский, «прославившийся» строительством кооперативного дома на Малой Грузинской, 28) связаться с французским предпринимателем Жан-Клодом Москосви. Тот попробовал скупить пон-

равившиеся ему работы на корню по тысяче франков за «штуку искусства». Трошков отказался, и ему широким жестом предложили персональную выставку в Париже (!). С трудом получив расписку, что работы переданы для выставки, художник год (!) ждал каких-нибудь известий, пока, наконец, за свои деньги не отправился в Париж, где с трудом отыскал неуловимого Жан-Клода. Теперь делец уже не заводил речь о покупке работ, он милостиво готов был дать поиздержавшемуся в поездке художнику 1000 франков в долг. Итог эпопеи таков: 21 холст, 13 скульптур в бронзе и несколько десятков графических листов находятся сейчас во Франции в чужих руках. И это афера по своему масштабу всего лишь малый частный случай.

Побывав весной 1992 года в Оренбурге, я стал свидетелем эпического «французского набега» на нашу тихую российскую провинцию. Сначала были только слухи и отдельные устные рассказы. Затем я получил письмо от одного из пострадавших художников: «...Оказывается, даже прочитать контракт — дело сложное. Мне объяснила наша секретарь правления, что контракт является коммерческой тайной... И это несмотря на то, что я участник этой акции. Но, учитывая наши с ней хорошие отношения, она все же дала мне его прочитать под великим секретом. Тут, похоже, мудрят уже наши художники из руководства и те, кого они к себе приблизили. Их пьянит перспектива дружбы с французами. ...Занимается всем этим делом галерея «Артко» из Тулузы. Управляющие — Робер и Мийон (галерея «Отель Дру», город Бланьяк). С нашей стороны — банк или СП «Гостиный двор» и, естественно, город в лице председателя горсовета с личной печатью. В контракте стоит цифра 40 процентов в пользу французской стороны сразу после аукциона, а на словах и в разговорах с нами фигурирует цифра 60 процентов. В контракте нет пункта о том, что будет с работами, которые не продадут. На собрании французы сказали, что гарантируют 100 процентов продажи всего отобранного. На бумаге указано, что наш Союз обязуется предоставить 1000 работ, а реально отправлено 1400—1450. Валюта за проданные работы должна осесть в банке Бланьяка на имя председателя нашего Союза, но как ее получит каждый из нас, никто не знает. Говорят, что можно получить по доверенности председателя. Но это только в случае поездки туда. Кто же будет нас приглашать и заверять эту самую доверенность? Да и действительна ли она там? Вообще-то вся

наша братия настроена оптимистически. Многие учат французский. В провинции все держится на доверии и новинности!»

Читать письмо и слушать рассказы — одно, видеть же самих художников, в том числе и весьма преклонного возраста, у которых французские благодетели выгребли по 40, 50, а то и по 100 работ, — совсем другое. Растерянные, все еще на что-то надеющиеся, бережно перелистающие гляцевые страницы тонких французских каталожков... «Какая печать! Смотрите, а это вот моя работа...» Они гордятся, бедные. Еще бы — их заметила прекрасная Франция! Их десятилетиями никто не замечал, а тут тебе и каталог, и обещание что-то заплатить. Да что деньги! Это же кусочки славы! Дали чуть-чуть пожевать и спасибо. А про остальное — начальству виднее, оно и позаботится.

Когда я сказал знакомым художникам, что коллекционирую случаи подобных афер в арт-бизнесе, то даже не предполагал, что буду буквально завален различными вариантами больших и малых обманов. Екатерина Корнилова, например, рассказала про даму из Торонто, некую Марину Абони (увы, опять из бывших наших), которая, представляя «Москоу арт галлери», «задержала» по пять картин В.Брайнина, Д.Крымова, А.Чаругина, самой Е.Корниловой и некоторых других московских художников. Известный живописец Аркадий Петров поведал про неоамериканца Бориса Соркина из Бостона, который «хапнул 30 работ, отправленных туда нашим ВПХО им. Вучетица». Около ста графических листов московского скульптора Леонида Берлина уехали безвозвратно в Париж в «Арт-центр» некоего Антея Глиботы. Обманут своими и чужими красноярский художник Николай Рыбаков...

Закончить сей печальный кондуит я хочу почти лирическим повествованием о «бедной Лизе», она же гражданка Австрии Элизабет Глюкштайн. Эта обаятельная особа, неоднократно наведываясь в нашу страну, основательно уменьшила количество произведений в мастерских художников. Вынужденные обороняться, они передали мне любопытный документ — «Опыт сотрудничества с Элизабет Глюкштайн (Австрия)». В нем есть замечательные факты, в том числе присвоение Э.Глюкштайн 9 тысяч долларов, переданных ЮНЕСКО московским художникам за произведения, предоставленные на благотворительный аукцион «Художники Москвы — Чернобылю». Не вернула Элизабет с выставки в Австрии работы из галереи «Марс». Отказалась выполнять обязательства по изданию книги

«Третий путь» (издательство «Юнона»). Этот список могли бы основательно пополнить искусствоведы Ю.Никич, С.Джафарова, Б.Бродский, С.Ерлашова, семья 90-летнего художника И.Зейтмана и многие другие. «Бедная Лиза» успешно поработала в Москве, не без оснований предпочитая ее Африке, где сегодня уже не приобретешь ценные произведения искусства за стеклянные бусы. У нас же и бус не требуется. Достаточно нескольких очаровательных улыбок, туманных обещаний и хитро составленных документов.

Вспору начать издавать бюллетени-предупреждения, начиная каждый выпуск с фразы: «Господа художники и искусствоведы, внимание! К нам едет Иосиф Киблицкий из Дюссельдорфа (можно заменить любыми другими именами обманщиков), будьте осторожны!» Тут же можно перечислить и наши славные посреднические фирмы типа «Диамекса Интернэшнл», «Московии-Инвест» и т.д. Только в последнем случае, боюсь, будут трудности с бумагой, слишком велик этот перечень.

Почему они все так легко нас обманывают? Неужели уродливая жизнь сделала нас настолько убогими, что почти каждый приходящий извне комбинатор лишает нас воли и разума? Может быть, мы и впрямь сырые овцы, вступившие в злую эпоху дикого первоначального капитализма? А посему — приходите, господа, и володейте! Ни своих прав, ни ваших законов мы не знаем. Может, и есть где, по словам Е.Корниловой, «добрые и честные испанцы», но редок этот контингент на пространствах жадного до совковых овец международного арт-бизнеса.

Может быть, виной всему наше всегдашнее особое почтение к иностранному, сформировавшееся в долгие годы сидения за «железным занавесом»? В принципе, это чувство изначального доверия очень симпатично в нас. Мы готовы не за деньги, но за одно внимание отдать свое лучшее. Кроме того, мы слышаны про «честное слово предпринимателя», вызывающее у нас в памяти «честное купеческое слово». Не надо, мол, никаких бумаг и контрактов! Как можно не поверить улыбчивому господину, чье кристальное реноме досконально изучил тот или иной наш валютотлюбивый бывший соотечественник?

Художники! Искусствоведы! Сколько же можно? Окститесь!

**Издательство
«Экоцентр-ВНИРО»
предлагает
для оптовой и
розничной продажи:**

1. «Былинная Русь». Красочный комикс на темы сказаний о Древней Руси.
 2. Цветной фотоатлас «Мануальная терапия».
 3. Книжка-раскраска «Занимательный английский для малышей».
- Только оптом (не менее 500 экз.) предлагается книга «Молодой хозяйке в дом».

Скоро выйдут в свет следующие издания:

1. Д.Н. Степанов, В.М. Кочетов. «Морской аквариум».

Цветная иллюстрированная книга.

2. А. Пинтера. «Кошки, коты, котятка». Перевод с чешского.

Цветная иллюстрированная книга о содержании и разведении кошек в домашних условиях.

3. А. Полонский. «Рыбы в аквариумах и декоративных водоемах».

Цветная иллюстрированная книга о содержании и разведении аквариумных рыб.

4. Э. Гусарова, А. Мазовер.

«Если у вас есть собака».

Цветная иллюстрированная книга о породах собак, советы по уходу, содержанию и разведению.

5. В. Арефьев, Л. Лисовенко.

«Англо-русский толковый словарь генетических терминов».

Для студентов и преподавателей медико-биологических вузов, работников промышленности, с/х, переводчиков.

6. Г. Красильщиков.

«Французский язык в пословицах и поговорках».

Цветное иллюстрированное издание для обучения детей французскому языку.

Наш адрес: 107140, Москва, ул. В.Красносельская, 17.

Тел. 264-92-87.

Факс 264-91-87.

Издательство
«Экоцентр-ВНИРО»

НЕПОДУПНАЯ СТРАЖА

Охранные /промышленные/ телекамеры:

- ✓ работа в сумерках
- ✓ малые габариты (вплоть до размеров дверного глазка),
- ✓ высокое разрешение.

ЛЮБЫЕ ОХРАННЫЕ СИСТЕМЫ.

275-58-68

928-99-09

923-19-71

Вы хотите иметь хороший урожай овощных культур? Вы хотите иметь красивые, благоухающие ароматом цветы на своих клумбах? Звоните нам по телефону 272-67-22, и фирма «ЦВЕТЫ РОССИИ» поможет вам приобрести лучшие сорта семян овощных культур, посадочный материал, цветы горшечные в ассортименте, с/хозяйственную продукцию.

В торжественные и траурные дни фирма «ЦВЕТЫ РОССИИ» всегда с вами. Вам доставят на дом букеты цветов для невесты, бутоньер для жениха, выполнят аранжировку цветами свадебного стола, свадебной машины. Фирма выполнит ваши заказы на композицию с выражением соболезнования, оформление траурных ритуалов, обеспечит сопутствующими товарами. Только у нас вы получите квалифицированную консультацию по агротехнике, выращиванию цветочных, овощных, плодовых культур, а также по планировке участка под строительство и посадку. Садоводы смогут получить у нас агротехнические анализы почв, открытого грунта.

Звоните нам, и все цветы России будут ваши.

Фермерское хозяйство «ЦВЕТЫ РОССИИ»

ЭТО ВЫ МОЖЕТЕ НЕ ЧИТАТЬ!

Но тогда Вы не узнаете об уникальной возможности вложить деньги в строящиеся отдельные благоустроенные квартиры в Москве и коттеджи в ближнем Подмосковье, причем строительство производится по рекордно низким ценам, а по вкладу кроме того начисляются выгодные проценты. Эта возможность —

ЖИЛИЩНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»

Покупайте их в МП «Атрис» по адресу:
Москва, ул. Рогожский поселок, д. 3
(ст. м. «Марксистская»)
☎ 902-09-02, 489-05-53, 278-35-38.

Стас НАМИН:

«ШОУ-БИЗНЕС МНЕ НЕИНТЕРЕСЕН»

...В окна кабинета Стаса Намина виден кусочек ЦПКИО им. Горького, набережная. Но хозяин сидит к окну спиной. Пока мы разговариваем, рабочие то и дело вносят в комнату упакованные музыкальные инструменты, спрашивают, куда ставить. Анастас Алексеевич МИКОЯН (НАМИН) родился в 1951 году в Кремле, где жил его знаменитый дед и родители. Стас получил военное образование в Суворовском училище, потом закончил МГУ по специальности «литературоведение». Музыкой занялся в шестидесятые годы. В семидесятые руководил популярным коллективом «Цветы». В 1981 году организовал крупный фестиваль в Ереване, в 1986-м первым из советских рок-музыкантов выехал на гастроли в США, в 1987-м создал свой Музыкальный центр, который к 1991 году превратился в корпорацию «Эс-Эн-Си». Стас Намин женат, его дочери пятнадцать лет.

— Шоу-бизнесом я занимаюсь постольку-поскольку, довольно эпизодически. Что-то делаю сам лично, что-то делают те фирмы, которые я создал.

— Все эти фирмы связаны с шоу-бизнесом?

— Нет. Даже наоборот, только одна из них связана. А кроме всех этих фирм существуют еще я сам. И мне вовсе не обязательно активно участвовать в их работе. Я практически даже не знаю, что там происходит.

— И не интересуетесь?

— Как вам сказать... Интересуюсь иногда. Но у меня есть свои собственные увлечения, как у всякого нормального человека. Ну, например, могу уехать куда-нибудь искать клад. В каком-нибудь океане. И если меня в этот момент спросят, какая пластинка выходит на фирме грамзаписи, то, конечно, я ничего не отвечу.

— Анастас Алексеевич...

— Нет, просто Стас.

— Хорошо. Стас, скажите, пожалуйста, а как же ваша знаменитая радиостанция «Эс-Эн-Си»?

— Когда-то я был очень увлечен созданием радиостанции. Нетрудно объяснить, по каким причинам. Это была своего рода революционная деятельность, потому что вдруг рупор, который всю жизнь находился в коммунистических объятиях, попал вдруг в частные руки. Что хочешь — то и говори. А что касается превращения ее в коммерческую радиостанцию, то мне это даже не приходило в голову. Поэтому первые два года, что мы существовали, я просто запретил там рекламу. Сейчас вроде радиостанция снова возникает — ее ведь закрыли: какая-то комиссия по частотам. И если «Эс-Эн-Си» выйдет в эфир, я тоже не буду знать, что там происходит. Потому что мое личное увлечение прошло.

— Но ведь радиостанция называется вашими инициалами. Неужели вам совсем неинтересно?

— Интересно. Если она будет плохая, то, конечно, я вмешаюсь.

— А как вы узнаете, что там происходит?

— Ну вот вы придете и скажете

мне: «Что-то ваша радиостанция голову морочит». Но такого не может быть, потому что я очень ответственно отношусь к тем людям, которых я приглашаю на работу. Я просто пригласил людей примерно того уровня образованности, культуры, который мне кажется подходящим. И дальше они уже импровизировали.

— Скажите, а вы ведь наверняка имели возможность позвонить на «Эс-Эн-Си» и сказать: «Поздравьте сегодня мою жену с днем рождения».

— Да, или любовницу...

— Предположим...

— Вашу (смеется). Вы знаете, это чисто коммунистический вопрос. Потому что у нас в стране люди не привыкли к тому, что можно иметь что-то в собственности. Да, теоретически я мог это сделать, поскольку это была частная радиостанция.

— Если на «Эс-Эн-Си» не было рекламы, то за счет чего она существовала?

— За счет моих денег. За счет меценатства. Мы не имели никаких партнеров, никаких дотаций, никаких кредитов. Я вообще ни разу в жизни не брал кредитов. Поэтому возникла такая странная ситуация, которую я и сам, честно говоря, объяснить не могу: откуда ж деньги брались? Из «тумбочки», что ли? Нет. «Тумбочки», к сожалению, не было. В принципе, начиналось все не с денег. Сейчас все считают, что нужны обязательно вложения, чтоб начать, а мне всегда казалось, что надо, наоборот, начать, а потом уже делать вложения.

— Куда пропала ваша программа с телевидения?

— Есть какие-то силы, которые борются с нами, и они взяли и остановили программу... Так же, как и радиостанцию. Административным приемом, разрушив все наши контракты, принесли нам огромные убытки...

— **Каков был формальный повод?**

— Никакого. Просто остановили и все. Они что хотят, то и воротят.

— **Существует еще одна корпорация, которую можно было бы сравнить с вашей — это «BIZ-Enterprises» Бориса Зосимова. Там...**

— Я ничего не знаю про эту корпорацию. Не в курсе.

А вообще считаю, что совсем необязательно, чтобы существовала только одна моя корпорация. Наоборот, таких должно много возникать. Ведь это же витает в воздухе: радио, телевидение, грамзапись, концерты — все должно работать скоординированно.

— **Вы не боитесь конкуренции?**

— Как это — бояться? В каком смысле? Вообще странное слово — «боюсь». Оно сюда не подходит. Правильно будет спросить: «Вы не чувствуете конкуренции?»

— **Вы не чувствуете сейчас конкуренции?**

— Не чувствую. К сожалению, не чувствую. Впрочем, мне это не очень интересно, потому что шоу-бизнес... да и вообще бизнес мне неинтересен как таковой. Я бизнесом занимаюсь с трудом.

— **А чем бы вы хотели заниматься?**

— Кайфом. Тем, что мне нравится. Я вынужден заниматься бизнесом, потому что без этого ничего не получится. Пока.

— **Ну а разве вы не можете посадить в ваше кресло своего, так сказать, заместника и...**

— Я могу только мечтать об этом. Вы не хотите попробовать?

— **Нет, спасибо. Но все же, получив вот эту желанную свободу, что бы вы делали?**

— Ну-у, кучу разных вещей. Начиная от научной работы и кончая творческой.

— **Что имеется в виду под словами «научная работа»?**

— Философия, теософия, философская математика... Знаете «Доски судьбы» Хлебникова? Ну и вообще — много есть разной деятельности, которая в кайф. А бизнес — это нерадостное занятие.

— **Может ли наступить такой день, когда вы встанете из-за этого стола, смахнете на пол все эти бумажки и просто уйдете отсюда? Навсегда.**

— Да. Конечно. Я надеюсь, что такой день наступит. Только я не буду ничего сбрасывать со стола, потому что я чувствую ответственность перед людьми, которые здесь работают. Их жизни не будет сбрасываться со стола.

— **Вам никогда не приходила в голову мысль уехать из страны?**

— Раньше не приходила... А сейчас приходит. То есть до перестройки, когда меня закрывали, зажимали, не выпускали, я даже не представлял себе как. Как можно уехать, когда не выпускают? А сейчас думаю: ну что такое, ну где же просвет? Сколько лет нам понадобится, чтобы восстановить свой генетический код? Четыреста, пятьсот? Я не знаю. Ну, правда, я-то куда не уеду.

— **Как часто вы сейчас музицируете?**

— Очень редко. Когда друзья приезжают... Фрэнк Заппа, например.

— **Но это чисто внутренние «сэйшенсы»?**

— Внутренние. Для публики я никогда не играю.

— **С кем из западных музыкантов вы общаетесь?**

— Ну, с очень многими... Я даже не знаю... Это будет список человек в сто. «Лед Зеппелин», «Дип Пёпл», Род Стюарт, Питер Гейбриэл — да со всеми. Но это, в основном, раньше — в то время, когда я активно занимался музыкой, когда делал группу «Парк Горького». Это было увлечение —

оно кончилось. Потом я увлекся симфоническим оркестром. Это, между прочим, первый и единственный в стране частный симфонический оркестр.

— **Вам не приходила в голову идея пригласить сюда ваших знаменитых друзей и поиграть здесь всем вместе для какого-нибудь узкого круга? Создать «звездный ансамбль на час»...**

— Здесь, как мне кажется, это будет искусственно выглядеть. Потому что у нас этот «узкий круг» настолько узок, что я его и собрать-то не смогу. Кого приглашать на такую «тусовку»? Мэра города Лужкова? Но он больше футбол любит. Вацлав Гавел, друг и поклонник Фрэнка Заппы, принял его буквально на правительственном уровне, когда тот приехал в Чехословакию. А у нас я не знаю, как мне объяснить, кто такой Фрэнк Заппа. Он приезжает ко мне в гости, и никто не обращает на это внимания. Мы же не скрываем — пожалуйста, берите интервью, встречайте... И что? Больше того: когда о приезде Фрэнка узнал Шнитке, то он мне позвонил и спросил, могу ли я их познакомить. Шнитке приехал, и мы сидели втроем, разговаривали часа два. Когда-нибудь я, может, напишу про этот разговор. Вот я и подумал: что ж, один Шнитке понимает, кто такой Фрэнк Заппа? И позвонил на телевидение Володе Молчанову и его музыкальному редактору. Говорю: ребята, вот такая ситуация. Они приехали. Сняли Шнитке и Заппу. Но не показали.

Тому узкому кругу, о котором вы говорите, намного проще — взять билет и поехать туда, где эти музыканты живут и выступают. Здесь совсем другая жизнь, другая культура. Говорить, что она неправильная, — несправедливо. Если я приезжаю в Монголию и там поет акын на одной струне про то, что видит, и я ему вдруг предъявляю претензии, то он вправе сказать: «Я главный любимец этого народа. А если тебе не нравится, значит, ты — чужой, вон отсюда». Для того чтобы говорить, что хорошо, а что плохо, должен быть критерий. А критерий — это публика. Публике нравится — значит, хорошо. Хорошо для этой публики.

— **В каком возрасте вы начали играть?**

— М-м-м... В каком? Наверное, лет в четырнадцать... Нет, ну вначале я учился на фортепиано. Мне давал частные уроки Арно Бабаджанян, такой был композитор...

— **Довольно-таки известный твисты...**

— Да, он известен, к сожалению, твистами, а в действительности это был классический серьезный ком-

Сергей Воронов («Кроссродз»), барабанщик Стив Джордан, Кейт Ричард («Роллинг Стоунз») и Стас Намин в Нью-Йорке

позитор. Но деньги делают свое. На классике он не мог зарабатывать и поэтому писал твисты. Он писал их в туалете.

— ???

— Да, он так к этому относился. Он из туалета напевал своей жене какую-нибудь идиотскую мелодию. Та записывала музыкальную фразу, и потом они отдавали ее аранжировщикам.

Так вот, он меня учил, и, как потом рассказывал, я все время сбивался на какие-то джазовые дела вместо классики. Правда, джазу я так и не научился.

— **Ваша дочь не занимается музыкой?**

— Нет, слава Богу.

— **А если она захочет заниматься, пойти на большую, что называется, эстраду?**

— Не-ет! Не захочет. У нее, слава Богу, хороший вкус.

— **Вы смотрите музыкальные телепрограммы?**

— Нет. Я не могу сказать, что они плохие, понимаете? Просто они создают мне дискомфорт. Я воспринимаю эту музыку с трудом.

— **Что это за загадочная команда «Парк Горького»? О ней почти не было информации. Пара клипов — и все.**

— Когда моя группа («Группа Стаса Намина» — А.Б.) распалась в связи с тем, что я ушел из нее, каждый музыкант стал делать что-то свое. Один из них был Саша Малинин — он играл у меня лет пять, я придумал ему этот красивый псевдоним. Другие ребята — Саруханов Игорь, Никольский Костя, Сапунов Андрей — там много было разного народу... Так вот, из части музыкантов я сделал «Парк Горького». Два года я над ними работал, потом запустил, можно сказать. Дальше — их жизнь. Я ж не мама.

— **Вопрос, который меня очень занимает. Имел ли в действительности «Парк Горького» успех в Америке? Доводилось слышать самые разные версии...**

— Я боюсь говорить о таких вещах для нашей публики. Потому что дезинформация настолько сильна — не по поводу «Парка Горького» — а вообще по поводу того, что происходит на Западе с нашими исполнителями. Если сказать правду, то она может просто ошарашить доверчивых наших слушателей. Может, лучше и не надо ничего говорить? Пусть лучше люди живут, думая, что Алла Пугачева — я против нее ничего не имею, она моя подружка — популярна в мире. Разубедить в этом невозможно до тех пор, пока люди сами куда-нибудь не поедут, не увидят, что никто не слышал не только Пугачеву, но и во-

Арнольд Шварценеггер и Стас Намина — армрестлинг в парке Горького

обще никого из наших. Единственное имя, которое чуть-чуть прозвучало там, — это «Парк Горького». Прозвучало имя и одна песня, которая очень быстро забылась. А что касается успеха, то в какой-то момент успех был действительно ошеломляющий для неизвестной группы из Монголии (мы выглядим там примерно так же, как монголы). «Парк Горького» попал на восьмидесятое место в хит-параде из двухсот наименований и продержался там несколько месяцев. Это вообще уникальное явление. Боря Гребенчиков тоже выпустил пластинку на Западе и был на сто девяносто восьмом, что ли, месте, причем всего одну или две недели.

— **Сейчас у вас нет проектов типа «Парка Горького»?**

— Уверен, что и не будет. Рок-музыка, на мой взгляд, умирает. Тот крик души, который породил взрыв в шестидесятые годы или, у нас, в восьмидесятые, сейчас сошел на нет. Остались гении вроде Юры Шевчука и еще кого-то... Но они уже вне жанра. Во всяком случае, мне рок-музыка теперь неинтересна вообще. Но если рассуждать чисто коммерчески, то я могу привезти сюда каких-то музыкантов.

— **Вы организуете сейчас чьи-нибудь гастроли?**

— Да. «Айрон Мэйдэн». Затем, надеюсь, «Ганз энд Роузез» — примерно в июле. Затем я планирую Тину Тернер, Рода Стюарта... Но я рассказываю вам вещи, о которых не принято говорить: у меня, может, ничего не получится. В сентябре, думаю, привезу «Скорпионз». Тогда же хочу сделать концерт Шарля Азнавура. В принципе, я подписал контракт с Майклом Джексонем, но пока сроки не оговорены.

— **Вы общаетесь с кем-либо из наших шоу-бизнесменов?**

— Нет. Я же не связан с шоу-бизнесом. Правда, насколько я могу судить, сейчас есть тенденция к тако-

му мафиозному захвату территорий. Фигурально выражаясь. Эпизодически, когда делаю какой-то концерт — вдруг сталкиваюсь с проблемами, которые ставят передо мной другие. Те, кто уже оперился за последнее время и из птенчиков превратился... уж не знаю в кого.

Вы все время меня спрашиваете о шоу-бизнесе, а вообще-то я занимаюсь и строительством, и проектированием, и торговлей.

— **Строительством?**

— Да, вот один из проектов — стоэтажное здание.

— **В Москве?**

— Да, в рамках проекта «Moscow City», на Красной Пресне. Этим занимается очень старая американская фирма, которая построила практически весь Вашингтон, Нью-Йорк.

— **С кем из музыкантов вы общаетесь?**

— Из музыкантов...

(Секретарь сообщает, что звонит президент «Менатеп».)

Вот с кем я общаюсь. (Берет трубку.)

...Я веду образ жизни не очень привычный для этой страны. Я не хожу в рестораны, не играю в азартные игры, не курю, не пью.

— **Никогда не были в казино?**

— Был. Конечно, я был — в Лас-Вегасе. Но быть в казино — это ж необязательно играть. Хотя моя жена проиграла как-то три или четыре доллара...

Раньше я работал по восемнадцать часов в сутки. Последние два-три года работаю до шести часов вечера.

— **А потом?**

— А потом иду домой.

Алексей БЕЛЯКОВ

Петр АЛЕШКОВСКИЙ

ЧУВСТВО ЮМОРА

Знаешь, где ты мог меня видеть? В «Стрелецкой избе» — я в семьдесят девятом там с Лушкой в баре работал. Потом в «Коопторге» и в «Заготскоте» коньячку попил, но вовремя деру дал — тамошние ребята плохо кончают, нашему брату шальная денежка — верная смерть. Серегу Костюрина ты не знал? Тридцать девять лет парню, а почки, как у Андропова, в Ленинграде на аппарате полежал — и без толку, в землю не что зарывали — Серега у нас другой был.

Потому что — дармовщинка. Сколько же пить можно, ведь как из крана водопроводного льется, а нервы? Ты мне можешь возразить, что у иных и от бзэфа не склеивается, и от денатурата глазки не зарастают, но тут не в напиток дело, не в количестве даже, а в запасе прочности. Вот пьет человек, чтоб боль заглушить, про него говорят — глушит, и точит его Змей Горыныч, но медленно. Знаешь, на сколько качков наше сердце рассчитано? Там одних нулей мне забором дом огородить хватит. А печень? В лабораторных условиях она даже антикумарин выдерживает. О чем это говорит? О том, что есть в нас и иной запас прочности и без чувства юмора тут нельзя никак. А если со звериной серьезностью, если за ради денег только — не выдержать — жилка лопнет.

По себе знаю. Татьяна, моя баба, недалекая, но добрая — все мне позволила перепробовать. А почему? А потому, что уразумела — интересно мне все своими руками пощупать. Но только пощупать — к ним, видишь, не липнет. Я за ночь, случалось, в Питере по три тысячи палил, а тогда всегда сколько стоила — не чета нынешней. Но нагледелся до тошноты, коньяк мне поперек горла встал. И в сердце шум, и ливера сразу зашевелились, а как одумался — сразу отпустило. А Сережка сломался. Как уж я его из «Заготскота» тянул — ни в какую. — Не могу, Олежаек, отвык жить с рублем в кармане, да и Светка не поймет.

Вот и сгорел. А думаешь, с радостью он ее пил? Как упырь тянул, со стоном душевным, а ведь водочка нам на радость гонится. Да и сколько себя подстегивать можно, не без конца же? Все прежние мои друзья на раскумаре живут, а как скука нападает — туши свет! Скука, брат, страшнее ее не придумаешь, и, главное, лезет в голову, лезет — не убежать, и не залить. Вот я мог за ящик «Пепси» тысячу рублей отвалить, представляешь? Было раз, гуляли ночью, а запить нечем оказалось. Поехали. Буфетчика искали. Будили. Это ж и есть раскумар, а что потом это «Пепси» и не пил никто — не в том дело. А дальше? Ставки повышать? По сорок восемь часов из-за стола не вставая в очко шлепать? Но ведь проспишься — тоска, тоска, хоть вой! И так не один день, не два, не три, и не месяц. И, главное, все, все кругом одно и то же. А я так не могу — от кого-то зависеть, за кого-то дрожать, надоело — пускай я без денег, но свободен как птичка в полете, такая жизнь только по молодости и возможна. А может, я и не прав, а?

Не знаю, не знаю, у меня лично завод кончился. А если кончился — надо бежать. Просто не смешно стало. А без смеха я не могу — без смеха кто живет: филин да крестьянин, да и то, приведись им друг друга повстречать, наверняка б животики пообтрясли рожа-то на рожу глядячи, верно?

Вот я что и говорю — чувство юмора, главное — оно меня одно и спасало. Я потому легко живу, что смешно мне, а если скука нападет, не отчаиваюсь, главное резко обстановку сменить, и снова — вот он я, туточки. Я же знаю — никто за тебя не решит, я с детства сам за себя, а другие... другие тоже так, только никому в этом признаться неохота. Но смех смехом, а сбежал. По-глупому, на чей-то взгляд, ни копейки за душой не осталось, но звончок мне был, я его и послушался.

У Сереги почки, у меня — спина. Да как! Сначала болело легонько, я в бане отмокал, но не в бегемота же превращаться. Поприжало. Побежал к Лушкиной матери, к ведьмице нашей. Спину гладила, травы давала на компрессы, шептала-бормотала — поначалу оттягивало, а после — хоть волком вой. Это, говорит она, душа у тебя скрежещет, надо от денег несправедных уходить, они на людей только порчу нагоняют. Что ж, спрашиваю, старая, ты свою Лушку из ресторана не выгонишь, коли так деньги вредны? Она обиделась, перестала лечить. И вовремя, совсем бы в гроб меня вогнала. Может, Лушку она и выходила, когда в ней жигулевский карданный вал побывал, ведь все уже врачи отступились, а мне — не помощница. Но чую, давно чуял — не в деньгах мое счастье.

Бросил пить — болит. Из «Заготскота» ушел — полегчало немного, но потом так сжало — до ветру не сходить. Об орлом пристроиться не моги и думать — хребет, как лом чугуны: не гнется, и горит, как если б у меня из спины чингачгучки ремень вырезали. Я в банке инкассатором на «уазике» начал ездить, а по нашим дорогам с такой спиной... Никакие пуховые платки, никакие подушки гагачьи не спасают. Пекло натуральное — сидишь на расплавленном олове, а за воротник тебе масло кипящее льют. Домой приходишь не пики — перед Татьяной неудобно. И такие невеселые мысли стали меня посещать — кумекаю: погулял Олег Петрович по буфету. Но Татьяна молодец — глядела, глядела и в ЦРБ сволокла, я ж долго отбивался, знаю эти больницы, где что таблетка, что клизма — одна на всю палату.

Ладно. Положили меня на койку, укутали одеяльцем. Справа — астматик, слева — ревматик, у стенки одной — язвенник, как мумия сушеная, у стены другой — два паралитика — инсультники, — у тех свои разговоры, и я — подагрик — посредине — обхохочешься, словом. У тебя, Олежаек, королевская болезнь, как мне доктор Вдовин заявил. А после осмотра спина болит, так я, не стесняясь, отправил его в Хренландию эскимосам бачки заправлять да пингвином эскимо из моржьиного вымени раздаривать, он и вышел не попрощавшись.

Дела такие: кричи «караул» — не услышат. Паралитики — писаются, язвенник как колода молчит, да все язык перед зеркалом разглядывает, астматик дышит так, словно в любую минуту папу навестить отправится. Только на деда слева надежда, вроде с юмором — услышал, как я Вдовина отбрил, захихикал, смотрю — глазенки так и забегали. Ага, смекаю, хоть ты мне тут стгнуть не дашь, а спина расходится, расшевелил ее змей своими пальцами.

Деду скучно, а меня как новенького еще стесняется, начал правого моего соседа обрабатывать. «Чего пыхтишь,

Семеныч, подышать собрался?» А тот, как карп на берегу, — сопит, а ответить не может — астма. Ну, Митрюничев, так у деда фамилия, не отстает: «Семеныч, а Семеныч, нехорошая, брат, тебе койка досталась — на ней больше двух суток не живут, поверь мне». Смотрю, астматик аж закатился, на лай перешел. Пришлось неугомонному тапком в лоб засветить — мигом исчез.

Через четверть часа, гляжу, топают — чай Семенычу не сет — не со зла же, конечно, приставал, со скуки. Отпоил, отходил, подушку ему взбил — разговорились. А у этих одна песня — кто где воевал? Выяснилось — оба Будапешт брали. Тут у них такой гвалт пошел: руками замахали, обниматься лезут, словом, идет все к бутылке. И точно, через пять минут Семеныч мне и говорит: «Олежек, помоги, обмыть нам это дело надо», — вмиг его Митрюничев обработал. Я — что — дедкам одна радость осталась, а Семеныч, как дембельная пряхка, вся астма разом схлынула — достает из тумбочки кошелек, выдает мне красненькую (у Митрюничева, естественно, карман пустой — денег там и в помине не водилось). Позвонил я знакомому мужику, заказал — на этот счет связи старые работают как часы — отдал моим ветеранам. Сам не пью.

Они ее разом приговорили. Дед Митрюничев на вид только хлипкий, на деле — бывший штрафбатовец — бутылку штопором завертит — в шесть секунд на спор вливает, сам видел, а тут два бывалых сошлись. Отбой скомандовали, ночник запалили, а Семеныч захорошело, глазки заблестели, привстал даже: «Мужики! Мужики, что я их слушал, давно б надо было, хорошо мне — дышится!» И весь, как первоклассница, светится, и руками подушку держит, лицо ею гладит, слезы промокает — давно, верно, так легко ему не было.

Вот так с час поблаженствовал, а потом сосуды сжались, видно, и приняло его крутить: и лежать не ложится, и сидеть не сидится — мелко-мелко дышит, и так: «Надя-Надя-Наденька», приговаривает, — сестру зовет. Я только поднимусь: «Семеныч, сходить?», а Митрюничев со своей койки как шикнет: «Сдохни, старый черт, но не выдавай, сдохни скорее». Ну, Семеныч и отказывается — кремь.

Через какое-то время встал, походил немного, сел на мою койку, привалился к спинке и опять как в забытьи: «Надя-Надя-Наденька». А Митрюничев снова свое: «Сдохни, гад, скорее, куда тебе — отбродил, сдохни, но молчи!» Гляжу, у Семеныча зрачки от страха широкие-широкие, но за сестрой идти мне не дает. Чуть отпустило его, он и взмолился: «Олеженька, можно я на тебе полежу, мне если под грудь валик твердый — помогает». Что говорить. Примостился поперек — тяжелый, черт, а у меня в спину вступило, но терпеть можно — лежим. Семеныч опять пыхтеть, но по другому — теперь вдохнет, а выдохнуть не может, как давится. Подергался, подергался минут с десять, начал вставать, и на бок, и на пол — бряк!

Митрюничев вскочил, глаза ему закрыл, руки на груди сложил: «Все, — говорит, — отъездился. Иди — зови санитаров», и бегом в уборную — курить. Я сразу поверил — он, думаю, мертвяков наглядялся. И точно — потом такого мне рассказывал — он, как я, смерть уже и не воспринимает.

На пост, конечно, я ходил — Митрюничев побоялся, что запах учуют. И до морга мы с Надеждой Семеныча таскали на носилках — пойдешь ночью дежурных дозовись.

Утром за завтраком замечаю, что Митрюничев свое яйцо в карман занякал и за Семенычевым тянется. Ладно, думаю, пусть поотъестся, но дед другое задумал. В двенадцать заходит в палату Вдовин, и прямо к нашим кроватям. А дед приготовился — сел на корточки на матрасе, одеялом накинусь и тихонечко так прикудахтывает. Вдовину не привыкать к его фортелям, с разгону рубит: «Митрюничев! Пил с покойником? Пил! Ну и хватит, собирай манатки и кати в свою деревню», — впаля приговор. А дед не слышит будто, в одну точку уставился и все бубнит: «Сейчас, сейчас, Сер-

гей Сергеевич, голубчик, обязательно, только вот яичко несусь». Вдовин не стерпел — прыснул в кулак, а деду того и надо — забился, заорал — натурально несущка, и достает из-под себя яичко, а лицо такое невинное-невинное.

— Сергей Сергеевич, пошлите в Академию наук на анализ, чес-слово, не знаю, что со мной приключилось, второй день несусь, вот Олежек не даст соврать, — и такую рожищу скорчил — Вдовин уже от души в хохот.

Яичко взял, в руках вертит, а дед опять зашелся, и между охами, квохтаньем как сквозь зубы выговаривает: «Сергей Сергеевич, дорогой, голубчик, спасите ради Христа, что же это со мной такое, а? Ведь как начнется — не остановишь. Ой, а-а...» И опять достает, еще одно, тепленькое. И так натурально изображает: напыжился, головой поводит, глаза закатывает — цирка не нужно. Но Вдовина не проведешь:

— За яйца, Митрюничев, спасибо, а вещи собирай, заготовился ты у нас. Ну скажи честно, зачем вчера водку пил? Но Митрюничев — калач тертый, свою линию гнет: «Ой, ой, голубчик, Сергей Сергеевич, опять, опять лезет, ой, умру, не верите, пощупайте сами!» Рукой за руку хирурга тянет, и такая в глазах мольба. Вдовин, конечно, не дурак — сунул руку под одеяло, видно щипануть клоуна хотел, да тот оказался проворней — поднатужился, да как грохнет! Вся палата в рев! Язвенник чуть с койки не съехал, а паралитики наши так одним голоском тянут: «И-и-и!» Вдовин на секунду опешил, затем выматерился и — деру.

На следующий день пришел как ни в чем не бывало — простил деда. Сел на табуретку, рассказал, что Семенычу все равно жить два-три дня оставалось, запас прочности у него давно вышел, чудом одним жил — вместо легких одни тряпочки, — выходит, водка ему только мучения сократила. Но Митрюничева пообещал в другой раз отловить и выгнать обязательно — хоть ты, мол, золотые яички носи.

Дед мой приободрился, заходил по палате петухом: «Он, — говорит, — так каждый раз стращает, но не гонит, знает же мое положение». Полдня гордился, а к вечеру скис. Сердце заболело — Семеныча вспомнил. Повис у меня на плече: «Олежек, Олеженька, ты говоришь жить, жить, а что я в жизни видел? Я дальше Старгорода только в войну и путешествовал», — расхныкался. И все мне рассказывает как ребенок про свое детство, а я сам сирота — меня голодом удивил, что ли? Я его на руки и в ванну — помыл, отвлек, и в койку. Только на тело его смотреть страшно было — сплошные дырки. Я, значит, охаю — дед оживает — герой он супротив меня! Врешь, говорю, дед, ведь из штрафбата после первой крови списывали. А он мне: «Да? Два! Выкуси! Пять раз назад из тыловых госпиталей направляли!»

Не знаю, где он врал, где правду говорил, но места живого на теле нет — это точно.

Заодно с ним и я вымылся. Лежим мы ночью — хорошо, сна ни в одном глазу — целый же день подушку давишь, дед и признался мне, что симулирует.

— Как тебе, Олеженька, вернее сказать? Вечерами такая вдруг скука давит — лезет и лезет, прямо как в окошко заползает. Покойники стали сниться — раньше я на них спал, с устатку и не замечали их, а теперь мстят, приходят, беседы заводят, а что говорят — непонятно. Зовут, наверно. Но хрена я им дался — не такое видал. Порой, правда, кажется, что умом тронулся, но нет — вроде соображаю. Это на войне я бешеный был, а теперь тихий. Вот я зимой в больницу от них и сбегую. Болезней целый набор, о них только времени думать не было, а теперь пороюсь, пороюсь, выну козырек из колоды, хлоп Вдовину на стол — ему отступать некуда — ветеран войны, инвалид: ревмокардит страшный, гипертония опять же — он кладет. Месяца по три здесь лежу. Лечить тут не лечат, зато хоть коряты три раза в день — уже хорошо. Вдовин мужик добрый, этот не Панкратов. Вдовин если чего не понимает — разрежет, покопается для проформы и зашьет — хуже не сделает, а Панкратов — суций фашист, — тот опыты ставит — знаешь, сколько людей на

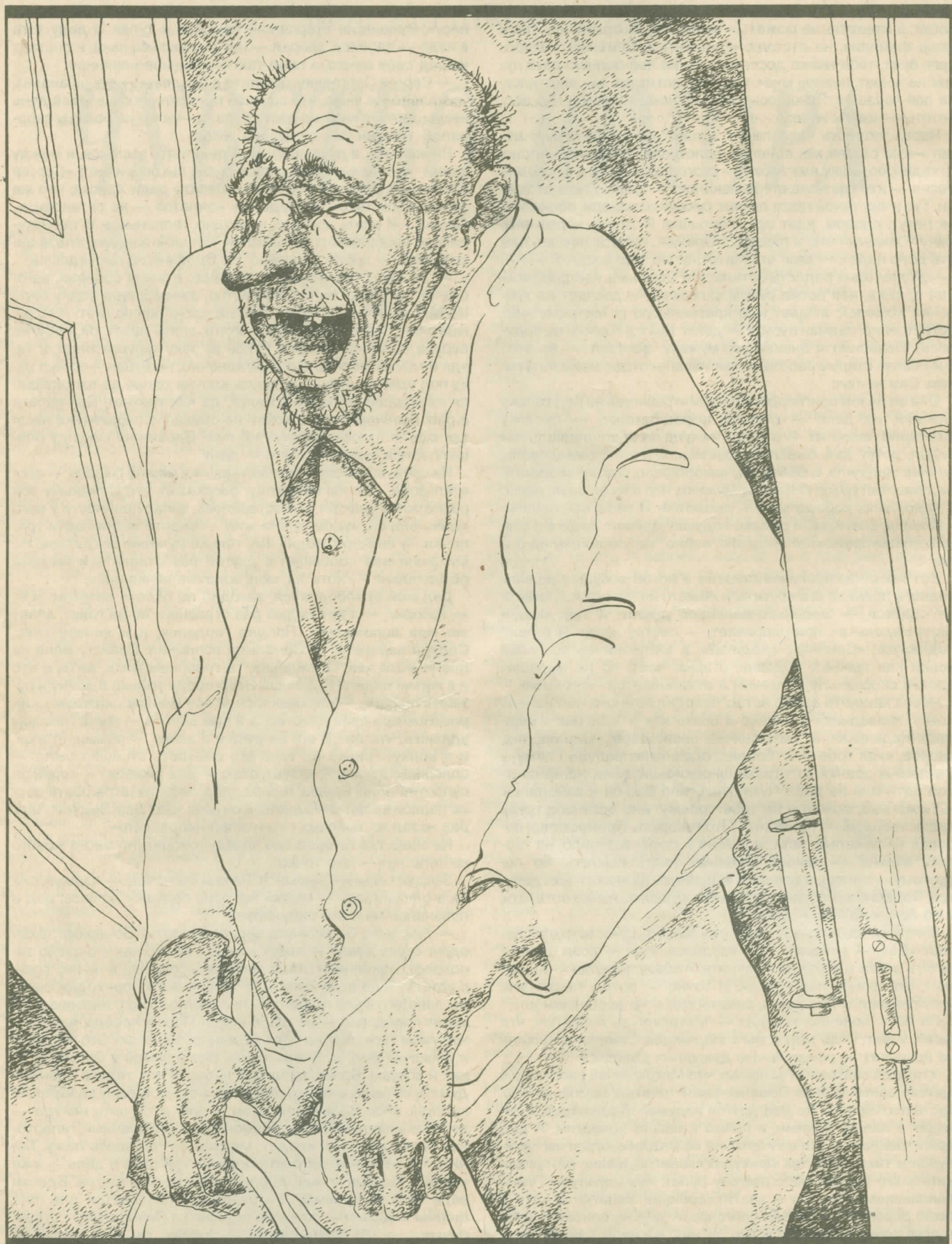

Рис. О. Разиной

тот свет отправил ради своей диссертации? То-то!

Смешной, словом, дед. Мы с ним сдружились. Как он кистнуть, я его гонять. У нас тем временем один из паралитиков загнулся, и язвенник после операции панкреатической дуба дал, не в палате, правда, в реанимации, но мы узнали — все не легче. Новых привезли, так мы с дедкой с ними не особо, так друг за дружку держались. Днем делать нечего, вот он и пристал ко мне с картами — играем. Со скуки деру я его, конечно. Потихоньку-полегоньку всю одежку его выиграл, все ордена, медалки — он же в больницу как на парад выряжается. Гляжу, дед опять приожил — глаза снуют по сторонам, азарт в нем разгорелся, а играть больше не на что. Ага. Ходил-ходил, и так, и эдак, а я вроде сплю — на деле-то у меня спина ноет. Вот он не стерпел, присаживается: «Что, Олеженька, болит?»

— Иди, иди, — отвечаю, — по вторникам не подаю.

Он понял, что лаской не взять, давай внахалку: «Отдай-ка мне, сынок, пиджак — надо мне в город сходить».

— Какой-такой пиджак?

— Да вот же он, Олеженька.

— А ты, дед, не забудь, что он теперь мой? Я его сейчас изрежу на подкладку для спины — болит же, зараза.

— Ты что? Ты что? А медали куда денешь?

— В Ленинград свезу, на водку сменяю.

— Ай-яй-яй! — Головой крутит, вздыхает как лошадь.

— А может, отдашь?

— Нет, дед, крепись, такая тебе судьба — проигрывать не надо было.

— Ну, может, придумаешь что?

А уже вся палата подключилась, ждут, как он выкрутится, но дед всерьез переживает — не видит, не слышит, представил себе пиджак распоротым. Жалко его, но знаю — отдашь так просто — ему без удовольствия будет, может даже и обидеться. Я и придумал.

— Дед, а дед, сможешь в коридор зад голый выставить и частушку спеть?

— За пиджак?

— За пиджак.

— И за ордена?

— Много хочешь, дед.

— Так я могу вообще голиком.

— Это ж не баня, дед. Ладно, валяй за пиджак и ордена.

Ох он обрадовался, скорей, пока я не передумал, штаны спустил, выставился в коридор из дверей да как заорет частушки — у нас в палате едва лампочки из патронов не повыскакивали. Вестимо, Надежда прибежала, пригрозила высылкой, но видно было — у самой скулы от смеха сводит. А дед опять в герои попал.

Забрал свой пиджак, брюки (между делом так — о них речь ведь не шла), залез на кровать, медалки перебирает, но не надевает — смакует. Посидел-посидел, а потом как шмякнет костюм озёмь, в подушку уткнулся и захлюпал. Я его за плечи оттягивать: «Дед, ты что, прости, я ж обидеть не хотел». А он, представляешь, глядит так на меня и сквозь слезы давится: «Дурень ты, Олежка, как есть дурень. Какая обида, теперь ты меня позабудешь — ни за что ко мне в деревню не приедешь». У меня, веришь, дух захватило, как дошло.

— Ах ты, старый хрен, симулянт голожопый! — потискал его немного, повалил на кровати, ну и пообещал, поклялся даже заехать.

А скоро и вправду Танька меня из больницы утащила — кой черт там лежать — таблетки можно и дома пить. Повезла меня к костоправу, аж в Таганрог. Тот меня и вылечил, без всяких там лекарств и примочек, но знал бы я заранее — ни за что б не поехал — гестаповский застенки, а не лечение. Вот где я деда вспомнил. Он же рассказывал — умирают те, кто устал, а кто пожить еще мечтает да за жизнь зубами держится — выживет. По пять раз на дню там эту его присказку твердил.

Вот представь: здоровенный верзила метра в два, ручищи соответственные, кулаки, что два булжника. Кладет он тебя на живот, проводит пальцем по хребтине, а затем, ка-а-а жхнет ладонью — только хруст, и боль адова! Я ору до соплей, а он, гад, прихихатывает: «Кричи, кричи, ругайся, мне так даже легче — понятней что к чему». И снова — хрьсь! Я с катушек. Очнулся — не встать, а были б силы — зубами б ему палец откусил — руки-ноги отнялись.

Но ничего. В гостинице оклемался. В ванне полежал. И, знаешь, легче, легче! Чувствую — впервые за все время спина гнуться стала. Через два дня сам пришел на повторный прием, в другой уже кабинет. А там все просто. Ты про дыбу читал? Так представь — меня, в одних трусиках, привязывают к колесу, и этот громила чертов спокойненько так начинает мои ноги к затылку подтягивать. Простился я с косточками, с землей, с женой, заорал, и в обморок, а как вынырнул, как отлежался, знаешь... снова человеком стал. Цветы ему носил — благодарил, а он только посмеивается — знает свое дело.

Приехали мы домой, и я опять за свой «уазик». И очень даже хорошо — по любой дороге теперь без подушек справляюсь. И не жалею ни капельки, что из «Заготскота» ушел — за год, что проболел, корешков власть так застрашала, что сидят аки тени бледные. Я их посмешил — мне мяса отпустили, а о большем и мечтать не надо — опять, выходит, я в выигрыше.

И к дедке Митрюничеву съездил. У околицы уже мигалку врубил, у меня ж инкассация — спецмашина — подвалил к крыльцу. Дед выбежал — суетится, причитает — радости полные штаны. Я ему бутылочку привез — посидели, выпили. Так представляешь, он все меня за руку держал, отпускать не хотел. Чудной старик, ей-богу, ну куда я денусь, если уж приехал?

Дело у него завелось — грибы нам, ягоды собирал, а деньги предложил — надулся как мышь на крупу. Ну, я быстро его в чувство вернул, вспомнил только, как он частушки в больнице пел — он опять как новый пятак. А перед отъездом упрямил, чтоб на «уазике» я его к магазину подвез. Между делом так сказал, но я смекнул — неспроста, просто Митрюничев ничего не делает. Ну, мне сложно ли — подвез. У магазина вылез, мигнул мне так многозначительно — народ же кругом, все смотрят — и в магазин, вроде надо ему. Циркач, одно слово.

Сейчас, прежде чем Вдовину на зиму сдаваться, он к нам на постой наезжает, а в сентябре мы с Татьяной нелегаем — у них грибов, ягод — косой коси. Особенно клюквы там много. Вот я и задумал — с ребятами мы пошептались, — если выгорит, откроем кооператив, а деда заготовителем утвердим — этот всю жизнь завшлюзом работал, ему не привыкать — не в колхозе ж ему горбатиться. Нет, Митрюничев не такой!

Ты скажешь, опять, Олежек, на деньги потянуло? Нет. Тут другой коленкор. Во-первых, дело свое, если честно, мне с чужой кассой разъезжать уже поднадоело, во-вторых, надо и о старости подумать. Скоплю деньжат, построю в Поозерье домик, а на большее не претендую, мне только важно, чтоб свой, чтоб никто туда нос не мог сунуть, чтоб сам себе голова. Верно? Вот так, смех смехом, а, глядишь, дело и выгорит — клюква теперь в хорошей цене.

Ну а в деревне дедовой, вот уж где смех! Как приеду, смотрю, на машину с мигалкой все косятся, как на оперуполномоченного. Мне-то на них накласть с прибором, но знаю — дед присочинил, чтоб больше его боялись. Его в деревне не любят — он же, как я, — сам себе голова: вот он и посмеивается над ними да в потолок поплеывает. А мне ради него не жалко — пусть живет, у некоторых, говорят, в старости как второе дыхание на жизнь открывается — тогда и скука не страшна. А поглядеть — сморчок сморчком, но циркач, циркач природный, ей-богу. Главное ведь, чувство юмора не терять, точно я говорю, а?

Тимур Новиков

ТИМУР-АПОЛЛОН

*Жизнеописание художника Т.Новикова,
восторженное и слегка ироническое*

«Человек может найти что-то забавное в войлоках Йозефа Бойса — красоту в них увидит только извращенец. Меня же интересуют проблемы красоты, в первую очередь — колорит, композиция, форма».

Чем, если не народом и крестом, клянется русский художник? Красотой. Потому что больше нечем. И поздний Крамской, и ранний Серов, и даже наша эпоха художественных открытий приближает человечество к красоте, издавна искомым художниками, — авангардистские приветствия Николая Пунина из 19-го года. В нашей же ситуации пикантность состоит в том, что красотой божится не седовласый академик — ему по службе положено, — а крутейший «контемпорари артист» Тимур Новиков, который, если и умеет рисовать в традиционном понимании слова, то сильно это не афиширует.

Будь при нашем искусстве педантичный бюрократ, который сортировал бы все производимое на «высокое» и «прикладное», висеть картинам Тимура вместе с гобеленом и батиком. И выдающиеся форматы не спасли бы. Работы его буквально сшиты из дорогих и не очень дорогих тканей, расшиты стразами и позументом. Когда Адам пахал, а Ева пряла, наверное, она пряла что-то похожее. Все просто: к синему куску пришить желтый, в шов втачать кусочек красного солнышка, пустить по синему фону маленький кораблик и пару букв...

В то же время он уже художник исторический, то есть в

историю его занесли. Косвенно и непровержимо говорит об этом прижизненная публикация его «заветов» в питерской газете «Смена». Он — лидер Санкт-петербургского искусства со всеми причитающимися атрибутами: каталогами, статьями, многочисленными выставками. Последняя, на Майами, была одновременно с выставкой Фаберже, одним пригласительным билетом звали на два вернисажа сразу. Так как знаменитый ювелир лично присутствовать не смог, лавры успеха пришлось пожинать за двоих Тимуром.

Разговор с Тимуром — это игра «Городничий и Хлестаков». Ты заранее рад обмануться, а художник тут же начинает пускать в разные стороны тысячи курьеров. Его артистические старания оборачиваются полнейшим успехом: биография вышла невероятной, а теории вполне разумными.

Родился Тимур Петрович в Ленинграде в 1958 году, по гороскопу он Собака и Весы. Жизнь его с самого начала была интересной и увлекательной. Только пошел он в первый класс учить хинди, пришлось уехать на Новую Землю. «Там привык я к пейзажам гладким и ровным, к спокойному колориту. Многому научила меня суровая северная природа». Он жил рядом с домом Тыко Вылки — покорителя Севера, председателя Совета острова Новая Земля, а также скромного пейзажиста из «Мира искусства». То ли под обаянием сильной личности Тыко Вылки, то ли по собственному почину, но по возвращении в Ленинград Тимур записался в изостудию. «Я уже тогда считал себя очень талантливым художником». Но с красками всегда сложности — проще и полезнее было изучать искусство. Тимур становится юным искусствоведом. У него даже «диплом» есть, подписанный тогдашним директором Русского музея.

Туда он вернется чуть позже

работать истопником и параллельно смотреть спрятанный в запасниках авангард. «На праздники в Русском музее вывешивали флаги. А хранили их в том помещении, где я работал, сутки через трое. Ночью я в них заворачивался и спал. И, видно, какая-то энергия в меня перетекала». Так что золотые, серебряные и как яичный желток «штандарты» Тимура источником вдохновения имеют не эрмитажные гобелены и даже не белье, которое тут и там сушится в высоких Санкт-петербургских окнах, а — вздохнем по ушедшему — октябрьские парады и первомайские демонстрации.

Событием стало знакомство с Марией Александровной Спендиаровой. Дочь известного композитора, коллекционер, друг Ларионова и Гончаровой, она охотно рассказывала правдивые истории о героическом времени русского авангарда и сильно на мировоззрение Тимура повлияла. Он стал понимать, что авангардист авангардисту рознь, что одни — «сорвиголовы», а другие выступают с нижайшими в сторону классики реверансами. Михаил Ларионов среди них пример. Тимур пошел по его стопам.

Термометр, которым он определяет здоровье искусства, на XX веке зашкаливает. Долгие размышления привели к выводу, что искусство закончилось на втором этаже Эрмитажа. Небезызвестный эпизод, как в послереволюционные годы разбили по недоразумению пару слепков в академических классах, вырос в метафору постигшей нас всех катастрофы, которую иначе как «кризис безобразия» не назовешь. Где нимфы, где музы, быстроногая Артемида и юный Нарцисс, где лессировочная живопись, наконец? Все погребено под пеплом, кубизмом и футуризмом. Дикая пустыня простирается перед глазами. И решил Тимур построить храм Прекрасному. И принес на его свежеевыкрашенный алтарь

первые дары — свой светлый талант.

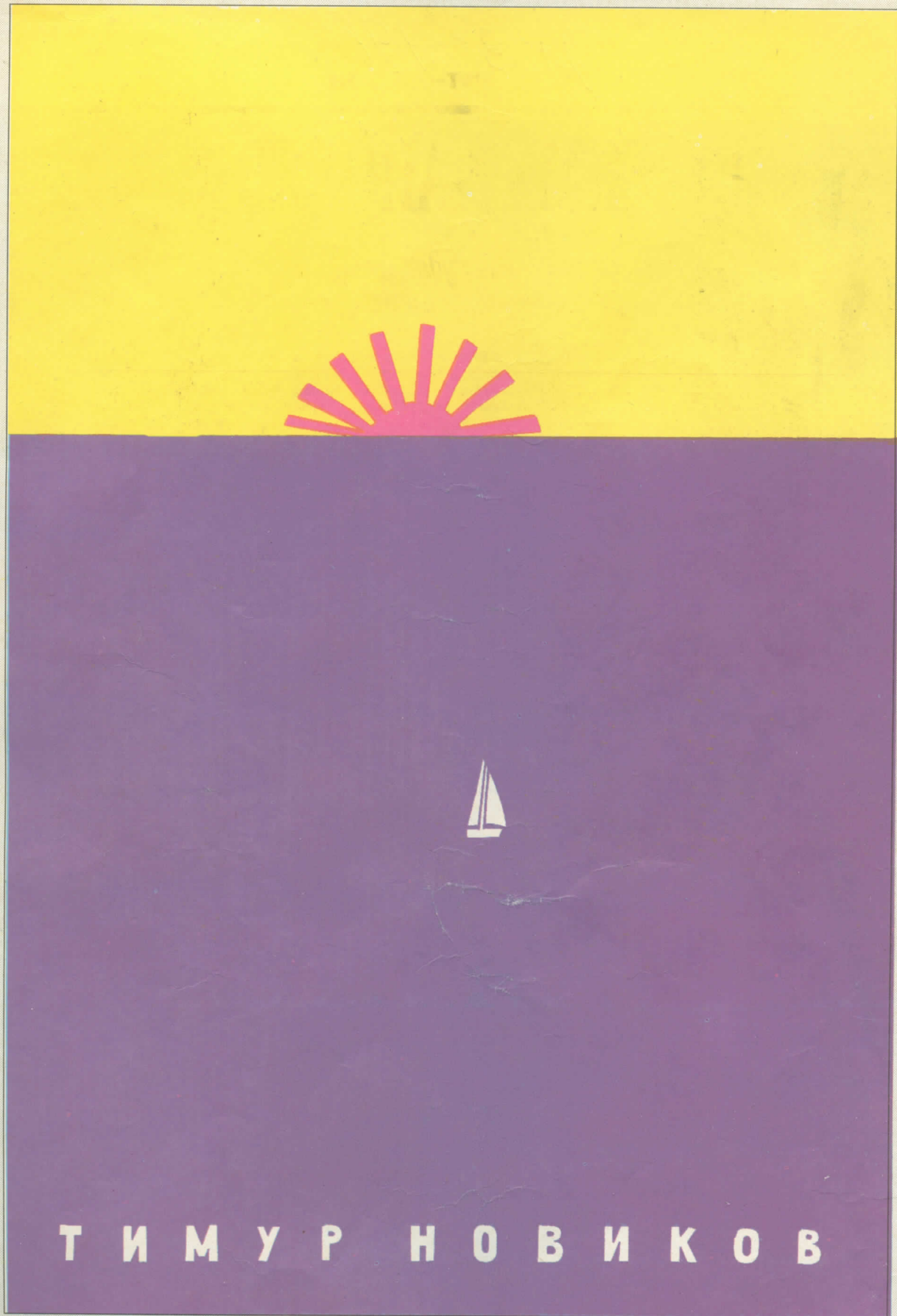
Он учредил новый тайный культ — культ Аполлона. И уже написал об этом книгу и драму. Вдохновенно, без тени сомнения пророчит он грядущую красоту. В своей маленькой комнате на Литейном он может даже сойти за Дельфийского оракула, если чуть прищуриться и ловить взглядом пальмы и море в телевизоре.

Не Аполлодор и даже не Гомер, Тимур не жаждет исторического буквализма, и в Имени не больше смысла, чем в названии файла. Аполлонический культ образца 1990-х годов совсем иных составов, чем был у базельских и петербургских профессоров. Не отдыха после академических штудий ищет Тимур, а современного прочтения классики, а нового чтения современности, «смены ориентиров и переоценки ценностей».

Вопрос, куда, собственно, подевался Дионис, остался риторическим. Новым Аполлоническим культом Дионис упраздняется. Остается гадать о причинах. Самая поверхностная — мифологический словарь на книжной полке, который по размерам заметней других книжек, к тому же «Рождение трагедии» нельзя найти на букву «А». Впрочем, сейчас Аполлону в пару, контрастом, больше подходит не пьяный бог, а трезвый, мудрый и безобразный Харон.

Современное искусство вообще немного напоминает инвалида, которому не дано сделать что-нибудь совершенное. Слоняясь нынче по невыразительным и многочисленным выставкам, давно уже никто не смотрит на «искусство». Хочется сказать словами классика: «А подать сюда только отрядное». Не хватает простоты, доступности и интереса. Хорошо было бы, чтобы искусство с тобой кокетничало и заигрывало, а не поджимало губки, как чеховская гувернантка, которая если и заговорит, то сразу же расскажет пошлый, несмешной, концептуальный анекдот.

Матерчатые пейзажи Тимура полны неподдельного протодушия. Тем и приятны. Они, как детские книги, которые только и надо читать, сообщают простые и вечные истины. Что вначале был хаос длиной куска материи, из него выкроили полотна стихий. Сшитые вместе, они родили Горизонт.

ТИМУР НОВИКОВ

Горизонт отделил твердь от неба, «назвал» море и снег. Атомы «кораблик» и «солнце» определили отметку нуля и задали этому миру масштаб.

Конечно, можно предположить, что вся наша отечественная «красота» — чухлое по-

бочное дитя французской «откутюр», что она навеяна красивыми журналами и телепередачами и тем, что нынче в моде блестящая бижутерия. Но пройдет время. Первоисточником станет текст, изложенный на бумаге, бумага пожел-

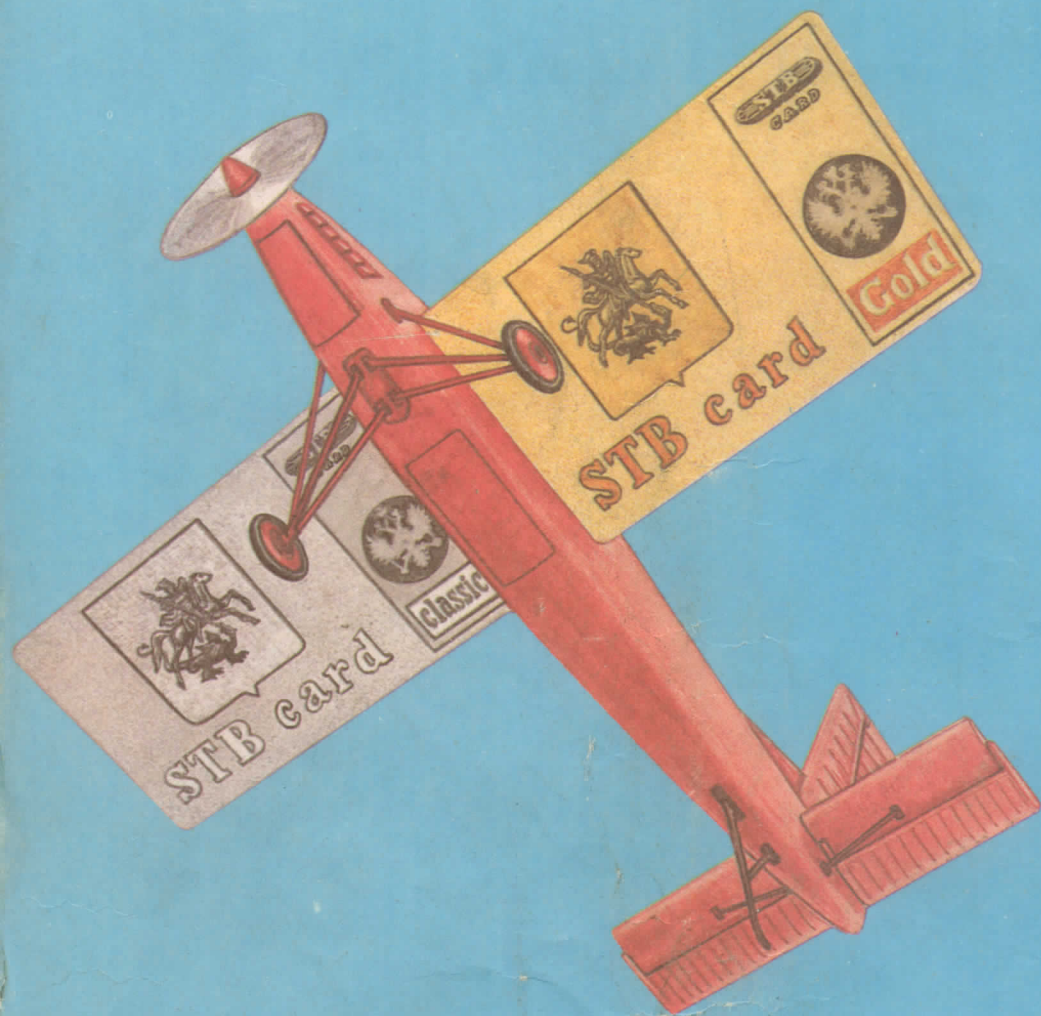
теет. Как соблазнительны окажутся теории Тимура Новикова. Его тягу к античности объяснят, наверное, влиянием Аверинцева или Лосева. Сколько «воздуха» в его теориях, сколько простора для интеллектуального наполнения,

для всего того, чем занимаются нынешние исследователи Малевича. Впрочем, классические тексты классического художника таковыми и должны быть: просты, лаконичны и непонятны.

Людмила ЛУНИНА

21-3-198

индекс 73746

БАНКОВСКАЯ КАРТОЧКА

